

ISSN 3034-4409
ISSN 3034-4417 (Online)

ЖУРНАЛ О ЦЕННОСТЯХ

ТОМ 2 # 3 2025 ЖУРНАЛ О ЦЕННОСТЯХ

JOURNAL ON VALUES

Издается с 2024 года, выходит 4 раза в год

Учредитель — Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Выпускается при поддержке факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Главный редактор А.В. ПАВЛОВ

Ответственный секретарь О.А. ГЛЕБОВ

Редакционная коллегия

И.Ш. АСЛАНОВА (Кыргызско-Российский
Славянский университет им. Б.Н. Ельци-
на, Бишкек, Кыргызстан)

Н.Б. АФАНАСОВ (ИФ РАН, Москва)

ПЕТАР БОЯНИЧ (Институт демократиче-
ского участия Юго-Восточной Европы,
Белград, Сербия)

Т.А. ВАРХОТОВ (МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва)

В.В. ЗОЛОТУХИН (НИУ ВШЭ, Москва)

В.С. МАРТЬЯНОВ (Институт философии
и права Уральского отделения РАН,
Екатеринбург)

А.В. ПАВЛОВ (НИУ ВШЭ, Москва)

В.С. САЙГАНОВА (Белорусский госу-
дарственный университет, Минск,
Белоруссия)

ШОГО ТАНАКА (Университет Токай,
Токио, Япония)

САИД САДЕХ ХАГИГАТ (Университет
Мофид, Кум, Иран)

ЧЖОУ ЛАЙШУНЬ (Хэйлунцзянский универ-
ситет, Харбин, Китай)

Редакция

И.И. ПАВЛОВ (ответственный редактор)

Т.Г. ШЕЙНОВ (редактор сайта)

Адрес: 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, 21/4

E-mail редакции: patria@hse.ru

Сайт: <https://patria.hse.ru/>

Редакционный совет

Н.Ю. АНИСИМОВ, председатель совета
(НИУ ВШЭ, Москва)

Ф.Е. АЖИМОВ (НИУ ВШЭ, Москва)

Л.В. БАЕВА (Астраханский государственный
университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань)

Ю.А. БУБНОВ (Воронежский государствен-
ный университет, Воронеж)

А.А. ГУСЕЙНОВ (ИФ РАН, Москва)

М.Е. КОЗЛОВ (Общecerковная аспирантура
и докторантура им. святых равноап-
остольных Кирилла и Мефодия, Москва)

А.П. КОЗЫРЕВ (МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва)

Н.В. КУЗНЕЦОВ (СПбГУ, Санкт-Петербург)

К.И. МОГИЛЕВСКИЙ (Министерство науки
и высшего образования России, Москва)

М.О. ОРЛОВ (Саратовский национальный
исследовательский университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов)

А.В. ТРЕТЬЯКОВ (Администрация Президента
России, Москва)

Издание зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, регистрационный номер: серия ПИ
№ ФС77-88655 от 05.11.2024.

Публикуемые материалы прошли процедуру
рецензирования и экспертного отбора.

Перепечатка материалов без разрешения
правообладателей запрещена.

PATRIA

2025

volume 2

3

JOURNAL ON VALUES

Published since 2024, Frequency — four issues per year

Founder — HSE University

Published with the support of the HSE Faculty of Humanities

Chief Editor ALEXANDER V. PAVLOV

Executive Secretary OLEG A. GLEBOV

Editorial Board

INDIRA S. ASLANOVA (*Kyrgyz Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan*)

NIKOLAY B. AFANASOV (*Institute of Philosophy, RAS, Moscow*)

PETAR BOJANIĆ (*Institute for Democratic Engagement Southeast Europe, Belgrade, Serbia*)

TARAS A. VARKHOTOV (*MSU, Moscow*)

VSEVOLOD V. ZOLOTUKHIN (*HSE, Moscow*)

VIKTOR S. MARTIANOV (*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg*)

ALEXANDER V. PAVLOV (*HSE, Moscow*)

VERONIKA S. SAIGANOVA (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*)

SHOGO TANAKA (*Tokai University, Tokyo, Japan*)

SEYED SADEH HAGHIGHAT (*Mofid University, Qom, Iran*)

ZHOU LAISHUN (*Heilongjiang University, Harbin, China*)

Editorial Team

ILIA I. PAVLOV (*Executive Editor*)

TIKHON G. SHEYNOV (*Website Editor*)

Editorial Office Address:
Staraya Basmannaya Str. 21/4, 105066
Moscow, Russia

E-mail: patria@hse.ru

Website: <https://patria.hse.ru/>

International Advisory Board

NIKITA YU. ANISIMOV, Council Chair (*HSE, Moscow*)

FELIX E. AZHIMOV (*HSE, Moscow*)

LYUDMILA V. BAEVA (*Astrakhan State University, Astrakhan*)

YURIY A. BUBNOV (*Voronezh State University, Voronezh*)

ABDUSALAM A. GUSEINOV (*Institute of Philosophy, RAS, Moscow*)

MAXIM E. KOZLOV (*Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Moscow*)

ALEXEY P. KOZYREV (*MSU, Moscow*)

NIKITA V. KUZNETSOV (*St. Petersburg State University, Saint Petersburg*)

KONSTANTIN I. MOGILEVSKIY (*Ministry of Education and Science of Russia, Moscow*)

MIKHAIL O. ORLOV (*SSU, Saratov*)

ANDREY V. TRETYAKOV (*Administration of the President of Russia, Moscow*)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Media, registration number: series PI No. FS77-88655 dated Nov. 05, 2024.

Published materials have undergone the procedure of peer review and expert selection.

Reprinting of materials without the permission of copyright holders is prohibited.

ISSN 3034-4409

ISSN 3034-4417 (Online)

© HSE University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора <i>Александр Павлов</i>	6
Традиционные ценности и современные медиа	
Эмоциональная аксиология: как постправда меняет ценностные иерархии <i>Денис Артамонов, Софья Тихонова</i>	10
Цифровая автономия: кто определяет ценности в обществе платформ? <i>Вера Потапова</i>	28
Новые медиа «новых правых»: современные примеры продвижения традиционных ценностей <i>Дмитрий Мусеев</i>	36
The Role of Right-Wing Alternative Media in the Nordic Media Systems <i>Kirill Stukanov</i>	48
Доступность, прозрачность, инклюзивность? Ценности Open Science и парадокс демократизации <i>Наталья Синеокая</i>	64
Биоэтика и традиционные ценности	
От естественного к искусственному конструированию живых систем <i>Валентина Редникина</i>	82
Вопрос о морали: осмысление традиционных ценностей на примере медицинских практик <i>Регина Пеннер</i>	92
Критика и рецензии	
Религия — нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества: рецензия на монографию «Культура и смерть Бога» <i>Султанбек Андиев</i>	106
Борьба добра и зла в эпоху стриминга: рецензия на сборник статей «Католический хоррор на телевидении: призрачная вера» <i>Анна Христюк</i>	110

CONTENTS

Editor's introduction <i>Alexander Pavlov</i>	6
Traditional Values and Modern Media	
Emotional Axiology: How Post-Truth Changes Value Hierarchies <i>Denis Artamonov, Sofya Tikhonova</i>	10
Digital Autonomy: Who Defines Values in the Platform Society? <i>Vera Potapova</i>	28
New Media of the "New Right": Contemporary Cases for Promoting Traditional Values <i>Dmitry Moiseev</i>	36
The Role of Right-Wing Alternative Media in the Nordic Media Systems <i>Kirill Stukanov</i>	48
Accessibility, Transparency, Inclusivity? The Values of Open Science and the Paradox of Democratization <i>Natalia Sineokaia</i>	64
Bioethics and Traditional Values	
From Natural to Artificial Design of Living Systems <i>Valentina Rednikina</i>	82
The Question of Morality: Understanding Traditional Values in Medical Practices <i>Regina Penner</i>	92
Criticism and Reviews	
Religion Is More Than a Tool to Stabilize the Structure of Society: Review of the Monograph "Culture and the Death of God" <i>Sultanbek Andiev</i>	106
The Struggle of Good and Evil in the Age of Streaming: Review of the Collected Articles "Catholic Horror on Television: Haunting Faith" <i>Anna Hristyuk</i>	110

Слово главного редактора

Александр Павлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: apavlov@hse.ru

Дорогие читатели!

Важное место в разговоре о ценностях занимает анализ тех социальных контекстов, в которых эти ценности распространяются. Это касается и традиционных ценностей. Полагаем, что из предыдущих выпусков читателю стало понятно, что, обсуждая традиционные ценности, мы имеем в виду не нечто архаичное и музейное, но роль этих ценностей в современности. Для анализа этой роли крайне важно обращение к наиболее передовым областям гуманитарных наук, а также внимание к последним изменениям в жизни общества. В связи с этим мы решили посвятить третий номер второго тома журнала «Patria», который мы рады сегодня представить, роли медиа в распространении ценностей и передаче традиций. Исследования медиа, на наш взгляд, представляют собой крайне продуктивное поле для изучения места традиционных ценностей в современном мире, а также для критического анализа тех тенденций, которые могут угрожать сохранению традиционных ценностей. В номер, в соответствии с его особой ориентацией на современность, включены также статьи о напряженности между традиционными ценностями и современной биоэтикой.

Основной раздел исследований медиа в контексте традиционных ценностей открывается статьей **Дениса Артамонова** и **Софьи Тихоновой** (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) «Эмоциональная аксиология: как постправда меняет ценностные иерархии». Авторы исследуют трансформацию социальных ценностей под влиянием цифрового капитализма, постправды и алгоритмической манипуляции, а также анализируют, как эмоции становятся ключевым ресурсом в формировании иерархий значимости, вытесняя рациональность и объективную истину. Основной фокус сделан на взаимосвязи эмоций и ценностей в контексте виртуализации общества, экономики впечатлений и кризиса традиционных институтов знания. Алгоритмы соцсетей, генеративные нейросети, видеоигры и эхо-камеры монетизируют внимание через эмоциональные триггеры, формируя информационные пузыри; внутри них «альтернативные факты» и групповые нарративы заменяют объективную реальность, углубляя поляризацию. На основе социально-философского подхода авторы анализируют механизмы, посредством которых постправда и алгоритмические цифровые платформы реконфигурируют традиционные ценностные иерархии.

Освещение этой проблемы продолжает **Вера Потапова** (Университет Амстердама, Нидерланды) в статье «Цифровая автономия: кто определяет ценности в обществе платформ?», посвященной анализу влияния цифровой среды, и в частности платформ, на формирование публичных ценностей. С опорой на ключевые работы из области исследования плат-

форм автор трактует платформы не как нейтральных технологических посредников, но как активных участников социальных процессов, которые задают ценности и имеют потенциал влиять на общее благо. Основное внимание уделяется определению платформ и ключевых последствий платформизации: датафикации, коммодификации и селекции. Рассматриваются механизмы, с помощью которых концентрируется и распространяется власть таких крупных технокорпораций, как Google, Microsoft и прочие. Особый акцент делается на дискуссии о цифровом суверенитете и необходимости государственного регулирования. Автор приходит к выводу, что для формирования цифровой среды, построенной на ценностях прозрачности и ответственности, необходимо устанавливать диалог между гражданским обществом, технологической индустрией, независимыми экспертами и государственными институтами.

Следующие две работы посвящены исследованиям правых медиа. **Дмитрий Моисеев** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) в статье «Новые медиа “новых правых”: современные примеры продвижения традиционных ценностей» настаивает на том, что идеи, сформулированные представителями зародившегося во Франции в 1968 году интеллектуального движения «новых правых», приобретают особенную актуальность в контексте «нового правого поворота» последних лет. Одним из инструментов повышения интереса к «новому правому» дискурсу стали современные медиа и системная работа в информационном поле по продвижению основных идей «новых правых». Автор рассматривает как общий тренд популяризации идей «новых правых», так и конкретные примеры успешных современных правых медиа — британского издательского дома Arktos и французского think tank Strategika.

Кирилл Стуканов (Лундский университет, Швеция) в статье «Роль правых альтернативных медиа в скандинавских медиасистемах» отмечает, что растущая популярность правых политических сил в последние годы сопровождается повышенным интересом общественности к альт-правым медиа. В связи с тем, что альтернативные медиа исторически изучались учеными с помощью левых теорий, альт-правые были причислены к числу девиантных и маргинальных сообществ. Методами критического дискурс-анализа в статье анализируется самопрезентация альт-правых медиа в Швеции, Норвегии и Дании, а затем эти проекты сопоставляются с мейнстримными медиа с помощью политэкономического подхода. Результат показывает, что группа альт-правых разнообразна, в то время как современные скандинавские медиасистемы все больше состоят из полизированных и радикализованных медиа.

Завершает раздел исследований медиа статья **Натали Синеокой** (Венский университет, Австрия) «Доступность, прозрачность, инклюзивность? Ценности Open Science и парадокс демократизации». Научные журналы и платформы — распространители информации — могут быть рассмотрены как медиа (достаточно вспомнить российскую практику, согласно которой научный журнал должен быть зарегистрирован в качестве СМИ). В статье анализируется парадокс демократизации Open Science:

с одной стороны, открытая наука способствует доступности и прозрачности научного процесса, а с другой — она усиливает существующие академические неравенства. Автор рассматривает главные вызовы Open Science, включая финансовые барьеры для ученых из стран Глобального Юга, доминирование количественных методов над качественными, языковые и цифровые барьеры, а также угрозы, связанные с открытыми данными и рецензированием. Особое внимание уделяется проблеме геймификации академической среды, в результате которой Open Science становится инструментом не демократизации, а капитализации науки.

Еще два исследования объединены в раздел «Биоэтика и традиционные ценности». **Валентина Редникина** (Самарский университет) в статье «От естественного к искусственному конструированию живых систем» подчеркивает: вопрос о конструировании живого обуславливает трансформацию онтологии, возникающую вследствие глубокого проникновения технологий в живые системы. Прорыв в экспериментальных методах, особенно в молекулярной биологии и геномике, вывел бионауки на передовые позиции: мы можем «читать» и «писать» геномы, моделировать жизнь на разных уровнях, а граница между органическим и неорганическим размывается. Это порождает новую онтологию, где молекулы рассматриваются не только как строительные блоки жизни, но и как носители информации, элементы сложных информационных систем. Живые организмы предстают как сложные саморегулирующиеся машины, поддающиеся инженерному вмешательству. Классическое разделение на субъект и объект размывается. Биологические исследования все больше становятся интегрированными с цифровыми технологиями, создавая сложные компьютерные модели живых систем.

Статья **Регины Пеннер** (Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород) «Вопрос о морали: осмысление традиционных ценностей на примере медицинских практик» посвящена анализу трансформации традиционных ценностей в контексте современных медицинских практик. Основой для исследования служит неконвенциональная концепция ценностей, где ценности рассматриваются как трансцендентальные ориентиры, существующие вне рамок социальных соглашений. В статье уточняется, что эти ориентиры подвергаются постоянному пересмотру под воздействием технологических и социальных изменений. Подробно рассматриваются ключевые медицинские кейсы, такие как редактирование генома методом CRISPR, фармацевтические эксперименты, а также внедрение искусственного интеллекта в медицину. Особое внимание уделяется биополитическому контексту вакцинации, где медицинская практика становится символом солидарности и контроля. Анализируется роль фармацевтических компаний в формировании дискурсов о ценностях через призму рыночной логики и социальной справедливости. Автор показывает, что традиционные ценности, такие как свобода, милосердие и ответственность, продолжают оставаться значимыми, но их интерпретация меняется в зависимости от контекста. В статье фиксируется необходимость

философской рефлексии для осмысления ценностей в новых технологических реалиях и предлагается интегративный подход, который учитывает как универсальный, так и локальный характер ценностных ориентаций.

Раздел критики и рецензий представлен откликом **Султанбека Андиева** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) на книгу одного из наиболее влиятельных марксистских теоретиков культуры Терри Иглтона «Культура и смерть Бога». Рецензент знакомит читателей журнала со структурой и основными идеями книги, а также рассматривает ее в широком контексте творчества Иглтона и современной постсекулярной философии, отмечая, что современный марксизм не так уж и чужд традиционным ценностям. **Анна Христюк** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва) кратко пересказывает основное содержание сборника статей «Католический хоррор на телевидении: призрачная вера». Важно, что все четыре автора книги связаны с Церковью, и поэтому их взгляды на репрезентацию католической веры в хоррор-сериалах тем более интересны. Особенно примечателен главный вывод книги: хоррор-сериалы, в которых представлен католицизм, не морализаторствуют, но побуждают к переосмысливанию веры как личного и социального опыта.

Надеемся, что материалы этого выпуска, как и всегда, будут интересны читателям, а также покажут перспективность обращения к полю исследований медиа (как и к современной социальной теории и культурологии в целом) для рефлексии о традиционных ценностях и их месте в главных процессах современности.

Эмоциональная аксиология: как постправда меняет ценностные иерархии¹

Денис Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

E-mail: artamonovds@mail.ru

Софья Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

E-mail: segedasv@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформация социальных ценностей под влиянием цифрового капитализма, постправды и алгоритмической манипуляции. Авторы анализируют, как эмоции становятся ключевым ресурсом в формировании иерархий значимости, вытесняя рациональность и объективную истину. Они раскрывают трансформацию социальных ориентиров под влиянием цифровых технологий, акцентируя внимание на переходе от рациональности к эмоционально-нарративным моделям восприятия. Основной фокус сделан на взаимосвязи эмоций и ценностей в контексте виртуализации общества, экономики впечатлений и кризиса традиционных институтов знания. Особое внимание уделено эволюции общества потребления, где при помощи маркетинговых инструментов осуществлялась эксплуатация эмоций человека. Авторы демонстрируют, как брендинг и маркетинг подменяют экзистенциальные практики символическим потреблением, порождая циклы краткосрочного удовлетворения и долгосрочного отчуждения. Ключевой темой статьи выступает также виртуализация общества, где онлайн-пространства становятся новой реальностью, замещающей физические взаимодействия. Интернет, видеоигры и социальные сети формируют «киберпротезирование» социальных связей, превращая виртуальные товары и впечатления в доминирующие ценности. Цифровая эпоха усиливает эти тенденции. Алгоритмы соцсетей, генеративные нейросети, видеоигры и эхо-камеры монетизируют внимание через эмоциональные триггеры, формируя информационные пузыри. Внутри них «альтернативные факты» и групповые нарративы заменяют объективную реальность, углубляя поляризацию. Постправда, где эмоции преобладают над фактами, разрушает доверие к институтам знания (наука, СМИ), заменяя их социально-эпистемическими аренами познания. На основе социально-философского подхода авторы анализируют механизмы, посредством которых постправда и алгоритмические цифровые платформы реконфигурируют традиционные ценностные иерархии.

Ключевые слова: эмоциональная аксиология, постправда, цифровой капитализм, эхо-камеры, общество потребления, алгоритмическая манипуляция, ценностные иерархии.

Для цитирования: Артамонов Д., Тихонова С. (2025). Эмоциональная аксиология: как постправда меняет ценностные иерархии // Patria. Т. 2. № 3. С. 10–27.

doi: 10.17323/patria.2025.27617

Emotional Axiology: How Post-Truth Changes Value Hierarchies²

Denis Artamonov

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

E-mail: artamonovds@mail.ru

Sofya Tikhonova

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (Saratov)

E-mail: segedasv@yandex.ru

Abstract. The article explores the transformation of social values under the influence of digital capitalism, post-truth, and algorithmic manipulation. The authors analyze how emotions become a key resource in the formation of hierarchies of significance, displacing rationality and objective truth. They reveal the transformation of social orientations under the influence of digital technologies, focusing on the transition from rationality to emotional-narrative models of perception. The main focus is on the relationship between emotions and values in the context of the virtualization of society, the economy of impressions and the crisis of traditional knowledge institutions. Special attention is paid to the evolution of consumer society, where marketing tools were used to exploit human emotions. The authors demonstrate how branding and marketing replace existential practices with symbolic consumption, generating cycles of short-term satisfaction and long-term alienation. The key topic of the article is also the virtualization of society, where online spaces are becoming a new reality replacing physical interactions. The Internet, video games, and social media are shaping the “cyber prosthetics” of social connections, turning virtual goods and experiences into dominant values. The digital age is reinforcing these trends. Social media algorithms, generative neural networks, video games, and echo chambers monetize attention through emotional triggers, forming information bubbles. Within them, “alternative facts” and group narratives replace objective reality, deepening polarization. Post-truth, where emotions prevail over facts, destroys trust in the institutions of knowledge (science, mass media), replacing them with socio-epistemic arenas of knowledge. Based on a socio-philosophical approach, the authors analyze the mechanisms by which post-truth and algorithmic digital platforms reconfigure traditional value hierarchies.

Keywords: emotional axiology, post-truth, digital capitalism, echo chambers, consumer society, algorithmic manipulation, value hierarchies.

For citation: Artamonov D., Tikhonova S. (2025) “Emotional Axiology: How Post-Truth Changes Value Hierarchies”, *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 10–27.

doi: 10.17323/patria.2025.27617

Введение

В проблемном поле аксиологии выделяют два подхода — дескриптивный и нормативный (Перевозчикова, Черников, 2015: 10): первый описывает, что и почему считается ценностью в рамках конкретного вида деятельности, в то время как второй пытается ответить на вопрос о сущности ценностей, определяющих человеческую культуру. Современный нормативный подход опирается на теорию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, в которой нормогенез трактуется коммуникативно, как продукт достижения согласия через интерсубъективную коммуникацию. В результате нормогенез связывается с рациональностью, а его иррациональные аспекты оказываются вытесненными из поля анализа. Между

тем связь полагания ценностей и эмоциональной сферы человеческой психики была артикулирована достаточно давно, причем не только конкретные эмоции рассматривались как ценности, но и сами эмоции как специфический механизм регулирования человеческого поведения брались за основу формирования ценностных отношений (Изард, 2021).

В качестве примера философского осмысления эмоциональных оснований аксиологии можно привести концепцию ценностного эмотивизма Ю. И. Мирошникова, в соответствии с которой

ценностное сознание всегда несет в себе эмоциональное, пристрастное, пафосное отношение к миру... Сердцевину ценностного сознания человека образует его трепет, его волнение, его радость в процессе созерцания ценностей. Ценностное сознание сродни влюбленному, который не просто узнаёт предмет своей страсти, но и эмоционально его переживает как свое второе «я». Человеческие эмоции — минимум ценностного отношения к действительности (Мирошников, 2003: 70).

Здесь речь идет об универсальном основании ценностного отношения — однако культурные способы аффицирования эмоций исторически весьма разнообразны. В рамках данной статьи мы попытаемся проследить социальные способы установления связи ценностей и эмоций, формирующиеся в современных обществах со второй половины XX века.

Эмоциональные ценности общества потребления

Прорыв в эмоциональной эксплуатации ценностей, безусловно, принадлежит обществу потребления, которое смогло создать новые культурные жанры — рекламные сообщения — для того, чтобы переориентировать производство массовой культуры на маркетинговые цели и интегрировать эти цели во все сферы искусства. В рекламе главным мотивационным инструментом становятся не потребительские качества товара, а эмоции, которые эти качества могут вызвать у потребителя. Поздние технологии продвижения товаров, связанные с брендингом, еще сильнее увеличили пропасть между знаком и его объектом, переключив рекламную коммуникацию со свойств товаров и услуг на абстрактные ценности вроде красоты, свободы и самореализации, приобщение к которым позиционировалось через обладание брендированными зонтичными товарами независимо от функционального назначения последних. Если классическая реклама продает товар, то брендинг продает образ жизни, который складывается из предпочтения конкретных ценностей.

Сначала кроссовки ассоциируются через рекламу с физической активностью, спортом, свободой и красотой, и именно их показывают в рекламе, прославляющей спорт, радость движения и красоту спортивного тела, — то есть вещь, пригодная к потреблению в функциональном для спорта контексте, становится знаком аксиологического означающего. Позднее этим знаком становится эмблема бренда: достаточно ее наличия на любом товаре, чтобы обеспечить связь потребителя и аксиологических смыслов «спортивного» означающего. Эта трансформация приобщения к ценностям привела к девальвации деятельности, сформировавшей исходный аксиологический ряд: для того, чтобы почувствовать положительные эмоции от спорта, свободы, собственного тела и тому подобное, нужно купить

рекламируемые кроссовки или, допустим, ручку с эмблемой спортивного бренда вместо того, чтобы заняться физическими упражнениями. Поскольку ни кроссовки, ни ручка не могут заменить мышечной активности, эти эмоции будут краткосрочными, их сменит разочарование; но такое разочарование — по крайней мере в среднесрочной перспективе — не делает невозможными возвращение искомых эмоциональных переживаний, вызываемых покупкой.

Конечно, в долгосрочной перспективе на уровне индивида накопленное разочарование станет достаточной причиной для личностного кризиса, приведет к отчуждению и даже отчаянию, но этот процесс предполагает годы и даже десятилетия, что на групповом уровне вполне совпадает с пиком активности поколения, то есть уже разочарованные и еще «очарованные» индивиды могут воспринимать свои различия как естественные конфликты возрастов. Важнее, что изначально аксиологическая по характеру деятельность (обозначим ее как «модус подлинности», подразумевая все отрефлексированные в критической философии XX века формы *vita activa*, необходимой для экзистенциальной самореализации) становится или дефицитной, или невостребованной. Потребление предполагает не только собственно финансовые, но и существенные временные и интеллектуальные затраты (связанные с необходимостью погружения в рекламно-информационные и культурно-символические материалы), а также само нахождение в пространстве средств потребления.

Последнее Дж. Ритцер превратил в термин из встречающегося у К. Маркса словосочетания для того, чтобы показать, что в позднем капитализме потребление чрезвычайно усложнено и требует наличия специальных инструментов, представляющих собой соединение алгоритмов деятельности, профессиональных ролей, помещений, зданий и сооружений, эталоном которого он считал рестораны сети «Макдональдс» (Ритцер, 2011). Средства потребления работают как ловушки, заманивающие людей в максимально аффицирующую их чувственность среду — как для того, чтобы они совершили больше покупок, чем хотят, так и для того, чтобы сформировать у них искусственные потребности в неестественных и не необходимых в эпикуровском смысле товарах. Стратегии мерчандайзинга провоцируют импульсивные покупки специфической атмосферой, складывающейся из визуальной эстетики витринной раскладки, запахов, вкусов и музыкально-рекламного сопровождения (Шакурова, Евтодиева, 2020; Лосевская, Семенченко, 2022; Парамонов, Беркетова, 2022; Ралык, 2024). Поскольку одной из ключевых маркетинговых основ розничных продаж является принцип синергии, в соответствии с которым соседство различных точек продаж не усиливает конкуренцию, а увеличивает покупательские потоки, разнообразные средства потребления образуют территории, интегрирующие покупки с развлечениями. В моллах и гипермаркетах магазины разных категорий соседствуют с кинотеатрами, детскими площадками, аттракционами, различными сервисными службами, аптеками и тому подобным, здесь проводятся публичные мероприятия широкого спектра — от конкурсов и тематических праздников до публичных лекций. В фудкорты люди не только приходят, чтобы поесть, но и исполь-

зуют их как площадку для общения, просмотра гаджетов (особенно это характерно для подростков) и удаленной работы. Сюда приходят, чтобы провести время с семьей в выходные.

«Контакты» со средствами потребления превращаются в самостоятельный вид деятельности, в особую социальную практику, которая подчиняется определенным нормам, требует некоторых навыков и занимает очень много времени. Тем самым деятельность модуса подлинности, открывающая дорогу к ценностям, вытесняется, требует слишком много усилий, отпугивает трудностями и скукой. Потребление становится главным путем к ним, а путь этот, как мы видели, весьма эфемерен, обманчив и ненадежен.

Одновременно растет число рекламируемых товаров и услуг, каждая группа которых так или иначе символически паразитирует на самых разных ценностях: «...если реклама для достижения своих целей апеллирует к доминирующим в обществе социально-психологическим ценностям и мотивациям, то она, в свою очередь, может служить примером ценностей и мотиваций, распространенных в обществе» (Ульянина, 2010: 68). Ценности общечеловеческие и групповые, религиозные и политические, этнические и культурные — все они используются в рекламномаркетинговых материалах, стимулирующих продажи. В обществе потребления по вещам можно реконструировать человеческие мечты; более того, вещи выступают семиотическим конструктором личности — настолько всеохватны связи между ценностями и потреблением. К ценностям спорта человек пытается приблизиться не только через покупку единственных кроссовок, но и через различные категории одежды, продукты питания и пищевые добавки, позиционирующиеся в категории «фитнес», а также спортивные товары, абонементы в спортивные клубы и билеты на спортивные и околоспортивные мероприятия. И он может достаточно длительное время быть довольным тем, что получает, даже несмотря на ухудшающиеся показатели здоровья, а в случае разочарования — переключиться на другие ценности, допустим, семейные. Такое переключение не обязательно пройдет гладко: возможны внутренние конфликты, которые, разумеется, влияют и на поведение человека, и на его оценку качества собственной жизни. В рамках нашего исследования важен эмоциональный опыт, формируемый и накапливаемый в процессе потребления и усиливающий эмоциональный отклик индивида на ту или иную ценностную систему — гаснут ли или разгораются эмоции, связанные с конкретной ценностью, и как изменение эмоциональной оценки коррелирует с оценкой рациональной.

В философской традиции критика культуры потребления весьма обширна, и многие методологические ходы, обретенные в ее рамках, отличаются изяществом и парадоксальностью. Однако утверждение о том, что эксплуатация эмоций в маркетинге является манипулятивной и превышает рациональное обоснование покупки, является общим местом. Интересна его изнанка, которая представлена рационализацией эмоционального: эмоции от потребления должны быть максимизированы, что почти автоматически предполагает снижение работоспособности других стимулов. Возможно, именно этим и объясняется рост иррациональных

настроений рубежа тысячелетий; во всяком случае, снижение качества образования выглядит менее убедительным аргументом.

Расцвет духовности Нью-эйдж приходится на то время, когда реклама как сфера культуры стала абсолютно всеядной и максимально беспринципной, а ее творцы, работая в постмодернистской ризоматической логике, возвеличивали любые ценности и любые ниспровергали. Негативные мировоззренческие и экзистенциальные аспекты такой «культурной работы» были наглядно продемонстрированы в культовых романах Ф. Бегбедера, Ч. Паланика и М. Уэльбека. Ценностный релятивизм, на первый взгляд, открывает абсолютную свободу — выбирай любой жизненный путь, любую стратегию. Но он не предполагает никакой иной легитимации выбора, кроме волонтаризма, поскольку любые вертикальные иерархии объявляются идеологическим продуктом господства дискурсов, враждебных к субъективности. Соответственно антисциентизм, возвращение к природе, чувствительность к духовным космическим вибрациям и интерес к восточной эзотерике и западному оккультизму можно рассматривать как формы протеста.

Существует позиция, встраивающая названное течение в общую культуру постмодерна, но при этом достаточное количество исследователей противопоставляют эти два явления (Крючкова, 2010). Отметим, что, во-первых, Нью-эйдж так или иначе (а это очень многополярное течение с разными вариациями) настаивает на метафизической, трансцендентной основе социальной онтологии (Фадеев, 2023) и противопоставляет материалистическому вещиизму общества потребления жизненные проекты, слабо совместимые с гипертрофированно культивируемыми маркетингом потребностями, пытаясь выбить аксиологическое основание из-под последних, критикуя ценности, с которыми те ассоциированы, как ложные или саму ассоциацию как фальшивую. Во-вторых, при ближайшем рассмотрении крайне сложно дифференцировать Нью-эйдж и антиглобализм как социально-культурные движения: они накладываются друг на друга, формируя поле противостояния глобализации ТНК. Но и то и другое формирует проект традиционализма без традиции (Тюхтяев, 2022), основанный на эмоциональном возвышении отстаиваемых ценностей как более важных и «коренных», «естественных», нежели те, что приносила с собой экономическая глобализация.

Как продолжение этой культурной логики можно рассматривать движение дауншифтинга, смыслом которого было резкое добровольное понижение социального статуса, чаще всего предполагающее отказ от характерного образа жизни жителя современного мегаполиса (Лисова, 2008; Козырева, Овечкина, 2012). Генетическая связь между дауншифтингом и обществом потребления, в рамках которого первый является реакцией сопротивления на второе и без второго невозможен, проанализирована И. Ф. Кулаковым (Кулаков, 2016).

В целом все отмеченные оппозиционные (по отношению к идеологии общества потребления) течения с тех или иных мировоззренческих позиций пытаются обосновать примат человеческого бытия над миром супермаркета. Концептуально-теоретическое качество и доктринальный

профессионализм, с которым они это делают, можно оставить за рамками нашего анализа. Парадокс в том, что все эти движения в капиталистическом обществе так или иначе сводятся к коммерческим проектам, суть которых сводится к продаже информационных продуктов с неочевидной ценностью, нередко граничащей с мошенничеством.

Огромный социокультурный багаж, накопленный обществом потребления за три четверти века его существования, весьма вариативен по своей влиятельности — в истории рекламы фиксировались поколенческие волны, теряющие чувствительность к тем или иным рекламным приемам и техникам. Цифровое общество вывело эти технологии на новый уровень, разорвав их изначальную детерминированность непосредственно экономическими целями и подчинив их императиву «влияния», действующему как мягкая сила.

Эмоциональная аксиология Интернета и виртуальных пространств

Ранний Интернет, аккумулировавший интеллектуальные элиты и служивший территорией для их самовыражения, позиционировался как пространство критического мышления, свободное от вульгарных ценностей общества потребления. Виртуальное общение, необремененный авторским правом обмен контентом, включавшим оцифрованные литературные тексты, а позднее — фильмы, консолидация сообществ вокруг нового рекреационного феномена — компьютерных видеоигр становились базой нового образа жизни, в котором досуг и развлечения формировались как антитеза консюмеристскому масскульту. Анархистские настроения большинства пользователей усиливались анонимностью их интернет-присутствия, укрепляли либертарианские мотивы максимизации личной свободы в Интернете и противопоставлялись традиционным ценностным укладам, основанным на стабильных идентичностях. Наступление Интернета на офлайн-реальность казалось тотальным и бесповоротным, что фиксировалось социально-философскими концепциями типа «виртуализации общества», под которой понималось «любое замещение реальности ее образами с применением логики виртуальной реальности» (Иванов, 2000), где логика виртуальной реальности трактовалась в духе бодрийеровской теории симуляции. Постепенно концепции социальной виртуализации перейдут к логике киберпротезирования, вскрывающей опосредование любых социальных связей киберканалом, но изначально речь шла об определенном развоплощении социального, витальным ядром которого становится онлайн:

...если с помощью изощренной компьютерной графики web-страница продавца симулирует расположение товаров на витрине, их осмотр и обмен на плату в виде банкнот или чека, то это следует трактовать не просто как перенос операции купли-продажи из реального пространства в виртуальное, а как симуляцию институциональной формы товарного обмена (Иванов, 2002: 42).

Симптомом этой трансформации стал рост экономики видеоигр, которая и по сей день является наиболее бурно развивающимся сегментом IT-экономики (Ильянов, Чернышева, Юревич, 2020). Кроме приобретения

самой игры и необходимых для нее гаджетов (ПК, смартфоны, консоли и тому подобное) монетизация видеоигр включает в себя микротранзакции и внутриигровые покупки, подписки, рекламу, дополнительный контент, турниры и соревнования, виртуальные предметы и рынки (Иншаков, Егоров, 2023: 85). Рынки виртуальных товаров, то есть товаров, которые можно использовать только в особой виртуальной среде, представленной компьютерными играми и (или) социальными сетями, активно развиваются с нулевых годов XXI века. Для игроков игровой меч, увеличивающий шансы на победу, более важен и приносит намного больше эмоций, чем пресловутые кроссовки, поэтому он его охотно купит — несмотря на то что IRL (in real life) никакого меча не существует. Экспрессивность и привлекательность цифрового маркетинга и дизайна существенно обогнала офлайновых «коллег» именно потому, что цифровые (виртуальные) ценности поддерживались и воспроизводились творческими элитами, которые если прямо не совпадали с когортой интернет-пользователей, то точно входили в ее состав.

Поэтому в начале XXI века установка на движение к бестелесной матрице дополнилась интересом к постматериалистическим ценностям, поддерживаемым и воспроизводимым классом интеллектуалов. Появление таких «постэкономических» ценностей связывали с ростом качества жизни и понимали под ними «ценности, формирующиеся в процессе деятельности человека, целью которой является удовлетворение не материальных потребностей, а потребностей в самореализации, самовыражении, раскрытии своего творческого потенциала» (Лига, 2005: 223). В парадигме постиндустриализма личный опыт и знания оказывались более значимыми и важными, нежели материальные ценности, связываемые с товарами и услугами, а космополитический контекст глобализации разрушал связь этого опыта с национальной культурой.

На этой основе развивается концепция экономики впечатлений, в которой прибыльным становится производство впечатлений, а не товаров и услуг. В первую очередь экономика впечатлений связана с туризмом и путешествиями, во вторую — с сервисами по обслуживанию событий (ивентов), таких как свадьба, выпускные, юбилеи и любые праздники. К ним добавляются формы обеспечения коллективного досуга, требующие определенной социальной драматургии. В контексте экономики впечатлений меняются отношения компаний и клиентов: компания должна стать «режиссером впечатлений», а клиенты — «зрителями» или «гостями» (Журавлев, 2020). Впрочем, экономика впечатлений действительно является признаком «сытого» общества: ее товары и услуги доступны далеко не всем слоям населения, их потребление начинается со среднего класса и требует привычки к активной жизни. Закономерно, что в период пандемии практически единственным сегментом экономики впечатлений оказался сегмент онлайн-развлечений, представленный видеоиграми (Королев, Кашапов, 2021).

Эмоциональная аксиология постправды

Баланс материального и идеального в аксиологическом строе цифрового общества начал выравниваться благодаря массовизации Интернета, произошедшей вследствие тотального распространения мобильного Интернета и социальных сетей. Этот процесс, пришедшийся на начало второго десятилетия XXI века, запустил новую стратегию ассоциирования ценностей и эмоций, зафиксированную термином «постправда». В коммуникационных процессах эпохи постправды эмоции влияют на предоставление социальной информации — причем их ценность ставится выше фактов. Объективные факты становятся не важны, а достоверной считается такая информация, которая соответствует личным убеждениям и обеспечивает эмоциональное включение аудитории. Предвзятость в подаче информационных сообщений ценится выше объективности и истины (Yang et al., 2023).

Эмоции, особенно негативные, непосредственно влияют на отношение аудитории к новостным сообщениям и постоянно используются в убеждающей коммуникации, что приводит к растущему разделению публичной онлайн-сферы на локальные сетевые сообщества и резкому снижению доверия к СМИ. Опора в подаче сообщений на личные установки, сетевую субъективность и общественное мнение укрепляет догматические убеждения аудитории, на которую способны влиять в этой ситуации только внешние эмоциональные факторы. Восприятие и обработка информации в ситуации постправды зависят от того, насколько эмоциональны распространяемые утверждения. Эмоциональные проявления, таким образом, играют заметную роль в медиавоздействии на людей и на социальном уровне отражают структурные общественные предубеждения, а также существующие стереотипы (Boler, Davis, 2018; Zembylas, 2020). В процессе коммуникации аудитория направляет значительное количество ресурсов внимания на эмоциональный дискурс, что снижает возможности эффективной оценки фактической информации и меняет неявные целевые установки. Люди, находясь в эмоциональном контексте новости, не будут глубоко ее обдумывать и с большой долей вероятности согласятся с ее достоверностью, полагаясь на эвристику подачи информации или предубеждения. Тем самым эмоции не позволяют аудитории выйти за рамки существующих социальных позиций.

Это согласуется с теорией эха убеждений (Thorson, 2013), из которой следует, что сформированные на эмоциональной основе негативные впечатления или предвзятые убеждения продолжают оказывать влияние на аудиторию даже после проверки фактов, раскрытия правды или описания реальности на основе объективных данных. После проверки или опровержения фейковой информации сохраняются отголоски убеждений, которые могут возникать в результате осознанного либо автоматического процесса. Существование этих отголосков делает бессмысленными усилия по фактчекингу и публичному разоблачению ложных заявлений.

Повсеместное распространение дезинформации, приобретающее убедительность на основе эмоционального воздействия, вызывает серьезные

опасения по поводу способности человека, в связи с этим, принимать полностью обоснованные решения. Отголоски убеждений формируются в сознании человека в результате когнитивного процесса, благодаря чему он осознаёт, что конкретное утверждение является ложным, но так как оно воздействует на эмоции и подается в окружении правдивой информации, то продолжает влиять на принятие решений. Экспериментальные данные показывают, что появление отголосков убеждений более вероятно, когда фейковая информация укрепляет ранее сложившиеся взгляды человека (Thorson, 2016: 478).

Появлению эха убеждений способствуют и эхо-камеры — или, как их еще называют, информационные пузыри, — в которых находится человек, потребляющий медиапродукты. Эхо-камера представляет собой ситуацию, в которой к человеку попадает только такая информация, которая соответствует его взглядам и убеждениям, делая его информационное существование комфортным (Petrov, Proncheva, 2018). Внутри эхо-камеры идеи и мировоззренческие установки закрепляются, усиливаются путем передачи сообщений и повторением информации внутри какой-либо закрытой системы. Это может быть круг единомышленников, субкультура, политическая партия, локальное сетевое сообщество, транслирующие в своей медиасреде сообщения, заглушающие другие аналогичные информационные потоки. В закрытую систему какая-либо альтернативная информация попадает только в случае информационного взрыва, когда сообщение приобретает вирусный характер, — но и в этом случае оно подвергается такой интерпретации, которая удобна и соответствует мировоззрению адресатов. Тем самым адресаты, находящиеся внутри эхо-камеры, создают сообщения сами для себя, слушают только себя и соглашаются сами с собой или с людьми с абсолютно сходными взглядами.

Эхо-камеры можно рассматривать как цифровой аналог «третьего места», где также сильны эмоциональные аспекты взаимодействия с информацией и другими людьми. Концепцией «третьего места» описывается пространство между домом и работой, где человек отдыхает или занимается приятными для него видами деятельности, спортом, хобби, чтением книг, просмотром кинофильмов, прослушиванием музыки и так далее. Сюда же относят рестораны, кофейни, бары, развлекательные заведения, где царит комфортная для человека эмоциональная атмосфера, пропитанная доверием и непосредственностью, и куда можно перенести важный разговор или непринужденное общение (Ольденбург, 2014).

Социальные сети представляют собой медиaprостранства, способствующие неформальному общению и обмену важной для человека информацией. В цифровом обществе они становятся фундаментом социальности, построенном на просьюмеризме и технологиях солидарности, таких как краудсорсинг, краудфандинг. В то же время цифровые социальные медиа способствовали появлению таких негативных коммуникационных явлений, как холивары, кибербуллинг, троллинг, киберсталкинг, фейки и тому подобное. Заходя в социальные сети, человек пытается избежать негативных последствий своего присутствия в медиaprостранстве и общается только с ближним кругом знакомых, интересными для него лично-

стями со сходными взглядами, а также информационными площадками, транслирующими разделяемые им идеи. Далее подключаются «умные ленты», алгоритмы социальных сетей, выбирающие на основе анализа предпочтений пользователя, его комментариев, лайков и репостов из всего многообразия сообщений те, которые будут ему интересны и приятны. Так человек окружается эмоционально комфортной информацией — и создается информационный пузырь.

Таким же точно образом вокруг информационных каналов в социальных сетях формируется определенный круг пользователей, частично или полностью одобряющий позиции авторов каналов и участвующих в обсуждениях знаменитостей, лидеров мнений. В этом информационном поле создаются благоприятные условия для появления доминирующих оценок и схем рассуждений. В ходе дискуссий формируются все более радикальные позиции и убеждения, а несогласные демонизируются либо изгоняются. Создание эхо-камер облегчается тем, что несогласные с позицией большинства испытывают дискомфорт и отказываются от дальнейшего получения информации, просмотров и участия в комментариях (Colleoni, Rozza, Arvidsson, 2014). Наиболее активные участники дискуссий оказывают эмоциональное давление на сомневающихся, вербуя их в своих сторонников или вытесняя за пределы коммуникационных каналов. Таким образом эхо-камеры создают идеальные условия для ситуации постправды, в которой эмоциональное усиление восприятия информации превращает субъективные взгляды и предрассудки в «общепризнанные истины».

Трансформация ценностных иерархий в эпоху постправды

Постправда оказывает заметное влияние на изменение ценностных иерархий как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Прежде всего следует отметить смещение акцентов с ценности фактов на эмоции. В эпоху постправды ценность объективной истины сменяется стремлением к эмоциональной удовлетворенности. Люди чаще поддерживают нарративы, которые соответствуют их идентичности или вызывают сильные чувства (гнев, надежда, страх), даже если они противоречат фактам. Происходит эрозия ценности истины, когда объективность перестает быть универсальным мерилom реальности. Истина релятивизируется, и в общественных дискуссиях складывается ситуация «*“моя правда”*» против «*“твоей правды”*». Разные группы создают альтернативные версии реальности, основанные на своих ценностях и интересах, — тем самым реальность перестает быть общей. Каждый находится в своей реальности, соответствующей его мировоззрению.

Возникает кризис доверия к институтам знания, так как эксперты, ученые, медики, учителя, журналисты объявляются «некомпетентными», «продажными», «лжецами», если их высказывания не совпадают с ожиданиями аудитории. Академическая наука теряет свой авторитет, а вместо нее возникают социально-эпистемические арены познания, в рамках которых вырабатывается информация, удовлетворяющая запросы их участников (Артамонов, 2022; Гришечкина, Тихонова, Устьянцев,

2024: 130–131). В создании и функционировании этих арен, представляющих собой коммуникационные площадки, принимают участие три равноправных актора: лидеры мнений (общественные деятели, блогеры, профессионалы), «умные толпы» (массы интернет-пользователей), нечеловеки (цифровые технологии). Новое знание, таким образом, вырабатывается под руководством профессионалов в своем виде деятельности и при участии масс пользователей социальных сетей, применяющих цифровые технологии. Но это знание часто носит субъективный характер, обеспечивая потребности сообщества в информации, приносящей эмоциональную удовлетворенность его членам.

Ситуация постправды приводит к тому, что ценность рационального анализа и верификации информации снижается, а это ведет к доминированию упрощенных, но эмоционально заряженных интерпретаций событий (Durnová, 2019: 448). Объективное описание последних подменяется историями, которые вызывают эмоциональный отклик. История события должна быть правдоподобной, а не правдивой, конструируя повествование, соответствующее признанным нарративам того или иного локального сообщества. Такие нарративы часто упрощают сложные проблемы, создавая врагов («мигранты разрушают страну») или спасителей («только наш лидер все исправит»), и являются инструментом манипуляции общественным мнением и создания идентичности.

Идентичность в эпоху постправды ставится выше истины: люди принимают альтернативные факты, оценочные суждения, разделяют заблуждения и предвзятые мнения, чтобы сохранить лояльность сообществу, ориентируясь на групповые ценности. Поиск идентичности часто принимает характер противостояния врагам, когда ценности толерантности и диалога вытесняются, усиливается конфронтация с другими сообществами на основе поляризации убеждений и восприятия информации (Lapsley, Chaloner, 2020: 133). Причем оппоненты все чаще воспринимаются не как носители иных взглядов, а как «угроза существованию».

Эмоциональные состояния людей являются индикатором ценностей. Чаще всего в основу анализа иерархии ценностных систем кладется этика жертвы, обосновывающая легитимность жертвования одной ценностью ради сохранения другой. Поведение, которое может интерпретироваться как попрание ценности, оценивается ее приверженцами как социально опасное, даже если оно не считается таковым юристами. Например, гнев может быть описан как этическая эмоция потому, что выступает индикатором человеческого поведения (Абрамова, 2017). Реактивные эмоции как раз и обнаруживают несовпадение ценностных систем оппонентов — и, более того, солидаризируют единомышленников, провоцируя их объединиться в поддержку «жертвы».

Ориентируясь на предпочтения интернет-пользователей, соцсети и их алгоритмы усиливают постправду, продвигая контент, который вызывает максимальную эмоциональную реакцию. Осуществляя таргетированную эмоциональную эксплуатацию, алгоритмы манипулируют ценностями. Они формируют новые иерархии значимости — например, сенсационность становится ценнее достоверности. Алгоритмы таргети-

руют контент, который вызывает гнев, страх или восторг, даже если он ложный (Kalpokas, 2019). Это создает иллюзию, что эмоционально заряженная ложь важнее скучных фактов. Ценности справедливости или равенства могут заменяться ценностями мести, страха или гедонизма, если это прописано в алгоритмах или даны соответствующие настройки на целевую аудиторию. Положение усугубляют генеративные нейросети: являясь цифровыми алгоритмами и по определению будучи безэмоциональными, они генерируют контент, вызывающий эмоциональное восприятие аудитории (Чубаров, Попова, Сенцова, 2024). Благодаря настройкам эти нейросети способны продвигать новые ценности в ущерб объективной реальности. Например, нейросеть Gemini компании Google по запросу создать изображение американского сенатора XIX века выдала картинку с чернокожими женщинами и женщинами — представительницами коренных американских наций, тогда как в действительности в США женщина впервые стала сенатором только в 1922 году — и она была белой. Таким образом, нейросеть стерла историю расовой и гендерной дискриминации, дополнив историческую реальность ценностями политкорректности и феминизации.

Изменение ценностных иерархий в конечном счете приводит к трансформации и подмене моральных ориентиров. В условиях постправды этические оценки часто зависят от контекста и интерпретации. Так, насилие может оправдываться как «борьба за правду», если оно служит «правильной» цели, а интернет-травля — считаться возможной, если преследуют «плохого» человека. Постправда создает эмоциональную этику, когда моральные решения принимаются не на основе универсальных принципов, а через призму сиюминутных эмоций. В этой этике складываются новые механизмы воспроизводства и соблюдения моральных норм, такие как культура отмены, право на забвение, социальная ответственность и другие.

Эмоционально-аксиологические стратегии постправды, объективированные через монетизацию доступных цифровых технологий, становятся основой функционирования современной социально-политической системы, обозначаемой как цифровой капитализм. В социально-философской литературе этот термин обычно раскрывают через обращение к концепциям коммуникативного капитализма Джоди Дин, надзорного капитализма Шошаны Зубофф и платформенного капитализма Ника Срничека. В цифровом капитализме сетевая, горизонтальная структура социальных связей (Наумова, Бондарев, 2021) не способствует ослаблению эксплуатации труда и досуга, но делает возможной ее интенсификацию в формате 24/7. Эмоции здесь являются таким же культурным товаром, как и идеологии.

Цифровой капитализм создает систему, в которой эмоции пользователей становятся ключевым ресурсом для извлечения прибыли, а их ценности формируются и трансформируются под влиянием цифровых платформ. Последние производят монетизацию внимания через эмоциональные триггеры: алгоритмы соцсетей анализируют, какой контент вызывает у пользователей сильные эмоции (гнев, страх, радость), и продви-

гают его, чтобы увеличить вовлеченность, а также время пребывания на цифровой платформе. Платформы требуют от пользователей постоянно демонстрировать «правильные» чувства и состояния (радость, эмпатию, сексуальность) для монетизации. Эмоциональная реакция становится валютой, а ценность информации определяется не ее истинностью, а способностью «зацепить», что порождает аксиологический сдвиг. Эмоциональная аксиология цифрового капитализма превращает чувства в товар, а ценности — в инструмент контроля. Это не просто экономическая модель, а система, перестраивающая саму природу человеческого опыта, где алгоритмы определяют, что считать важным, а что — нет.

Заключение

Эпоха постправды кардинально трансформирует ценностные иерархии современного общества. Оно переживает сдвиг от рационально-фактологического подхода к эмоционально-нарративному. Объективная истина уступает место эмоционально заряженным нарративам, которые, опираясь на групповую идентичность и алгоритмическую манипуляцию, формируют альтернативные реальности. Ценность информации определяется не ее достоверностью, а способностью вызывать сильные эмоции, что усиливает поляризацию и конфронтацию в обществе.

Алгоритмы соцсетей и цифровых платформ монетизируют внимание через эмоциональные триггеры, создавая эхо-камеры и информационные пузыри. Эмоции становятся товаром, а ценности — инструментом контроля. Маркетинг и брендинг подменяют реальные ценности символическими ассоциациями с товарами. Покупка товара создает иллюзию приобщения к ценностям, но приводит лишь к возникновению краткосрочных эмоций, и человек оказывается привязан к их бесконечному воспроизводству.

Эмоциональная аксиология постправды перестраивает социальные и моральные ориентиры, делая эмоции ключевым элементом управления и потребления. Преодоление ценностного кризиса требует развития медиаграмотности, регулирования цифровых алгоритмов и восстановления баланса между рациональностью и человечностью. Без этого общество рискует погрузиться в перманентный конфликт интерпретаций, где «моя правда» будет важнее общей реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, <https://rscf.ru/project/25-28-01261/>.

² The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-01261, <https://rscf.ru/project/25-28-01261/>.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А. В. (2017). Гнев: значение антиальтруистических эмоций в морали // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 154–160.

Артамонов Д. С. (2022). Социально-эпистемические арены познания истории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 22. № 3. С. 238–242.

Гришечкина Н. В., Тихонова С. В., Устьянцев В. Б. (2024). Трансдисциплинарность в проблемном поле социальной философии: «зона обмена» vs «социально-эпистемическая арена» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 24. № 2. С. 128–132.

Журавлев А. Е. (2020). Экономика впечатлений — эмоции как продукт // Европейский научный форум: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая наука». С. 37–42.

Иванов Д. В. (2000). Виртуализация общества. СПб.: Петерб. востоковедение.

Иванов Д. В. (2002). Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петерб. востоковедение.

Изард К. Э. (2021). Психология эмоций. СПб.: Питер.

Ильянов Д. С., Чернышева Т. К., Юревич М. А. (2020). Источники роста экономики в XXI веке: индустрия видеоигр // Теоретическая и прикладная экономика. № 3. С. 78–89.

Инишаков А. А., Егоров В. Г. (2023). Индустрия видеоигр: экономический анализ и обзор современных исследований // Постсоветский материк. № 4. С. 71–95.

Козырева Л. Д., Овечкина Я. В. (2012). Дауншифтинг как объект социологического анализа // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. № 8 (28). С. 68–70.

Королев Ю. А., Кашанов М. Н. (2021). Индустрия видеоигр в экономике впечатлений. Победители в период пандемии // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. № 20. С. 121–126.

Крючкова Е. В. (2010). Нью-эйдж как феномен западной и российской культуры // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (23). С. 106–116.

Кулаков И. Ф. (2016). Феномен дауншифтинга как реакция на консьюмеризм // Культура. Духовность. Общество. № 27. С. 31–36.

Лига М. Б. (2005). Качество жизни и постматериалистические ценности // Ползуновский вестник. № 3. С. 222–228.

Лисова Е. В. (2008). Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Экономическая социология. Т. 9. № 2. С. 56–65.

Лосевская С. А., Семенченко С. В. (2022). Мерчандайзинговый подход для предприятий общественного питания как стратегия инноваций // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. № 2 (69). С. 220–224.

Мирошников Ю. И. (2003). Ценностное сознание и его структура // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. № 4. С. 66–83.

Мирошников Ю. И. (2007). Аксиология: концепция эмотивизма. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН.

Наумова Е. И., Бондарев В. Г. (2021). Цифровой капитализм: сеть/иерархия, вектор // Конфликтология. Т. 16. № 2. С. 26–35.

Ольденбург Р. (2014). Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое лит. обозрение.

Парамонов Г. В., Беркетова Л. В. (2022). Мерчандайзинг — способ привлечения и удержания клиентов // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. Т. 84. № 3 (93). С. 454–459.

Перевозчикова Л. С., Черников М. В. (2015). Две тенденции в современной аксиологии: попытка сопряжения // Научные дискуссии. Т. 7. С. 9–13.

Ралык Д. В. (2024). Развитие физического и цифрового пространства в ресторанном мерчандайзинге // Экономика и предпринимательство. № 3 (164). С. 1422–1427.

Ритцер Дж. (2011). Макдональдизация общества 5 / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис.

Тюхтяев А. (2022). Традиционализм без традиции: к проблеме измерения нью-эйдж духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 40. № 1. С. 293–312.

Ульянина О. А. (2010). Проблема влияния рекламы на формирование ценностных ориентаций и интересов современного общества: социологический анализ // Вестник ВолГУ. Сер. 9. Вып. 8. Ч. 1. С. 65–68.

Фадеев А. Ю. (2023). Культовая среда общества в коннотации определения Нью Эйдж Воутера Ханegraаффа // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. № 2 (28). С. 103–111.

Чубаров И. М., Попова Т. А., Сенцова К. А. (2024). Цифровой Другой: проблемы идентичности в парадигме искусственного интеллекта // Международный научно-исследовательский журнал. № 3 (141). С. 1–6.

Шакурова К. У., Евтодиева Т. Е. (2020). Витрина — как один из инструментов мерчандайзинга // Евразийский союз ученых. № 1–4 (70). С. 60–62.

Boler M., Davis E. (2018). The Affective Politics of the “Post-Truth” Era: Feeling Rules and Networked Subjectivity // *Emotion, Space and Society*. Vol. 27. P. 75–85.

Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014). Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data // *Journal of Communication*. Vol. 2. P. 317–332.

Durnová A. (2019). Unpacking Emotional Contexts of Post-Truth // *Critical Policy Studies*. Vol. 13. № 4. P. 447–450.

Kalpukas I. (2019). Affective Encounters of the Algorithmic Kind: Post-Truth and Posthuman Pleasure // *Social Media + Society*. Vol. 5 (2). doi: 10.1177/2056305119845678.

Lapsley D., Chaloner D. (2020). Post-Truth and Science Identity: A Virtue-Based Approach to Science Education // *Educational Psychologist*. Vol. 55 (3). P. 132–143.

Petrov A., Proncheva O. (2018). Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers // *Communications in Computer and Information Science*. Vol. 930. P. 197–209.

Thorson E. (2013). Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation. URL: <http://repository.upenn.edu/edissertations/810> (дата доступа: 07.03.2025).

Thorson E. (2016). Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation // *Political Communication*. Vol. 33. P. 460–480.

Yang Y., Xiu L., Chen X., Yu G. et al. (2023). Do Emotions Conquer Facts? A CCME Model for the Impact of Emotional Information on Implicit Attitudes in the Post-Truth Era // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 10. Art. 415.

Zembylas M. (2020). The Affective Grounding of Post-Truth: Pedagogical Risks and Transformative Possibilities in Countering Post-Truth Claims // *Pedagogy, Culture & Society*. Vol. 28 (1). P. 77–92.

REFERENCES

Abramova A. V. (2017) “Anger: The Meaning of Anti-Altruistic Emotions in Morality”, *Izvestiya of Tula State University. Humanitarian Sciences*, no. 1, pp. 154–160.

Artamonov D. S. (2022) “Socio-Epistemic Arenas of Historical Cognition”, *Izvestiya of Saratov University. Seriya: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 22, no. 3, pp. 238–242.

Boler M., Davis E. (2018) "The Affective Politics of the 'Post-Truth' Era: Feeling Rules and Networked Subjectivity", *Emotion, Space and Society*, vol. 27, pp. 75–85.

Chubarov I. M., Popova T. A., Sentsova K. A. (2024) "Digital Other: Identity Issues in the Paradigm of Artificial Intelligence", *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, no. 3 (141), pp. 1–6.

Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. (2014) "Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data", *Journal of Communication*, vol. 2, pp. 317–332.

Durnová A. (2019) "Unpacking Emotional Contexts of Post-Truth", *Critical Policy Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 447–450.

Fadeev A. Yu. (2023) "The Cult Environment of Society in the Connotation of Wouter Hanegraaff's Definition of New Age", *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii*, no. 2 (28), pp. 103–111.

Grishechkina N. V., Tikhonova S. V., Ustiyantsev V. B. (2024) "Transdisciplinarity in the Problem Field of Social Philosophy: 'Zone of Exchange' vs 'Socio-Epistemic Arena'", *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, vol. 24, no. 2, pp. 128–132.

Ilyanov D. S., Chernysheva T. K., Yurevich M. A. (2020) "Sources of Economic Growth in the 21st Century: The Video Game Industry", *Theoretical and Applied Economics*, no. 3, pp. 78–89.

Inshakov A. A., Egorov V. G. (2023) "The Video Game Industry: Economic Analysis and Review of Modern Research", *Post-Soviet Continent*, no. 4, pp. 71–95.

Ivanov D. V. (2000) *Virtualization of Society*, Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

Ivanov D. V. (2002) *Virtualization of Society. Version 2.0*, Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.

Izard K. E. (2021) *Psychology of Emotions*, Saint Petersburg: Piter.

Kalpokas I. (2019) "Affective Encounters of the Algorithmic Kind: Post-Truth and Posthuman Pleasure", *Social Media + Society*, vol. 5 (2).

Korolev Yu. A., Kashapov M. N. (2021) "The Video Game Industry in the Experience Economy: Winners during the Pandemic", *Nauchnye Trudy Tsentra Perspektivnykh Ekonomicheskikh Issledovaniy*, no. 20, pp. 121–126.

Kozyreva L. D., Ovechkina Ya. V. (2012) "Downshifting as an Object of Sociological Analysis", *Vestnik Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Novye Gumanitarnye Issledovaniya*, no. 8 (28), pp. 68–70.

Kryuchkova E. V. (2010) "New Age as a Phenomenon of Western and Russian Culture", *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, no. 2 (23), pp. 106–116.

Kulakov I. F. (2016) "The Phenomenon of Downshifting as a Reaction to Consumerism", *Kultura. Dukhovnost. Obshchestvo*, no. 27, pp. 31–36.

Lapsley D., Chaloner D. (2020) "Post-Truth and Science Identity: A Virtue-Based Approach to Science Education", *Educational Psychologist*, vol. 55 (3), pp. 132–143.

Liga M. B. (2005) "Quality of Life and Post-Materialist Values", *Polzunovskii Vestnik*, no. 3, pp. 222–228.

Lisova E. V. (2008) "Downshifting: Stratification Effects", *Economic Sociology*, vol. 9, no. 2, pp. 56–65.

Losevskaya S. A., Semenchenco S. V. (2022) "Merchandising Approach as an Innovation Strategy for Food Service Enterprises", *Bulletin of Michurinsk State Agrarian University*, no. 2 (69), pp. 220–224.

Miroshnikov Yu. I. (2007) *Axiology: The Concept of Emotivism*, Yekaterinburg: Institut Filosofii i Prava UrO RAN.

Miroshnikov Yu. I. (2003). Value Consciousness and Its Structure, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS*, no. 4, pp. 66–83.

Naumova E. I., Bondarev V. G. (2021) “Digital Capitalism: Network/Hierarchy, Vector”, *Konfliktologiya*, vol. 16, no. 2, pp. 26–35.

Oldenburg R. (2014) *The Third Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Salons, and Other Hangouts as the Foundation of Community*, Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Paramonov G. V., Berketova L. V. (2022) “Merchandising as a Method of Attracting and Retaining Customers”, *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, vol. 84, no. 3 (93), pp. 454–459. doi: 10.20914/2310-1202-2022-3-456-462.

Perevozchikova L. S., Chernikov M. V. (2015) “Two Trends in Modern Axiology: An Attempt at Reconciliation”, *Nauchnye Diskussii*, vol. 7, pp. 9–13.

Petrov A., Proncheva O. (2018) “Modeling Propaganda Battle: Decision-Making, Homophily, and Echo Chambers”, *Communications in Computer and Information Science*, vol. 930, pp. 197–209.

Ralyk D. V. (2024) “Development of Physical and Digital Space in Restaurant Merchandising”, *Ekonomika i Predprinimatelstvo*, no. 3 (164), pp. 1422–1427. doi: 10.34925/EIP.2024.164.3.280.

Ritzer G. (2011) *The McDonaldisation of Society 5* (transl. by A. V. Lazarev), Moscow: Praxis.

Shakurova K. U., Evtodieva T. E. (2020) “Shop Window as a Merchandising Tool”, *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh*, no. 1–4 (70), pp. 60–62.

Thorson E. (2013) *Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation* (<http://repository.upenn.edu/edissertations/810>, accessed on 07.03.2025).

Thorson E. (2016) “Belief Echoes: The Persistent Effects of Corrected Misinformation”, *Political Communication*, vol. 33, pp. 460–480.

Tyukhtyaev A. (2022) “Traditionalism without Tradition: The Problem of Measuring New Age Spirituality”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, vol. 40, no. 1, pp. 293–312.

Ulyanina O. A. (2010) “The Problem of Advertising’s Influence on the Formation of Value Orientations in Modern Society: A Sociological Analysis”, *Science Journal of Volgograd State University Young Scientists’ Research*, iss. 8, pt. 1, pp. 65–68.

Yang Y. et al. (2023) “Do Emotions Conquer Facts? A CCME Model for the Impact of Emotional Information on Implicit Attitudes in the Post-Truth Era”, *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 10, art. 415.

Zembylas M. (2020) “The Affective Grounding of Post-Truth: Pedagogical Risks and Transformative Possibilities in Countering Post-Truth Claims”, *Pedagogy, Culture & Society*, vol. 28 (1), pp. 77–92.

Zhuravlev A. E. (2020) “The Economy of Impressions: Emotions as a Product”, *Evropeiskii Nauchnyi Forum* (Sbornik Statei VI Mezhdunarodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferentsii), Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi Tsentr Nauchnogo Partnerstva “Novaya Nauka”, pp. 37–42.

Цифровая автономия: кто определяет ценности в обществе платформ?

Вера Потанова

Университет Амстердама (Нидерланды)

E-mail: vpotapova012@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема влияния цифровой среды, и в частности платформ, на формирование публичных ценностей. С опорой на ключевые работы из области исследований платформ (platform studies) платформы рассматриваются не как нейтральные технологические посредники, но как активные участники социальных процессов, задающие ценности и имеющие потенциал влиять на общее благо (common good). Основное внимание уделяется определению платформ и ключевых последствий платформизации: датафикации, коммодификации и селекции. Рассматриваются механизмы, с помощью которых концентрируется и распространяется власть таких крупных технокорпораций, как Google, Microsoft и прочие. Особый акцент делается на дискуссии о цифровом суверенитете и необходимости государственного регулирования. Автор приходит к выводу, что для построения цифровой среды, основанной на ценностях прозрачности и ответственности, необходимо устанавливать диалог между гражданским обществом, технологической индустрией, независимыми экспертами и государственными институтами.

Ключевые слова: платформы, медиа, цифровое право, персональные данные, ценности, platform studies.

Для цитирования: Потанова В. (2025). Цифровая автономия: кто определяет ценности в обществе платформ? // Patria. Т. 2. № 3. С. 28–35.

doi: 10.17323/patria.2025.27618

Digital Autonomy: Who Defines Values in the Platform Society?

Vera Potapova

University of Amsterdam (Netherlands)

E-mail: vpotapova012@gmail.com

Abstract. This paper critically examines the role of digital platforms in shaping public values, challenging the perception of platforms as neutral technological matchmakers. Drawing on key insights from platform studies, the analysis focuses on three core dimensions of platformization — datafication, commodification, and selection — highlighting their far-reaching implications for governance, user autonomy, and market power. By tracing the mechanisms through which Big Tech corporations exercise and expand their control, the paper sheds light on the broader power dynamics shaping the platform society. Special attention is given to the concept of digital sovereignty and the growing calls for state regulation as a means to ensure democratic oversight. The study argues that fostering a digital ecosystem grounded in transparency and accountability requires a sustained dialogue between civil society, the technology industry, independent experts, and governmental institutions.

Keywords: digital platforms, media, digital governance, data policy, public values, platform studies.

For citation: Potapova V. (2025) “Digital Autonomy: Who Defines Values in the Platform Society?”, *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 28–35.

doi: 10.17323/patria.2025.27618

Введение

В начале 2000-х годов термин «платформа» становится ключевым в обсуждениях демократизирующего потенциала Web 2.0, когда возникает необходимость переосмыслить роль Интернета в ответ на кризис доткомов (см.: (Срничек, 2019; O'Reilly, 2005)). Метафора «сети как платформы», распространившаяся в этот период, подчеркивает возможность построения онлайн-экосистемы, где множество сервисов взаимосвязаны друг с другом и ориентированы на создание единого пользовательского опыта (Helmond, 2015). Этот дискурс определил стратегии развития бизнес-моделей таких компаний, как Amazon, Google, Facebook¹, Apple и Microsoft, которые теперь составляют ядро коммерческого онлайн-пространства и объединяются под термином «Большая пятерка» («The Big Five»). Эти компании начали позиционировать себя как открытые платформы — инфраструктуры, организующие пространство для взаимодействия различных акторов и сервисов: пользователям они предоставляют возможность размещать контент, а внешним разработчикам — доступ к данным и цифровым инструментам.

Если изначально внедрение платформ воспринималось как шаг к демократизации цифровой среды, то с ростом их экономической и социальной значимости наблюдаются тенденции к монополизации и выстраивание сети зависимостей подавляющей части интернет-пространства от «Большой пятерки». Подобная концентрация власти в нескольких коммерческих корпорациях способствует дискуссии о необходимости государственного регулирования, направленного на минимизацию рисков и негативных последствий платформизации, а также на обеспечение соотвествия деятельности этих компаний публичным ценностям.

В ответ на эти вызовы направление исследований платформ (platform studies) активно развивается в междисциплинарном контексте. Современные работы в этой области стремятся продемонстрировать, что платформы — не нейтральные посредники, а технологические системы, которые прямо или косвенно формируют, ограничивают и (пере)определяют социальные нормы, практики и ценности. Исследователи акцентируют внимание на ценностных установках, скрытых за интерфейсами платформ, и стремятся понять, какие группы оказываются наиболее уязвимыми в этих структурах. В российской науке эта проблематика социальных последствий цифровых платформ также начинает осмысливаться — прежде всего в контексте социологии труда, в связи с ростом платформенной занятости и гиг-экономики (Шевчук, 2022).

Платформы: определение и признаки

В 2018 году эти и другие идеи были сформулированы в книге «Общество платформ: публичные ценности в коннективном мире» (Dijk, van, Poell, Vaal, de, 2018). Эту работу можно считать отправной точкой европейской школы исследований платформ, значительная часть которой на данный момент сосредоточена в Нидерландах. Авторы книги — Йосе ван Дейк, Томас Поуэлл и Мартейн де Вааль — инициировали тенденцию

анализа платформ с акцентом на социальные и ценностные последствия платформизации. Их работа в основном фокусируется на европейском контексте и направлена на установление диалога между академическими кругами, локальной технологической индустрией и регулируемыми органами. С одной стороны, они вносят вклад в формулирование теоретического определения платформ, а с другой — предлагают практические рекомендации по возможным траекториям цифровой политики в отношении платформ на территории Евросоюза.

Авторы предлагают рассматривать платформы с трех сторон — как особые технологические, экономические и правовые конструкции, которые создают специфическую инфраструктуру для взаимодействия пользователей, разработчиков и компаний.

Платформа характеризуется определенным набором технических характеристик. Платформы собирают и обрабатывают данные, организуются посредством алгоритмов и представляют информацию через интерфейсы. Ключевым элементом инфраструктуры платформ является такой инструмент, как API (Application Programming Interface, интерфейс программирования приложения). С помощью открытых API платформы предоставляют сторонним разработчикам ограниченный доступ к данным, метрикам и информации о пользовательском поведении, что позволяет разрабатывать новые приложения и сервисы на их основе. Примеры таких API включают ключи аутентификации — например, возможность регистрации на веб-сайтах через Google-аккаунт, а также рекламные сервисы наподобие Google Ads и Facebook* for Business. Так, платформы предоставляют новым компаниям ресурсы для масштабирования бизнеса, но, в свою очередь, делают их зависимыми от собственной инфраструктуры.

Ключевую роль в успехе платформ играют сетевые эффекты, что способствует концентрации рыночной власти в «Большой пятерке». С каждым новым пользователем или новым сервисом, построенном на их API, увеличивается ценность платформы, что приводит к систематическому укреплению их монопольного статуса. Этот признак платформенной логики авторы книги называют коннективностью — когда вокруг платформы формируется разветвленная сеть взаимосвязанных сервисов, функционирующая по правилам, заданным платформой.

Платформы также имеют разнообразные бизнес-модели и стратегии монетизации. Они могут зарабатывать на данных, контенте, пользовательских контактах и внимании, предлагая рекламные инструменты, платные услуги или подписки. Важную роль играет политико-экономическое позиционирование платформы, поскольку от него зависит характер правового регулирования. Например, платформа Uber, позиционируя себя как IT-стартап, избегает регулирования, характерного для традиционных работодателей в сфере такси. Это долгое время позволяло платформе обходить требования лицензирования, регулирования цен и стандартов безопасности клиентов, а также снижать обязательства перед водителями в части охраны труда (Howcroft, Leaver, 2025). Наконец, правовое регулирование платформ осуществляется через пользователь-

ские соглашения (Terms of Service, ToS). В них определяются отношения между их владельцами и пользователями, в то время как сами пользовательские соглашения долгое время не подлежали государственному регулированию. Лишь в последнее время развивается цифровое право, учитывающее новые явления общества платформ.

Таким образом, платформы создают вокруг себя сложную сеть зависимых онлайн- и офлайн-сервисов. Несмотря на глобальный охват, головные офисы «Большой пятерки» расположены в США, что, по мнению авторов книги, приводит к доминированию американских ценностных и политико-экономических рамок в цифровой среде. Этот феномен получает название «платформенный империализм» (Jin, 2015). В ответ на это книга встраивается в дискуссию, активно развивающуюся в Европе, о необходимости цифрового суверенитета — создании локальных платформ и программного обеспечения, которые бы поддерживали модерирование публичной сферы в соответствии с локальными нормами и принципами.

Социальные последствия платформизации

Авторы книги также рассматривают, как платформизация изменяет традиционные механизмы взаимодействия в четырех отраслях: городском транспорте, образовании, здравоохранении и новостной журналистике. Для этого авторы выделяют три основных последствия платформизации, которые оказывают влияние на логику этих индустрий: датафикацию, коммодификацию и селекцию.

Датафикация — это процесс превращения различных аспектов социальной жизни в данные, включая те, которые ранее не поддавались количественному измерению. Это касается и постоянного отслеживания геолокации, и мониторинга пользовательской активности в ее разных проявлениях — кликах, лайках, просмотрах, платежах, поиске, подписках, комментировании и так далее. Пользователи теряют контроль над использованием персональных данных, как только соглашаются с ToS. Эти данные циркулируют через API, интегрируясь со сторонними сервисами, и становятся основой для предиктивной аналитики поведения пользователей, применяемой для персонализированной рекламы — ключевого источника дохода большинства платформ.

Коммодификация подразумевает извлечение экономической ценности из внимания и данных. Платформы функционируют как мультисторонние рынки (multisided markets), связывая различные группы пользователей и создавая новые механизмы монетизации. Например, в сфере образования крупные платформы часто сотрудничают с некоммерческими и государственными организациями, предоставляя свои сервисы локальным школам и обещая общественную пользу. Однако при этом платформы зачастую руководствуются коммерческими интересами с целью развития сетевых эффектов и укрепления своей власти (Kerssens, Pangrazio, Nichols, 2024). Так, платформы не просто создают новые механизмы монетизации, но и трансформируют саму логику взаимодействия в различных

сферах, превращая данные, внимание и социальные отношения в товарные формы.

Селекция — это контроль над управлением потоками информации. Платформенная логика трансформирует механизмы отбора и представления контента, заменяя традиционные экспертные системы пользовательскими и алгоритмическими механизмами селекции. Например, в новостной сфере решение о публикации и продвижении той или иной информации ранее принималось журналистами на основе профессиональных стандартов и экспертной оценки. Платформы же управляют контентом, направляя пользовательскую активность через интерфейсы и алгоритмы, которые остаются непрозрачными как для аудитории, так и для журналистов. Процессы селекции охватывают персонализацию контента, алгоритмическую модерацию и продвижение определенных тем и трендов, что существенно влияет на доступность информации и общественное мнение.

Таким образом, становится очевидным, что платформы оказывают значительное влияние на разные социальные сферы, формируя новые формы взаимодействия через процессы датафикации, коммодификации и селекции. Авторы приходят к выводу, что оставлять регулирование исключительно на усмотрение бизнес-владельцев платформ недостаточно; необходимо участие гражданского общества, государства и независимых экспертов для формирования более прозрачной и демократичной платформенной среды.

Ценностно-ориентированное общество платформ

Говоря о ценностях, связанных с использованием технологий, авторы разделяют их на два уровня: индивидуальные пользовательские ценности и более широкие общественные. К первым относятся такие ценности, как безопасность, точность, конфиденциальность, прозрачность, которые отвечают базовым правам пользователей. Ко вторым — справедливость, равенство, независимость, коллективность и инклюзивность. Эти ценности должны учитывать интересы более широких групп и сообществ, и на их основе строится ответственность платформ за соблюдение общего блага (common good). На более глобальном уровне авторы выделяют две фундаментальные ценности — ответственность и подотчетность (accountability), которые, по их мнению, должны соблюдать платформы.

Так, в процессе датафикации пользователи должны сохранять контроль над своими персональными данными. Данные становятся ценным ресурсом, но, как подчеркивают авторы, до тех пор, пока потоки данных остаются частной собственностью, платформы сохраняют контроль над их сбором, хранением и перепродажей. При этом пользователи не получают компенсации за использование их данных и не имеют механизмов влияния на этот процесс. В качестве альтернативы авторы предлагают рассматривать данные аналогично деньгам. Потоки данных должны быть столь же прозрачными, как и финансовые потоки, чтобы граждане могли видеть, кто ими владеет, кто имеет доступ и как они используются.

Коммодификация данных размывает границы между коммерческим и некоммерческим, частным и общественным. В таких случаях ценности подотчетности и прозрачности должны быть встроены в формальные структуры взаимоотношений, а также динамически формироваться в диалоге между платформой и некоммерческой институцией-партнером. Так же и механизмы селекции могут нести общественную пользу, если они не связаны с коммерческими стратегиями. Например, индивидуализированные медицинские профили способны улучшить диагностику и лечение, а персонализированные новостные фильтры могут содействовать лучшему информированию. Авторы убеждены, что такие свойства платформ, как персонализация, в определенных контекстах могут действительно работать на благо общества.

Однако все эти практики социально ответственного общества платформ невозможны без консенсуса о том, какой смысл вкладывается в такие ценности, как справедливость, точность и достоверность; при этом для разных сфер жизни эти определения могут значительно различаться. Поэтому создание технологий, служащих общественным интересам, становится задачей, требующей совместной ответственности (*shared responsibility*) со стороны рынка, государства и пользователей. Важнейшие вопросы, касающиеся платформенного общества, связаны с тем, чьи интересы оно обслуживает, какие ценности оказываются под угрозой и кто получает выгоду от его существования. Это предполагает необходимость выработки четких механизмов взаимодействия и регулирования, учитывающих как экономические, так и социальные интересы.

Геополитика платформ

Изданная в 2018 году книга «Общество платформ: публичные ценности в коннективном мире» стала одной из ключевых работ, связавших платформы с общественными ценностями и показавших их геополитическое значение. Ее авторы приходят к выводу, что влияние цифровых платформ настолько велико, что онлайн-пространство становится неотъемлемой частью глобальных политических и правовых процессов.

В последние годы этот вектор исследований только усиливается на фоне дискуссий о цифровом суверенитете и национальном регулировании технологических экосистем. В то же время глобальные платформы с целью поддержания дискурса о своей публичной ценности все чаще выходят за рамки традиционного бизнеса, становясь участниками так называемых моральных рынков: они не просто продают технологии, но и распространяют через них определенные нормы и ценностные установки (Farrell, Fourcade, 2023).

Одним из ключевых аспектов этой борьбы является защита локальных ценностей от глобального проникновения платформ. Так, в США предпринимаются попытки контроля над китайским влиянием посредством запрета или покупки таких платформ, как TikTok. В Евросоюзе, который не владеет программным обеспечением, используемым на его территории, с целью возвращения контроля разрабатываются локальные регулирую-

щие акты, такие как Генеральный регламент по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, 2016) или Закон о цифровых услугах (The Digital Services Act, 2024). Аналогичным образом локальные акты регулирования данных возникают и в других контекстах — например, в Бразилии (Brazilian General Data Protection Law, 2022) или в странах Африканского союза (AU Data Policy Framework, 2022).

При этом первоначально исследования платформ оставались преимущественно западноцентричными: они почти полностью были сосредоточены на американской «Большой пятерке», а также ее влиянии на европейскую публичную сферу. Однако к 2024 году один из авторов книги, Томас Поуэлл, вместе с другими исследователями начинает заниматься «девестернизацией» («de-westernizing») поля исследований платформ, обращая внимание на альтернативное функционирование технологических экосистем в других национальных контекстах. Так, в 2025 году выходит специальный выпуск *International Journal of Cultural Studies*, посвященный глобальным перспективам платформизации культурных практик (Poell et al., 2025). В нем показывается, что теория платформизации, разработанная с акцентом на европейский и англоамериканский опыт, не универсальна и получает особое развитие в разных контекстах — что побуждает заново переосмыслить явление общества платформ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Принадлежит компании Meta, деятельность которой признана в России незаконной. Далее при упоминании данная социальная сеть будет отмечена *.

ЛИТЕРАТУРА

Срничек Н. (2019). Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Шевчук А. (2022). Труд и власть в российской модели платформенного капитализма // Социология власти. Т. 34. № 3–4. С. 128–155.

AU Data Policy Framework (2022). URL: <https://au.int/sites/default/files/documents/42078-doc-AU-DATA-POLICY-FRAMEWORK-ENG1.pdf> (дата доступа: 04.02.2025).

Brazilian General Data Protection Law (2022). URL: <https://iapp.org/resources/article/brazilian-data-protection-law-lgpd-english-translation/> (дата доступа: 04.02.2025).

Dijk J., van, Poell T., Waal M., de. (2018). The Platform Society: Public Values in a Connective World. N. Y.: Oxford Univ. Press.

Farrell H., Fourcade M. (2023). The Moral Economy of High-Tech Modernism // Daedalus. Vol. 152. № 1. P. 225–235.

General Data Protection Regulation (2016). URL: <https://gdpr-info.eu> (дата доступа: 04.02.2025).

Helmond A. (2015). The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready // Social Media + Society. Vol. 1. № 2.

Howcroft D., Leaver A. (2025). Unstable Platforms: Uber's Business Model and the Challenge of Organisational Legitimacy // Accounting Forum. Vol. 49. Iss. 2. P. 369–394.

Jin D. Y. (2015). Digital Platforms, Imperialism and Political Culture. L.; N. Y.: Routledge.

Kerssens N., Pangrazio L., Nichols T. P. (2024). Googlization(s) of Education: Intermediary Work Brokering Platform Dependence in Three National School Systems // *Learning, Media and Technology*. Vol. 49. № 3. P. 478–491.

O'Reilly T. (2005). What Is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. URL: <https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата доступа: 04.02.2025).

Poell T. et al. (2025). Global Perspectives on Platforms and Cultural Production // *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 28. № 1. P. 3–20.

The Digital Services Act (2024). URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en (дата доступа: 04.02.2025).

REFERENCES

AU Data Policy Framework (2022) (<https://au.int/sites/default/files/documents/42078-doc-AU-DATA-POLICY-FRAMEWORK-ENG1.pdf>, accessed on 04.02.2025).

Brazilian General Data Protection Law (2022) (<https://iapp.org/resources/article/brazilian-data-protection-law-igpd-english-translation/>, accessed on 04.02.2025).

Dijck J., van, Poell T., Waal M., de. (2018) *The Platform Society: Public Values in a Connective World*, N. Y.: Oxford Univ. Press.

Farrell H., Fourcade M. (2023) “The Moral Economy of High-Tech Modernism”, *Daedalus*, vol. 152, no. 1, pp. 225–235.

General Data Protection Regulation (2016) (<https://gdpr-info.eu>, accessed on 04.02.2025).

Helmond A. (2015) “The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready”, *Social Media + Society*, vol. 1, no. 2.

Howcroft D., Leaver A. (2025) “Unstable Platforms: Uber’s Business Model and the Challenge of Organisational Legitimacy”, *Accounting Forum*, vol. 49, iss. 2, pp. 369–394.

Jin D. Y. (2015) *Digital Platforms, Imperialism and Political Culture*, L.; N. Y.: Routledge.

Kerssens N., Pangrazio L., Nichols T. P. (2024) “Googlization(s) of Education: Intermediary Work Brokering Platform Dependence in Three National School Systems”, *Learning, Media and Technology*, vol. 49, no. 3, pp. 478–491.

O'Reilly T. (2005) *What Is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software* (<https://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html>, accessed on 04.02.2025).

Poell T. et al. (2025) “Global Perspectives on Platforms and Cultural Production”, *International Journal of Cultural Studies*, vol. 28, no. 1, pp. 3–20.

Shevchuk A. (2022) “Labor and Power in the Russian Model of Platform Capitalism”, *Sociologiya Vlasti*, vol. 34, no. 3–4, pp. 128–155.

Srnicek N. (2019) *Platform Capitalism*, Moscow: HSE Univ. Press.

The Digital Services Act (2024) (https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en, accessed on 04.02.2025).

Новые медиа «новых правых»: современные примеры продвижения традиционных ценностей

Дмитрий Моисеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: dmoiseev@hse.ru

Аннотация. Перемены, происходящие в мире в течение нескольких последних лет под влиянием масштабных геополитических кризисов, можно охарактеризовать как «новый правый поворот», придающий особенную актуальность идеям, сформулированным представителями интеллектуального движения «новых правых», зародившегося во Франции в 1968 году. Становление многополярного мироустройства, рост популярности антиглобализма и традиционализма, кризис левого либерализма, происходящий де-факто пересмотр принципов международного права, новая технологическая революция — все эти явления были предсказаны А. де Бенуа, Г. Фае, Д. Веннером во второй половине XX века. Одним из инструментов повышения интереса к «новому правому» дискурсу стали современные медиа и системная работа в информационном поле по продвижению основных идей «новых правых», исключительно совекторным текущему курсу государственной политики Российской Федерации. В рамках настоящей статьи рассматриваются как общий тренд популяризации идей «новых правых», так и конкретные примеры успешных современных правых медиа — британского издательского дома Arktos и французского think tank Strategika.

Ключевые слова: медиа, «новые правые», антиглобализм, традиционные ценности, Arktos.

Для цитирования: Моисеев Д. (2025). Новые медиа «новых правых»: современные примеры продвижения традиционных ценностей // Patria. Т. 2. № 3. С. 36–47.

doi: 10.17323/patria.2025.27619

New Media of the “New Right”: Contemporary Cases for Promoting Traditional Values

Dmitry Moiseev

HSE University (Moscow)

E-mail: dmoiseev@hse.ru

Abstract. The change taking place in the world over the past few years under the influence of large-scale geopolitical crises can be described as a “new right turn”, which gives special relevance to the intellectual movement of the “New Right”, which originated in France in 1968. The emergence of a multipolar world order, the growing popularity of anti-globalism and traditionalism, the crisis of left-wing liberalism, the de facto revision of the principles of international law, the new technological revolution — all these phenomena were predicted by A. de Benoist, G. Faye, D. Venner in the second half of the 20th century. Modern media and systematic work in the field of information to promote the main ideas of the “New Right”, exclusively compatible with the current course of state policy of the Russian Federation, have become one of the tools to increase interest in the “New Right” discourse. This article examines both the general trend of popularizing the ideas of the “New Right” and specific examples of successful modern right-wing media.

Keywords: media, new right, anti-globalism, traditional values, Arktos.

For citation: Moiseev D. (2025) "New Media of the 'New Right': Contemporary Cases for Promoting Traditional Values", *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 36–47.

doi: 10.17323/patria.2025.27619

Введение. «Новые правые» как школа мысли

Студенческие волнения мая 1968 года во Франции, становление гибрида левых идей и либерализма доминантным направлением континентальной политической философии и общий кризис консервативного вектора мышления после завершения Второй мировой войны обусловили запрос на переосмысление как традиционного «правого» наследия, так и реакционного модернизма периода интербеллума. На данный вызов ответили участники группы GRECE (*Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne*, Группа по исследованию и изучению европейской цивилизации) под руководством философа Алена де Бенуа, которых впоследствии стали называть «новыми правыми». Бенуа, Гийом Фай, Доминик Веннер, Пьер Виаль, вдохновленные наследием Фридриха Ницше, Юлиуса Эвола, Освальда Шпенглера, Вильфредо Парето и иных классиков правой мысли, провозгласили принципы антисоветизма и антилиберализма, этноплюрализма и антиамериканизма, создав корпус как критических, так и визионерских текстов, актуальность которых только возрастает по мере углубления кризиса неолиберального постмодерна.

Как показал исследователь генезиса мысли «новых правых» Т. Сунич, у Шпенглера данные мыслители берут критику упразднения либерализмом меритократической иерархии и представление об истории как о судьбе, у Парето — критику демократии и европейского гуманизма, у Шмитта — «разоблачение» либерализма как политического романтизма. Ницше и Эвола важны для «новых правых» как критики монотеизма в целом и христианства в частности; у данных философов «новые правые» взяли восхищение греко-римской античностью и в целом традиционный индоевропейский, «языческий» духовный вектор осмысления бытия. С этих позиций «новые правые» критикуют «эгалитарную мистику», под которой подразумеваются марксистские и неомарксистские утопии равенства, уравнивающий экономизм, постпросвещенческую стандартизацию человека, а также выступают за мир подлинного разнообразия, основанного на сильных национальных идентичностях и историко-культурном опыте народов (Сунич, 2024; Моисеев, 2024). Особенную роль в спасительном процессе возвращения западного человечества к своим корням, согласно «новым правым», должна сыграть культурная политика, популяризируемая в различных социальных контурах.

Необходимо отметить, что GRECE не снискала успеха как политическая сила, оставшись в статусе аналитического центра и школы мысли. Вместе с тем в XXI веке мы наблюдаем стремительную популяризацию идей «новых правых», отблески этих идей ныне заметны в мировом масштабе. Значительную роль в этом сыграло распространение Интернета, «новых медиа» и комбинация информационных, организационных и ана-

литических усилий различных лиц и групп в разных странах. Рассмотрим развитие этого процесса поэтапно и на конкретных примерах.

«Новый правый поворот» и роль медиа

Победа Дональда Трампа на выборах президента США, состоявшихся 5 ноября 2024 года, стала причиной стремительного разворота политических трендов Запада направо. За первые недели после вступления в должность Трамп обозначил геополитические претензии США на Канаду, Мексику и Гренландию, подписал указ о выходе США из Всемирной организации здравоохранения и Парижского соглашения по климату, принял усилия по укреплению северной и южной границ США¹, разгромил леволиберальный грантовый центр USAID, существовавший за счет средств налогоплательщиков, закрыл все государственные программы по разнообразию и инклюзивности, законодательно закрепил признание лишь двух полов — мужского и женского. Реализовывая свои предвыборные обещания, Трамп снискал расположение консервативно настроенных граждан не только в США, но и за их пределами, а его ближайший соратник Илон Маск начал активные интервенции во внутреннюю политику ФРГ и Великобритании, поддержав правоконсервативные партии «Альтернатива для Германии» и «Реформировать Соединенное Королевство», которые, судя по данным последних опросов, пользуются рекордной в своей истории популярностью (Coates, 2025; Statista.com, 2025).

Учитывая ярко выраженную направленность риторики и политических действий Трампа против леволиберального истеблишмента, все перечисленное было бы невозможно без значительной информационной проработки посредством современных медиатехнологий.

Американские исследователи отмечают рост популярности правоконсервативных движений в США в 1990-е годы, что совпало с появлением новых технических возможностей привлечения внимания и информационного взаимодействия с населением:

Культура была критичным фактором успеха в отношении усилий «новых правых» по мобилизации активистов и продвижению консервативной повестки. Их музыка, семейные мероприятия, компьютерные игры и парки развлечений глубоко укоренились в повседневности американского мейнстрима, приведя в политику новые социальные группы (Blee, Creasap, 2010: 273).

Появление социальных сетей в 2000-е годы, ознаменовавшее наступление эпохи Web 2.0 и контента, создаваемого пользователями Интернета, а не только онлайн-СМИ, радикально усовершенствовало традиционный инструментарий идеологической работы: «Управление трендами представляет собой относительно новое и все более опасное средство убеждения в социальных сетях» (Prier, 2017: 51). Подобными механизмами активно пользуются как государственные агенты, так и частные организации и группы граждан, в том числе политические партии, общественные организации, экспертные центры.

Учитывая резко возросшую доступность создания и передачи публичной информации, данные события только усилили спрос на нарративы и идео-

логические линии различной интеллектуальной глубины, рассчитанные на разные целевые аудитории. Ввиду этого современное информационное поле значительно усложнилось относительно второй половины XX века, когда оно было пространством доминирования традиционных СМИ, из-за чего выглядело исключительно примитивно². Как показал опыт последних полутора десятилетий, от этой перемены в большей степени выиграли те нарративы, за которыми, в первую очередь, стояла значительная интеллектуальная традиция и которые, во вторую очередь, подвергались дискриминации, цензуре и давлению в мире «старых» СМИ. Нарратив «новых правых», как представляется в настоящий момент, выходит одним из главных «победителей» в информационной борьбе нового технологического века: подвергнутый всесторонней обструкции в 1970-е годы, он возродился в начале XXI века и приобрел невиданное до сих пор влияние.

Исследователи, писавшие о первой президентской кампании Дональда Трампа (2016 года), неоднократно отмечали значительную роль движения «альтернативных правых» (alt-right) в целом и медиа Breitbart в ее успехе (Davis, 2017: 149). При этом основатель и руководитель Breitbart Стив Бэннон, который в течение первых семи месяцев первого президентства Трампа был его штатным советником в Белом доме, испытал значительное влияние классического консерватизма (Эдмунд Бёрк), европейской правой философии первой половины XX века (в первую очередь Юлиуса Эволи), а также новейших правых теорий («темное Просвещение» Кёртиса Ярвина). Медиа вроде Breitbart удалось успешно оседлать волну внимания, прикованного к первой президентской кампании Трампа, которая, в свою очередь, также стала объектом многочисленных научных исследований ввиду того, что кандидат в президенты активно прибегал к технологическому арсеналу таких социальных медиа, как Twitter, YouTube и Facebook, за счет чего сэкономил значительное количество средств на информационное освещение кампании (Schroeder, 2018).

В этом контексте особенную значимость приобретает экспертный диалог между интеллектуалами разных стран, к которому активно стремятся консервативные силы по всему миру. Выработка новых вариаций переосмысления традиционного консерватизма — переосмысления, учитывающего исключительно высокую динамику развития технологий, но при этом направленного на сохранение традиционных ценностей и идентичностей, — становится задачей первоочередной важности (Gianoncelli, 2021).

Существующая информационная динамика, во многом созданная при помощи «новых медиа», вынуждает академических акторов к переоценке теоретического вклада «новых правых» в современную политическую теорию. В частности, Ричард Марси и Валери Д'Эрман из Университета Виктории отмечают, что «к “новым правым” следует относиться серьезно, как к экспертному сообществу с радикально инновационными стратегиями, поскольку они представляют совокупность теорий, которые бросают реальный вызов современным политическим системам и являются источником значительного влияния на широкомасштабные культурные изменения» (Marcy, D'Erman, 2019: 83). Те же авторы указывают, что «некоторые

факты свидетельствуют о том, что сообщество деятелей и интеллектуалов «новых правых» помогают расшатать традиционный идеологический диапазон общественного мнения как в Европе, так и на Западе в целом и что они делают это, используя социально инновационные средства» (Marcu, D'Erman, 2019: 82).

Полностью поддерживая приведенное выше экспертное мнение, обратимся к двум частным случаям, которые могут стать примерами информационной работы «новых правых» интеллектуалов в наше время с использованием всего арсенала современных информационных технологий.

Кейс: Arktos (Великобритания)

Одной из правоконсервативных интеллектуальных платформ, активно поддерживавших информационно вторую президентскую кампанию Трампа, а также популяризирующих линию мышления «новых правых» в англоязычном мире, было лондонское издательство Arktos Media (Arktos.com).

Группа Arktos была основана в Индии в 2009 году шведским предпринимателем Дэниелом Фрибергсом и американским интеллектуалом Джоном Морганом. Arktos Media был запущен как издательский проект в Лондоне в 2010 году при поддержке Грегори Лаудера-Фроста, главы группы «Традиционная Британия», одним из руководителей которой в то время был Мерлин Чарльз Сейнтхилл Ханбери-Трейси, 7-й барон Садли (1939–2022). Данная группа, в свою очередь, поддерживает связь с «Клубом консервативных понедельников» — элитной традиционалистской организацией, близкой к Консервативной партии Великобритании и ряду членов британской Палаты лордов.

Как указывают академические источники, в период формирования пула авторов-добровольцев Arktos указывал следующие издательские смысловые приоритеты:

- 1) Традиционные ценности. Мы стараемся придерживаться таких традиционных ценностей, как честность, неподкупность и идеализм; 2) Защита окружающей среды. Мы заботимся о Земле и выступаем против разрушения окружающей среды, эксплуатации животных и жестокого обращения с ними; 3) Духовность. Большинство из нас признаёт существование высшей, метафизической реальности, или Бога, ищут подлинный духовный путь или уже следуют ему; 4) Неприятие современных норм. Многие из нас сводят к минимуму взаимодействие с такими современными явлениями, как культ потребления, бессмысленный и неограниченный гедонизм, лицемерная культура защиты прав человека (Burden, 2013: 172).

За неполные 15 лет активной деятельности издательство Arktos выпустило более 250 книг на английском языке. Группа издает англоязычные переводы ставших классическими работ авторов традиционалистской и консервативно-революционной направленности (Ю. Эвола, Э. Юнгер, А. Молер), книги и статьи наиболее влиятельных представителей «новой правой» мысли (А. де Бенуа, Д. Веннер, Г. Фай, П. Кребс, П. Готфрид), современных правоконсервативных интеллектуалов (Д. Киркпатрик, Дж. Р. Джорджани, Т. Сунич, Х. Фёгель). Отдельного упоминания заслуживает работа, проводимая Arktos с наследием современного российского

мыслителя А. Г. Дугина: данное издательство является крупнейшим переводчиком и англоязычным дистрибьютором работ данного автора. Необходимо также отметить, что ввиду ценностной ориентации Arktos на критику левого либерализма и глобализма (лозунг издательства — «Making Anti-Globalism Global», «Делая антиглобализм глобальным») данное интеллектуальное сообщество, в числе прочего, предоставило площадку для пророссийских высказываний в ходе имеющей место конфронтации, регулярно публикует критические работы Дугина на данную тему³, а также выпустило в 2024 году книгу украинской журналистки, номинантки Всемирной премии ЮНЕСКО за вклад в дело свободы печати 2021 года Д. В. Панченко с критикой украинской политики последних лет (Panchenko, 2024).

С 2023 года руководство Arktos Media приняло решение масштабировать проект до полноценного think tank, провозгласив миссию «расширить границы мышления и дать высказаться людям, игнорируемым мейнстримом и предлагающим оригинальные альтернативы господствующей культуре»⁴. Группой Arktos была создана полноценная собственная медиасреда, включающая в себя электронный журнал Arktos Journal (Arktosjournal.com), видеоблоги, подкасты и прочее.

Из числа руководителей Arktos необходимо выделить немецкого интеллектуала Константина фон Хоффмайстера — главного редактора издательства. В прошлом успешный бизнес-тренер с филологическим и политологическим бэкграундом, он дебютировал в 2024 году с собственной книгой «Эзотерический трампизм», опубликованной на четырех языках — английском, итальянском, испанском и русском (Hoffmeister, von, 2024a, 2024b, 2024c; Хоффмайстер, фон, 2024).

В данной работе, оказавшейся пророческой, фон Хоффмайстер предсказывает успех Дональда Трампа на президентских выборах, рассматривая его в духе философии Освальда Шпенглера — как «нового Цезаря», противостоящего волне упадка, захлестнувшей Запад. Немецкий мыслитель увязывает образ Трампа с ценностями классической американской культуры и с ее попыткой выжить под ударами левого либерализма и глобализма, сохранив самость. В этом он усматривает эзотерический характер самой фигуры американского политика и метафизический смысл президентских выборов 2024 года.

В новой книге «Многополярность!» (Hoffmeister, von, 2025), изданной в текущем году и написанной под влиянием традиции мысли «новых правых», фон Хоффмайстер подчеркивает необходимость сохранения священного, противопоставляемого бесчеловечным силам модерна. Центральное место в его видении занимают хайдеггеровское понятие Dasein и концепция археофутуризма, гармонизирующая мудрость прошлого с технологическим потенциалом будущего. Изоляционизм Д. Трампа и разрушение американской гегемонии рассматриваются Хоффмайстером как предвестники обновленного мирового порядка, приходящего на смену неолиберальному. Немецкий мыслитель утверждает, что это будущее будет основано на подлинном многообразии различных культур и сильных этнических идентичностей.

В целом в настоящее время Arktos занимает одну из лидирующих позиций в среде англоязычных «новых правых» медиа, и мы можем с радостью констатировать, что эта позиция подчеркнуто уважительна по отношению к современной России и ее вкладу в борьбу за лучшее, более здоровое будущее человечества⁵.

Кейс: Strategika (Франция)

Замечательным примером успешного «нового правого» медиа на французском языке является политологическая антиглобалистская платформа и think tank Strategika (Strategika.fr).

Созданная в 2020 году, платформа представляет собой одновременно аналитический центр, консалтинговую компанию, новостной портал, YouTube-канал, площадку для высказываний консервативных интеллектуалов-антиглобалистов и издательский бренд. Strategika специализируется на консультировании политиков и общественных деятелей по вопросам формирующегося многополярного мира, реконфигурации существующего баланса сил в сфере международных отношений, продвижении видения современных геостратегических проблем. Интеллектуалы, связанные с данной think tank, ориентированы на выработку общеевропейской стратегии, альтернативной деструктивному леволиберальному вектору. В своей деятельности Strategika руководствуется принципами независимости, суверенитета, автономии, реализма и свободы (Strategika.fr).

С центром Strategika сотрудничают такие известные французские авторы, как историк идеологий Юсеф Хинди, юрист Валери Бюго, урбанист Пьер Ле Виган. Руководителем данной think tank является политолог Пьер-Антуан Плакван, автор ряда работ, посвященных критике левого глобализма.

Книгу «Глобализм и депопуляция. Биополитика, вакцинация, трансгуманизм» (Plauevent, 2022) Плакван начинает с цитаты Н. П. Патрушева, который на тот момент был секретарем Совета безопасности Российской Федерации:

Запад же продолжает действовать в русле антигуманной доктрины «золотого миллиарда», предполагающей значительное сокращение населения планеты различными способами. Для этого Запад подло создал империю лжи, предполагающую унижение, уничтожение России и других неугодных государств (Plauevent, 2022: 14).

В данной работе французский политолог рассматривает подтвержденные официальной статистикой сведения об ущербе от вакцинации от COVID-19, которую он рассматривает в контексте различных планов и докладов левоглобалистских организаций. Апеллируя к многочисленным источникам, Плакван наводит читателя на мысль о том, что то, что еще пару лет назад могло казаться «конспирологией», стремительно находит эмпирические подтверждения. Три года спустя мы можем добавить, что информация, которую мейнстримные медиа отмечали как фальшивую, признана правдивой официальными лицами и о ней открыто сообщают крупнейшие СМИ: к примеру, о лабораторном происхождении вируса COVID-19, основываясь на сведениях ЦРУ США, сообщает *The Guardian*

(The Guardian, 2025), и то же британское СМИ подробно освещало ход открытых слушаний в Конгрессе США, инициированных Марджори Тейлор-Грин, в ходе которых рассматривались факты ущерба, нанесенного вакцинацией (The Guardian, 2024).

В работе «Открытое общество против Евразии. Геополитика глобализма» (Plauevent, 2023) французский политолог рассматривает деятельность таких организаций, как фонд «Открытое общество» Дж. Сороса, аналитический центр «Чатем-Хаус», американский Совет по международным отношениям, и отслеживает ключевые идеологические линии данных глобалистских структур, а также их воздействие на принятие важнейших политических решений в разных странах. Апеллируя к теоретическим моделям Карла Шмитта и Карла Хаусхофера, Плакван утверждает, что ключевым вопросом международных отношений становится вопрос о диалектике между «мировым государством» и национальными государствами. В книге он обосновывает позицию, согласно которой, чтобы не допустить очередной катастрофы, необходимо выходить на диалог государств, отбросив химеры глобализма и трансгуманизма.

Выражая подчеркнуто критическую позицию по отношению к современной Франции, бюрократии Евросоюза и глобалистским фондам, авторы Strategika (во главе с Плакваном) с симпатией относятся к современной России и ее борьбе против левоглобалистских сил. Это особенно выражено в подчеркнуто уважительном отношении к представлению о традиционных ценностях — учитывая, что в современной Франции вопрос о национальной идентичности стоит особенно остро (Šima, 2021).

Значение «нового правого поворота» для России в контексте защиты и продвижения традиционных ценностей

В предыдущих научных и экспертных публикациях нами неоднократно обосновывалась стратегическая целесообразность продуктивной коммуникации с «новыми правыми» интеллектуалами в части совместной разработки сценариев будущего глобального развития ввиду существенной схожести ценностных позиций между формально утвержденными российскими доктринами и комбинацией точек зрения, выработанных мыслителями правого направления в XX–XXI веках.

Так, в «Концепции глобального консерватизма...» нами было отмечено, что «современный внешне- и внутриполитический курс Российской Федерации не оставляет сомнений, что страна склоняется к “правому” спектру политического мировидения. Это может сделать “новых правых” интеллектуалов, политиков и активистов естественными ценностными союзниками России» (Моисеев и др., 2023: 122). Учитывая, что Россия является частью европейского цивилизационного и культурного пространства, подобная коммуникация исключительно желательна и, по нашему мнению, стратегически неизбежна.

Возглавив цивилизационно-геополитическое «восстание» против левого либерализма, наша страна снискала множество ценностных союзников и симпатизантов в зарубежных странах, убежденных в том, что

путь насаждения левого либерализма через насилие и цензуру является глубоко ошибочным и упадочным с точки зрения национальных интересов западных народов. Победа Дональда Трампа на выборах президента США стала первым значительным подтверждением усталости граждан западных государств от господства «прогрессивной повестки» (*DEI*)⁶. Представляется очевидным, что данный кейс — первый из многих, и в дальнейшем процесс возрождения правоконсервативной политики и повсеместного возвращения к идее «Европы наций» усилятся. Для России, учитывая многолетний успешный опыт подавления различных аспектов *DEI* (как законодательный, так и в части культурной политики), «новый правый поворот» — шанс на обретение невиданной до сих пор «мягкой силы» и стратегическое сближение с правоконсервативными силами, которые имеют шансы вскоре обрести политическую власть в своих странах. Учитывая то, что «новые медиа» сыграли исключительно важную роль в «новом правом повороте», их полезность как площадки для взаимодействия невозможно переоценить.

В. В. Путин в 2023 году отметил, что «тенденция в мире к многополярности — она неизбежна. Она будет только усиливаться. И те, кто этого не поймет и не будет следовать в этом тренде, будут проигрывать. Это факт абсолютно очевидный. Это так же очевидно, как подъем солнца» (Полякова, 2023). Сказанное побуждает вернуться к идее «северной цивилизации», в рамках которой «Россия может осуществить пересборку, Возрождение, казалось бы, погибших, активно стираемых из памяти воук-либерализмом и глобализмом ценностей и идеалов, моделей развития, политическое устройство» (Моисеев и др., 2024).

Этот процесс, в котором Россия указала миру созидательный путь, уже распространился на США — и в скором времени, возможно, охватит европейские государства.

Для нас это одновременно и вызов, и большой исторический шанс принять участие (вполне возможно — культурно возглавить) в новом этапе истории великих европейских (и постевропейских) народов, к которым мы, несомненно, относимся. С учетом подобной перспективы продуктивное взаимодействие с представителями «новых правых» медиа является стратегически значимой линией с позиции как восстановления созидательного и мирного культурного диалога, так и соучастия в определении контуров политической судьбы мира в XXI веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лозунг о необходимости укрепления южной границы (с Мексикой) впервые появился как один из основных в программе республиканского кандидата Патрика Бьюкенена в 1992 и 1996 годах. В ходе кампании 1992 года Бьюкенен даже предлагал «выкопать ров» на границе, чтобы остановить нелегальную иммиграцию (см.: Diamond, 1996).

² В 1965 году французский философ Жак Эллюль, рассуждая об упрощенности популярных СМИ, утверждал: «Пропаганда прекращает свое существование, когда начинается простейший диалог» (Priet, 2017: 56). Учитывая специфику информационного поля XXI века, современные нарративы обязаны выдерживать подобные «проверки» и представлять собой более глубоко проработанные информационные и идеологические линии.

³ В этой части западные исследователи подчеркивают «удивительное влияние Дугина на американскую политическую мысль», с которым связывают «возвращение России в качестве важного фактора американской политической жизни» (Franks, 2024: 248).

⁴ <https://arktos.com/about/>. В целом расширение традиционного представления о медиа было характерно для Arktos и в более ранние периоды — в частности, еще в 2013 году отмечалось, что «Arktos комбинирует традиционные интеллектуальные проявления “новых правых” посредством публикаций письменных работ (как в бумажном, так и в цифровом формате), но также формирует более широкую экосистему, направленную на стимулирование дальнейших дискуссий между собственными авторами и более широким “правым” сообществом» (Burden, 2013: 174). Ввиду этого Arktos называют «гибридным издательским домом», который присутствует как в цифровом, так и в физическом мире (Burden, 2013: 176).

⁵ Упомянутая нами совекторность в части линии защиты традиционных ценностей, прямо провозглашаемой как создателями Arktos, так и отечественными публичными политиками, замечена и нашими идеологическими оппонентами числа радикальных леволиберальных мыслителей (см., напр.: (Feffer, 2021)).

⁶ Это можно рассматривать также как возвращение Америки к классическим представлениям о свободе слова, которые за последние годы подверглись значительным атакам со стороны так называемой культуры отмены и культа политкорректности, что некоторыми исследователями рассматривалось как угроза самим принципам американской демократии; к примеру, см.: (Nossel, 2024).

ЛИТЕРАТУРА

Моисеев Д. С. (2024). Другая Европа: Томислав Сунич и воссоздание правой интеллектуальной традиции // Сунич Т. Против демократии и равенства. СПб.: Владимир Даль. С. 5–31.

Моисеев Д. С., Сизгачев М. И., Харин А. Н., Артемов С. П. (2023). Концепция глобального консерватизма: традиционные ценности как мост между Россией и Западом // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 5 (123). С. 108–123.

Моисеев Д. С., Скакун П. П., Сизгачев М. И., Артемов С. П. (2024). Президентские выборы в США в контексте цивилизационного интегрализма и формирования поствестфальского мира (2024) // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prezidentskie-vybory-v-ssha-v-kontekste-tsivilizatsionnogo-integralizma-i-formirovaniya-postvestfals/> (дата доступа: 08.02.2025).

Полякова В. Путин рассказал, что сопротивляющиеся многополярности проиграют (2023) // РБК. 20 апр. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/64413baa9a7947c76acf8f83> (дата доступа: 08.02.2025).

Сунич Т. (2024). Против демократии и равенства. СПб.: Владимир Даль.

Хоффмайстер К., фон (2024). Эзотерический трамппизм. СПб.: Владимир Даль. Arktos. URL: <https://arktos.com/> (дата доступа: 08.02.2025).

Blee K. M., Creasap K. A. (2010). Conservative and Right-Wing Movements // Annual Review of Sociology. Vol. 36. P. 269–286.

Burden E. (2013). The Violence of “Non-Violence”: A Socio-Technical Study of the Ethnocultural Politics and Strategies of New Right Identitarianism: PhD Thes. Southampton: Univ. of Southampton.

Coates S. (2025). Reform UK Tops Landmark Poll for First Time // SkyNews. URL: <https://news.sky.com/story/reform-uk-tops-landmark-poll-for-first-time-13302531> (дата доступа: 08.02.2025).

Davis B. (2017). Friends Who Host Benefits: Donald Trump and the Rise of the Art-Right // The Baffler. № 37. P. 142–150.

Diamond S. (1996). Right-Wing Politics and the Anti-Immigration Cause // Social Justice. Fall 1996. Vol. 23. № 3 (65): Immigration: A Civil Rights Issue for the Americas in the 21st Century. P. 154–168.

Feffer J. (2021). *Right across the World. The Global Networking of the Far-Right and the Left Response*. L.: Pluto Press.

Franks M. (2024). *Gnosticism, Virtual Revolution, and the Eschatology of Digital Utopianism*: PhD Thes. Washington: The Catholic Univ. of America.

Gianoncelli E. (2021). The Unification of the “New Right”? On Europe, Identity Politics and Reactionary Ideologies // *New Perspectives*. Vol. 29. № 4. P. 364–375.

Hoffmeister C., von (2024a). *Esoteric Trumpism*. L.: Arktos.

Hoffmeister C., von (2024b). *Trumpismo Esoterico*. Firenze: Passaggio al Bosco.

Hoffmeister C., von (2024c). *Trumpismo Esotérico*. Guardamar del Segura: Editorial EAS.

Hoffmeister C., von (2025). *Multipolarity! L.: Arktos*.

Marcy R., D’Erman V. (2019). The European “New Right” as Radical Social Innovation // *Journal for the Study of Radicalism*. Vol. 13. № 2. P. 65–90.

Nossel S. (2024). The Fate of American Democracy Depends on Free Speech // *Daedalus*. Summer 2024. Vol. 153. № 3: The Future of Free Speech. P. 119–134.

Panchenko D. (2024). *The Inevitable. The Shocking Truth behind the War in Ukraine*. L.: Arktos.

Plaquevent P.-A. (2022). *Globalisme et depopulation. Biopolitique, vaccination, transhumanisme*. Hallennes-lez-Haubourdin: TheBookEdition.

Plaquevent P.-A. (2023). *Société ouverte contre Eurasie. Géopolitique du globalisme*. Hallennes-lez-Haubourdin: TheBookEdition.

Prier J. (2017). Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare // *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 11. № 4. P. 50–85.

Schroeder R. (2018). *Social Theory after the Internet. Media, Technology, and Globalization*. L.: UCL Press.

Šima K. (2021). From Identity Politics to the Identitarian Movement the Europeanisation of Cultural Stereotypes? // *National Stereotyping, Identity Politics, European Crises*. Vol. 27. Leiden: Brill. P. 75–94.

Statista.com (2025). Voting Intentions for the German Parliament from October 1, 2021 to February 6, 2025 // Statista.com. URL: <https://www.statista.com/statistics/1257178/voting-intention-in-germany/> (дата доступа: 08.02.2025).

The Guardian: CIA Now Backs Lab Leak Theory to Explain Origins of Covid-19 (2025). URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/jan/26/cia-now-backs-lab-leak-theory-to-explain-origins-of-covid-19> (дата доступа: 08.02.2025).

The Guardian: Marjorie Taylor Greene Claims “Bullshit” as Expert Says Covid Vaccine Saved 14m Lives (2024). URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2024/feb/15/marjorie-taylor-greene-covid-vaccine> (дата доступа: 08.02.2025).

REFERENCES

Arktos Website (<https://arktos.com/>, accessed on 08.02.2025).

Blee K. M., Creasap K. A. (2010) “Conservative and Right-Wing Movements”, *Annual Review of Sociology*, vol. 36, pp. 269–286.

Burden E. (2013) *The Violence of “Non-Violence”: A Socio-Technical Study of the Ethnocultural Politics and Strategies of New Right Identitarianism* (PhD Thesis), Southampton: Univ. of Southampton.

CIA Now Backs Lab Leak Theory to Explain Origins of Covid-19 (2025) (<https://www.theguardian.com/society/2025/jan/26/cia-now-backs-lab-leak-theory-to-explain-origins-of-covid-19>, accessed on 08.02.2025).

Coates S. (2025) Reform UK Tops Landmark Poll for First Time, *SkyNews* (<https://news.sky.com/story/reform-uk-tops-landmark-poll-for-first-time-13302531>, accessed on 08.02.2025).

Davis B. (2017) “Friends Who Host Benefits: Donald Trump and the Rise of the Art-Right”, *The Baffler*, no. 37, pp. 142–150.

Diamond S. (1996) "Right-Wing Politics and the Anti-Immigration Cause", *Social Justice*, Fall 1996, vol. 23, no. 3 (65): Immigration: A Civil Rights Issue for the Americas in the 21st Century, pp. 154–168.

Feffer J. (2021) *Right across the World. The Global Networking of the Far-Right and the Left Response*, L.: Pluto Press.

Franks M. (2024) *Gnosticism, Virtual Revolution, and the Eschatology of Digital Utopianism* (PhD Thesis), Washington: The Catholic Univ. of America.

Gianoncelli E. (2021) "The Unification of the 'New Right'? On Europe, Identity Politics and Reactionary Ideologies", *New Perspectives*, vol. 29, no. 4, pp. 364–375.

Hoffmeister C., von (2024) *Esoteric Trumpism*, Saint-Petersburg: Vladimir Dahl.

Hoffmeister C., von (2024a) *Esoteric Trumpism*, L.: Arktos.

Hoffmeister C., von (2024b) *Trumpismo Esoterico*, Firenze: Passaggio al Bosco.

Hoffmeister C., von (2024c) *Trumpismo Esotérico*, Guardamar del Segura: Editorial EAS.

Hoffmeister C., von (2025) *Multipolarity!* L.: Arktos.

Marcy R., D'Erman V. (2019) "The European 'New Right' as Radical Social Innovation", *Journal for the Study of Radicalism*, vol. 13, no. 2, pp. 65–90.

Marjorie Taylor Greene Claims "Bullshit" as Expert Says Covid Vaccine Saved 14m Lives (2024) (<https://www.theguardian.com/us-news/2024/feb/15/marjorie-taylor-green-covid-vaccine>, accessed on 08.02.2025).

Moiseev D. S. (2024) "The Other Europe: Tomislav Sunic and the Re-Creation of the Right-Wing Intellectual Tradition", Sunic T. *Against Democracy and Equality*, Saint-Petersburg: Vladimir Dahl, pp. 5–31.

Moiseev D. S. et al. (2023) "The Concept of Global Conservatism: Traditional Values as a Bridge between Russia and the West", *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 5 (123), pp. 108–123.

Moiseev D. S. et al. (2024) "The US Presidential Election in the Context of Civilizational Integralism and the Formation of a Post-Westphalian World", *The Russian Council for International Affairs* (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prezidentskie-vybory-v-ssha-v-kontekste-tsivilizatsionnogo-integralizma-i-formirovaniya-postvestfals/>, accessed on 08.02.2025).

Nossel S. (2024) "The Fate of American Democracy Depends on Free Speech", *Daedalus*, Summer 2024, vol. 153, no. 3, The Future of Free Speech, pp. 119–134.

Panchenko D. (2024) *The Inevitable. The Shocking Truth behind the War in Ukraine*, L.: Arktos.

Plaquevent P.-A. (2022) *Globalisme et depopulation. Biopolitique, vaccination, transhumanisme*, Hallennes-lez-Haubourdin: TheBookEdition.

Plaquevent P.-A. (2023) *Société ouverte contre Eurasie. Géopolitique du globalisme*, Hallennes-lez-Haubourdin: TheBookEdition.

Polyakova V. (2023) "Putin Said that Those Who Resist Multipolarity Will Lose", *RBC*, Apr. 20 (<https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/64413baa9a7947c76acf8f83>, accessed on 08.02.2025).

Prier J. (2017) "Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare", *Strategic Studies Quarterly*, vol. 11, no. 4, pp. 50–85.

Schroeder R. (2018) *Social Theory after the Internet. Media, Technology, and Globalization*, L.: UCL Press.

Šima K. (2021) "From Identity Politics to the Identitarian Movement the Europeanisation of Cultural Stereotypes?", *National Stereotyping, Identity Politics, European Crises*, vol. 27, Leiden: Brill, pp. 75–94.

Sunic T. (2024) *Against Democracy and Equality*, Saint-Petersburg: Vladimir Dahl.

Voting Intentions for the German Parliament from October 1, 2021 to February 6, 2025 (2025) (<https://www.statista.com/statistics/1257178/voting-intention-in-germany/>, accessed on 08.02.2025).

The Role of Right-Wing Alternative Media in the Nordic Media Systems

Kirill Stukanov

Lund University (Sweden)

E-mail: ki4850st-s@student.lu.se

Аннотация. The growing popularity of right-wing political forces in recent years is accompanied by an increased public interest in alt-right media. In the Nordic media systems, the alt-right has been shaped by right-wing political populism and aims to criticize migration policies. Due to the fact that alternative media have historically been studied by scholars using leftist theories, the alt-right has been labeled as deviant and marginalized community. Using critical discourse analysis, the paper analyzes the self-presentation of alt-right media in Norway, Sweden and Denmark and then juxtaposes these projects with mainstream media through a political economy framework. The result shows that the alt-right group is diverse, while modern Nordic media systems are increasingly composed of polarized and radicalized media. This trend indicates that alt-right projects may soon become a threat to the democratic regimes of welfare states.

Ключевые слова: right-wing alternative media, Nordic media systems, critical discourse analysis, political economy, anti-system media, polarization, radicalization.

Для цитирования: Stukanov K. (2025) "The Role of Right-Wing Alternative Media in the Nordic Media Systems", *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 48–63.

doi: 10.17323/patria.2025.27620

Роль правых альтернативных медиа в скандинавских медиасистемах

Кирилл Стуканов

Лундский университет (Швеция)

E-mail: ki4850st-s@student.lu.se

Abstract. Растущая популярность правых политических сил в последние годы сопровождается повышенным интересом общественности к альт-правым медиа. В скандинавских медиасистемах альт-правые сформировались под влиянием правого политического популизма и направлены на критику миграционной политики. В связи с тем, что альтернативные медиа исторически изучались учеными с помощью левых теорий, альт-правые были причислены к девиантным и маргинальным сообществам. С использованием критического дискурса-анализа в статье анализируется самопрезентация альт-правых медиа в Норвегии, Швеции и Дании, а затем эти проекты сопоставляются с мейнстримными медиа с помощью политэкономического подхода. Результат исследования показывает, что группа альт-правых разнообразна, в то время как современные скандинавские медиасистемы все больше состоят из поляризованных и радикализованных медиа. Эта тенденция указывает на то, что альт-правые проекты могут вскоре стать угрозой для демократических режимов государств всеобщего благосостояния.

Keywords: правые альтернативные медиа, скандинавские медиасистемы, критический дискурс-анализ, политическая экономия, антисистемные медиа, поляризация.

For citation: Стуканов К. (2025). Роль правых альтернативных медиа в скандинавских медиасистемах // *Patria*. Т. 2. № 3. С. 48–63.

doi: 10.17323/patria.2025.27620

Introduction

On June 22, 2011, Norwegian neo-Nazi Anders Breivik carried out two major terrorist attacks — in Oslo and on the island of Utøya, killing 77 people. Breivik fought against the multiculturalism imposed by the state authorities and the destruction of the identity of the Norwegian nation. As it turned out, the terrorist had long been an active member of the Document forum, a far-right Norwegian alternative media.

The last decade has been marked by the growing popularity of right-wing political forces. In 2014, the anti-Islamist PEGIDA movement was born in Dresden, Germany; the right-wing populist *Sweden Democrats* came in 2nd place in the 2022 parliamentary elections; the nationalist *Brothers of Italy* won the most recent Italian elections and its leader Giorgia Meloni became the country's Prime Minister. These political changes have finally brought previously overlooked right-wing alternative media to the scholarly attention.

The first studies of alternative media emerged in the 20th century and were associated with leftist theories. Oscar Negt and Alexander Kluge (1972) put forward the idea of counter-publicity against the bourgeois public sphere. Nancy Fraser (1990) introduces the notion of subaltern counterpublics. In addition, alternative media are often associated not only with Habermas's public sphere (Habermas, 1989) but also with the cultural hegemony of the Italian neo-Marxist Antonio Gramsci (1992). In the 1990s, another approach to alternative media and their differences from mainstream media was developed by American scholar Noam Chomsky (1997).

A significant contribution to the study was made by British scholar Chris Atton (2002), who attempted to conceptualize alternative media. A wide range of scholars have followed Atton in developing ideas about the democratic potential of alternative media (Atkinson, 2008; Bailey et al., 2008; Fuchs, 2010; Lievrouw, 2011). However, in the second decade of the 21st century, due to the growing popularity of right-wing political forces and movements, scholars began to consider right-wing alternative media and their threatening function for democratic communities (Figenschou & Ihlebæk, 2019; Heft et al., 2020; Padovani, 2016). The misinforming properties of alternative media and their influence as news providers have also been increasingly studied (Bakir & McStay, 2018; Leung & Lee, 2014).

The academic community is still examining the role of right-wing alternative media in different media systems. Over time, it has become clear that studying alternative media as a phenomenon involves taking into account many aspects: media audiences, economic structures, relations with the authorities and mainstream media. Moreover, modern alternative media differ from each other depending on the media system in which they are located (Mancini, 2013). As Kristoffer Holt points out, "alternative media in totalitarian or authoritarian states are probably very different compared to alternative media in democratic liberal states" (Holt, 2019: 78). In this paper I will mainly study the Nordic welfare states and thus focus on the following research questions: 1) *How right-wing alternative media in Norway, Sweden*

and Denmark are self-represented? 2) Where do they stand in the Nordic media systems in relation to mainstream media?

The Nordic Media Systems

According to the annual World Press Freedom Index Report (Reporters without Borders, 2024) the freest journalism exists in Scandinavia: 1st place — Norway; 2nd place — Denmark; 3rd place — Sweden. Daniel Hallin and Paolo Mancini (2004) categorize Scandinavian media as belonging to the Nordic group, or the Democratic Corporate Model. This group is characterized by social unity and commitment to the idea of the “common good”. In addition, freedom and openness of information is an essential feature, and the state should facilitate this. There is a high level of press development and mass circulation, a high level of professionalization of journalists, a high level of pluralism of opinion in the press, and a low pressure from the state. Despite the normative nature of Hallin and Mancini’s work, today their text is criticized by a number of scholars (Coudry, 2007; Hardy, 2012). It remains important that scholars limit their analysis to traditional media while neglecting new media. However, this gap has been filled by Trine Syvertsen, Gunn Enli, Ole Mjøs, and Hallvard Moe (2014), who argue that Scandinavian region can be clustered not only on the basis of economic and social aspects, but also in the field of media. They argue for a model of a media welfare state. This model rests on four pillars: 1) the organization of communication services as a public good, with extensive cross-subsidization and commitments to universality; 2) the institutionalization of media freedom from editorial and other interference; 3) media commitments to disseminate cultural policies that maintain diversity and quality; and 4) consensus decisions between the state, the media communications industry and the public in policy-making.

For a long time, the media in the Nordic countries were egalitarian and the region’s population was mostly culturally homogeneous. However, this has changed in recent decades, when the media became fragmented due to the new Internet economy. Moreover, the loyal migration policies of the Nordic countries led to ethnic and cultural diversity. The media were open to all points of view and the authorities did not interfere by subsidizing them. Critics of migration policy and multiculturalism, ranging from moderate to extremist positions, took advantage of this permissiveness, which in turn led to political and religious scandals, such as the scandal over the cartoons of the Prophet Muhammad published in the Danish newspaper *Jyllands-Posten* in 2005. According to Des Freedman (2008), states are usually criticized for overreacting to extremism and terrorism. In the case of the Nordic countries, the opposite effect has worked, namely the lack of attention to the problem. Thus, the high degree of freedom in the Scandinavian media system has led to media polarization. The alt-right has emerged and spread in media systems, changing accepted norms and challenging the idealistic notion of freedom of speech.

The close relationship between alt-right media and political populism in the Scandinavian context must also be considered. The Nordic countries

have a form of new populism characterized by a protest against bureaucracy and elite corruption (Herkman & Jungar, 2021). This form of populism is accompanied by anti-migration policies, criticism of the EU as a project aimed at destroying national sovereignty, and, in extreme cases, radical right-wing ideas bordering on xenophobia and racism. Since the second half of the 20th century, populist political parties have emerged in the Nordic region: the Danish Progress Party [FrP], the Danish People's Party [DF], the Norwegian Progress Party [FrP], the Swedish New Democracy Party [NyD], the Sweden Democrats [SD], the Finns Party [PS]. It is worth noting that Scandinavian populist parties try to stick together by forming institutional coalitions. This helps them win over the electorate and promote common ideas at the interstate level. For example, SD and DF as well as PS are members of the Nordic Freedom group of the Nordic Council.

The agenda of right-wing populist parties in most cases contradicts the values of mainstream media. Moreover, right-wing populists often base their political program on accusing mainstream media of excluding critical opinion and silencing migration issues. In this regard, populist political forces benefit from cooperation with alt-right media: the former receive channels for communication with the electorate, while the latter receive financial and ideological support. Future research should more clearly trace the connection between populist politicians and the alt-right media in the Nordic region, but already now several scholars argue that such a connection exists: "If massively negative media coverage in the mainstream channels has not hampered the increasing support for SD, it may be because there are other voices available which play an important and perhaps underestimated role in public discourse" (Holt, 2019: 30–31).

In addition, mainstream media stigmatise alternative colleagues as extremists seeking to undermine the foundations of democracy, although in fact the alt-right may not promote radical ideas but publish critical and politically correct materials. To avoid falling into the trap of generalization, it is necessary to divide right-wing alternative media into subgroups. Holt (2018) identifies four types of alternative media: 1) anti-system alternative media that position themselves as direct opponents of mainstream media and yet influence the transformation of the media system; 2) irrelevant alternative media that are ignored by mainstream media and cannot influence changes in the media system; 3) polarizing alternative media that do not seek to change the entire system but call for point changes in it; 4) not anti-system media that have little significance in the general context. This typology of right-wing alternative media shows their complexity and heterogeneity. The empirical part of this paper focuses primarily on anti-system and polarizing alternative media, as they have the greatest impact on the transformation of media systems and compete with mainstream media for audience attention. In addition, the typology breaks down the perception of alt-right media as exclusively radical and marginal projects on the periphery.

Methods and Empirical Base

According to the Digital News Report's weekly reach index (Newman et al., 2019, 2022, 2024), I select the following alternative media from each country: the Norwegian Document.no, and Human Rights Service, the Swedish *Nyheter Idag* and *Samhällsnytt* and the Danish *Den Korte Avis* and 24NYT. The study was conducted between 2022 and 2023 and supplemented with the latest data for 2024.

This paper uses mixed research methods: a combination of critical discourse analysis (CDA) and political economy. CDA is the auxiliary qualitative method and the political economy framework is the main method. Since "alternativeness" is a discursive category, I examine how Scandinavian right-wing alternative media present themselves (Holt et al., 2019). I subject the official websites (the "About Us" section) of the selected media to CDA (Fairclough, 1995). In textually-oriented discourse analysis (TODA), Norman Fairclough proposes a three-stage model: 1) Text Analysis; 2) Discursive Practice Analysis; 3) Social Practice Analysis. This model makes it possible to assess and characterize the features of alt-right media self-presentation by identifying the main discourses.

In addition, I apply a self-developed political economy framework to compare alternative and mainstream media. I believe that the development of such a framework should be in the domain of political economy, as the key aspects of alternative media are fundamentally different models of management and financing, which allows them to be alternative.

Christian Fuchs stresses that "neglecting the profit imperative makes alternative media politically independent and potentially more critical, but at the same time more prone to censorship exerted by market forces and the lack of resources that result in precarity" (2014: 220). The sacrifice of economic well-being in favor of political independence becomes an essential aspect. For alternative media, which are controlled by owners and cannot be considered impartial and unbiased, political independence does not exist. However, it is important to clarify who owns such projects and the extent of their influence on the production process.

The alternative media presented in my paper are mostly not purposefully commercial (*Den Korte Avis* is an exception). As a rule, created by volunteers or journalists who have not found themselves in mainstream media, such projects pursue ideological goals and have political content. For example, the Swedish media *Nyheter Idag*, disguised as populist and presenting itself as "a media built on a libertarian basis" allows itself to use racist and other radical rhetoric. Another example is the Norwegian far-right media *Document*, which uses its content to incite hatred of migrants and Islam. However, alternative media still need to be integrated into the capitalist system. This problem is solved with the help of: 1) state subsidies or grants; 2) advertising; 3) donations and/or paid subscriptions. Therefore, I include in the theoretical framework a criterion about the sources of funding, extending the Herman — Chomsky's filter on advertising (1988).

Besides, Fuchs states that alternative media are characterized by critical form and content, are a type of citizen journalism, have no hierarchical organization, and are distinguished by alternative ways of distributing content (2014: 230). Indeed, the point about the distribution of content is an important one, which is also related to the limited production resources of Scandinavian alternative media. It is even more interesting to find out how alternative and mainstream projects distribute their material.

The growing popularity of the alt-right media cannot be ignored. This is why it is important to talk about the level of audience trust in alternative projects compared to mainstream media. To find out how much people trust Scandinavian alt-right projects, I turn again to the Digital News Report (Newman et al., 2022; 2024).

Finally, based on the “media depoliticisation” concept (McChesney, 2015), I would like to add a last criterion to the analysis: the level of audience activity. With disproportionate audience reach and commercial goals, it is meaningless to compare mainstream media with alternative media in terms of audience size. However, it is possible to see where audiences are not only consumers of content but also its voluntary producers, where audiences are willing to suggest and act.

All in all, I include the following criteria into political economy analysis: 1) ownership; 2) financial sources; 3) audience trust level; 4) audience activity level; 5) forms of content distribution. This framework allows me to determine the role of right-wing alternative media in each country and conclude what threats they may pose to democratic systems of welfare states.

Features of Self-Presentation of the Right-Wing Alternative Media

This subsection presents the results of the critical discourse analysis required to identify the specific features of right-wing alternative media self-presentation in each of the three countries. As Tab. 1 shows, self-presentation differs from country to country and from media to media. Some use counter-hegemonic discourse and present themselves as ideological enemies of the authorities and the mainstream media. Others utilize populist rhetoric.

Table 1. The self-presentation of the Nordic right-wing alternative media after Norman Fairclough’s CDA

	The peculiarity of self-representation
Document	Counter-hegemonic, alternative political discourse (nationalism, anti-migration, Islamophobia), environmental discourse, philosophical and historical discourses as parts of conservative discourse.
HRS	Democratic and scientific discourses as parts of right-wing populism.
Nyheter Idag	Political, legal and business discourses working on relativity and creating an image of “independence”.
Samsnytt	Opposition to the mainstream as part of right-wing populism.

	The peculiarity of self-representation
Den Korte Avis	Marketing discourse as a way to sell content.
24NYT	Hatred based on ideology (conservative, anti-migration, Islamophobic, nationalistic discourses) as a way to stand out.

Norway

Norway is one of the most welfare country in the world. Nevertheless, Norwegian society today faces a number of both internal and external challenges. These challenges create the context in which the discourses used in alternative media are constructed. For example, *Document* mentions environmental discourse. According to the Environmental Performance Index (Wolf et al., 2022), Norway is ranked 20th, the worst among the Nordic countries. Norway’s environmental performance is still very high compared to other European and non-European regions, but oil and natural gas extraction leaves its footprints. Norway is following renewable energy, green technology and sustainable use of resources. The topic of ecology is topical among the population and often appears in the media. *Document* does not miss an opportunity to parasitize on this issue and often blames the Norwegian authorities for their insufficient and indecisive actions in this regard. The next important discourse is related to the question of migration. The high level of migration to Norway is linked to low unemployment and labor demand (Pettersen & Østby, 2013). However, liberal migration policy raises questions among the population and was also the cause of the 2011 attacks. Debates about stricter requirements for migrants are ongoing at the institutional level, but so far have come to nothing. In addition, the issue of anti-migration policy was one of the main ideas of the political campaign of the Norwegian Progress Party [FrP], which was in the Norwegian parliament for a long time, but in recent years was forced to leave it and became an opposition force. There is no evidence that any of the FrP members cooperated with *Document* or *HRS*, but, in any case, the existing anti-migration discourse is supported simultaneously by politicians and the media. While *HRS* was long been subsidized by the coalition government and Oslo municipality, and was originally set up as a foundation, *Document* was free from economic dependence on the authorities and could afford more radical rhetoric. The consequence has been a nationalist and Islamophobic discourse, which, however, in recent years must also be articulated within Norwegian law, as the editor, Hans Rustad, has become a member of the Association of Norwegian Editors. “This means that Document.no must abide by the ethical guidelines that the professional news media institutions are held accountable to by self-regulation” (Nygaard, 2019: 1154). The historical and philosophical discourses of *Document* bear an ideological character. *Document* can be categorised as an anti-system right-wing alternative media. In contrast, the scientific discourse of *HRS* affects the reputation of the project, but also shades its ideological component. Media has relational potential, but not ideological, and belongs to the polarizing alternative media (Holt, 2018).

Sweden

The example of Sweden shows that the media struggle to gain the trust of the audience. Sweden ranks last among the Nordic countries in terms of audience trust (Newman et al., 2024). This has been influenced by liberal migration policies as well as a decrease in the public's trust in the government during COVID-19 (Nielsen & Lindvall, 2021). Overall, the level of trust in government in Scandinavia is high compared to other countries, but the small change in sentiment contributed to a major public debate. The decline in trust in government has in turn led to a slight decline in trust in the mainstream media (Ricknell, 2024). For this reason, alternative media stress in the description that they are not affiliated with any ruling parties. *Nyheter Idag* uses political and business discourse to emphasize that they are distanced from parties and any institutional affiliations. The legal discourse, on the other hand, of the same, shows that the media are not marginalized and work within the framework of journalistic ethics and Swedish law. In turn, *Samsnytt* also stresses the relational aspect with phrases such as “we specialise in the areas where the established media shows omissions”. Both media have long concealed their ties to the SD party despite investigations by their opponents. However, in 2020, Kent Ekeröth claimed that SD and *Samsnytt* were cooperating, but this could be interpreted as a populist move as SD started to gain huge public support around that time. In both cases, there is no description of the media's ideology on their websites. Thus, *Nyheter Idag* and *Samsnytt* can be categorized as polarizing alternative media and those that use right-wing populist rhetoric.

Denmark

The case of Denmark is unique. The Danish public sphere is tolerant of right-wing radical views and values an open debate culture. The high degree of freedom of speech has been criticized by right-wing political actors. Right-wing populist parties, such as the Danish People's Party [DF], have achieved institutional success: the government has adopted a stricter policy on migration and integration. In addition, the immigration discourse entered the media space in the form of a news agenda. Consequently, the alt-right had to come up with new strategies to construct a discourse different from mainstream media. My example shows that *Den Korte Avis* chooses the path of marketing, while *24NYT* uses the strategy of eccentricity. Looking at how political discourse is reproduced in other alternative media, it appears that they:

Clearly seek to position themselves as journalistic “outsiders” — despite or maybe even because of the fact that their editors have considerable experience in legacy journalism. By shunning membership of key journalistic organizations and public subsidies, relying primarily on donations from a small but dedicated group of followers instead, they clearly refrain from a strategy of normalization (Mayerhöffer, 2021: 131).

Den Korte Avis leaves ideology aside and focuses on marketing strategies, realizing that this is the only chance to become a successful project in the Danish media system. In contrast, *24NYT* focuses exclusively on political

discourse, promoting an Islamophobic, nationalist, and conservative agenda and using hate speech. It is difficult to say which strategy is more effective. As Ihlebæk and Nygaard (2021) point out, right-wing alternative media in Denmark are less popular than their Swedish and Norwegian counterparts. One last thing to note in this regard is that *Den Korte Avis* belongs to the polarizing alt-right, and *24NYT* to the anti-system media. However, the radical language of *24NYT* could be the reason for moving this media into the “deviant” sector of the irrelevant alt-right.

Comparing Mainstream and Alternative Media: Similarities and Differences

The empirical material for comparative analysis is the right-wing alternative media from the previous chapter: *Document*, *Human Rights Service* (Norway); *Nyheter Idag*, *Samsnytt* (Sweden); *Den Korte Avis*, *24NYT* (Denmark), as well as the most popular mainstream media, according to the Digital News Report (Newman et al., 2024): *VG Nett*, *NRK Nyheter* (Norway); *Aftonbladet*, *SVT Nyheter* (Sweden); *DR Nyheder*, *TV 2 Nyheder* (Denmark).

Norway

Norwegian alternative media are privately owned. In the case of *Document*, it is the private stock company Document.no AS and in the case of *HRS* it is the non-profit foundation Human Rights Service. In contrast, *NRK Nyheter* is owned by the Norwegian government and *VG Nett* is owned by the Schibsted media group. The difference in ownership affects the economic models of the projects as well as the distribution of content. At the same time, private ownership allows alternative media to be ideologically independent from the state. *NRK Nyheter* is the largest media outlet in the Norwegian market, financed by the state through mandatory state taxation. *NRK* is essentially a public broadcaster operating in TV, radio and online formats. As the largest media outlet in the Norwegian market and distributed in various media formats, *NRK* is trusted by 80% of the audience. *VG Nett* is part of the international media holding Schibsted Media Group, which owns the Norwegian tabloids *Aftenposten*, *Stavanger Aftenblad* as well as the Swedish media *Aftonbladet* and *Svenska Dagbladet*. This imposes some corporate obligations on *VG Nett*, but helps to distribute content in print, online and on TV. Belonging to the media holding helps *VG Nett* to find advertising sponsors. *VG Nett* also uses a system of paid subscriptions. *VG Nett*'s audience trust rate is 67%. In contrast, *Document* and *HRS* have limited distribution and economic opportunities. Both alternative media operate only on the website and social media and economically exist on an unstable basis: user donations, merchandise sales, advertisement, paid subscriptions (*Document*), user donations (*HRS*). Until recently, *HRS* received government subsidies, but due to a controversial agenda, this financial source has been terminated. Audience trust in *Document* is 35% and in *HRS* less than 27%, which is significantly lower than their mainstream competitors. However, the advantage of alternative media is that their audiences are more active and engaged. *Document* and *HRS* exist largely because of their subscribers,

and their editors are not only professionals. In the case of *Document*, the audience has an opportunity to discuss news on forums and in social media. Sometimes online discussions can lead to street actions, as was the case with Breivik. It can be assumed that anti-system alternative media pose a threat to the democratic foundations of society. This is why the level of activity of the *Document* audience is high. At the same time, the level of audience activity in the mainstream media is lower due to the high professionalization of journalists and the distance of traditional media, such as TV or radio, from the consumer. Some mainstream media have comment sections, while others do not (e.g., *NRK Nyheter*). More often, to participate in the discussion and leave a comment, you must be an authorised user who has gone through several stages of verification and the post-moderation process. There is no direct correlation between audience size and activity in mainstream media.

Table 2. Comparison of Norwegian mainstream and alternative media

	VG Nett	NRK Nyheter	Document	HRS
Ownership	Schibsted Media Group	Government of Norway	Document.no AS (Private)	Non-profit foundation HRS
Financial sources	Advertisement, paid subscriptions	State funding through individual tax everybody in Norway have to pay	Advertisement and user donations, paid subscriptions, merchandise sales	User donations
Audience trust level	67	80	35	< 27
Audience activity level, %	Low	Low	High	Medium
Content distribution	Daily newspaper (tabloid), online media, TV	Radio, TV, online media	Website, social media	Website, social media

Sweden

The Swedish mainstream media *Aftonbladet* and *SVT Nyheter*, just as in the Norwegian case, are owned by the media conglomerate and the government respectively. *SVT* is owned by Foundation Management for SR, SVT and UR, consisting of politicians from the various parties represented in parliament. This means that *SVT* is a public broadcaster, maintained with taxpayers' money and provides news and entertainment content through

both traditional media (TV) and new media (website, social media). At the same time, the level of audience trust is consistently high: 77%. In turn, *Aftonbladet* is 91% owned by Schibsted Media Group and another 9% by The Swedish Trade Union Confederation (LO). Interestingly, LO has the right to appoint the media’s political editor-in-chief. Currently, *Aftonbladet* adheres to the ideology of social democracy and supports the Swedish Social Democratic Party [S/SAP], the most popular party in the country. Unlike *SVT Nyheter*, *Aftonbladet* is published as a daily newspaper (tabloid) and online (website, social media). The trust level of the audience is 52%, which is quite low for a Scandinavian mainstream media. In comparison, such alternative media as *Nyheter Idag* and *Samsnytt* have an audience trust level of 40% and 36% respectively. As mentioned earlier, these high results are because the alternative media adhere to right-wing populist rhetoric and are not directly related to the ruling parties (as in the case of *Aftonbladet*). Both alternative media remain privately owned and exist through advertisements, paid subscriptions and user donations. Although *Aftonbladet’s* economic sources are similar, it is tied to Schibsted’s corporate rules. *Nyheter Idag* and *Samsnytt* are only distributed online as they do not have the economic and operational capacity for broadcast or print formats. Finally, alternative media have a more active audience and incur less reputational damage by encouraging open discussions on social media about the most sensitive topics.

Table 3. Comparison of Swedish mainstream and alternative media

	Aftonbladet	SVT Nyheter	Nyheter Idag	Samsnytt
Ownership	Schibsted Media Group (91%), LO (9%)	Government of Sweden	Publicism NITEK AB (Private)	Föreningen för sverigevänliga intressen (Private)
Financial sources	Advertisement, paid subscriptions	State funding through individual tax on personal income	Advertisement and paid subscriptions	Advertisement, user donations, paid subscriptions
Audience trust level, %	52	77	40	36
Audience activity level	Low	Low	Medium	Medium
Content distribution	Daily newspaper (tabloid), website, social media	TV, online news, social media	Website, social media	Website, social media

Denmark

The difference between Danish alternative media and their Swedish and Norwegian counterparts is that their role in the media system is insignificant. In Denmark, the mainstream media *DR Nyheder* and *TV 2 Nyheder*, which are owned and financed mostly by the state, are able to distribute content in all formats: TV, radio, and online. The level of audience trust in such projects is much higher than in alternative media. This is due to the tolerance of the Danish public sphere to different ideological positions, even the most radical ones, as well as the public's trust in the government and national institutions (Nielsen & Lindvall, 2021). However, audience activity is still low for mainstream media. In turn, *Den Korte Avis* and *24NYT* are privately owned. Their economic sources are advertising, paid subscriptions, sponsored content and user donations. When *Den Korte Avis* underwent an advertising boycott in 2016, it was a tragedy for the media, which was on the verge of closure. The media distribute content only on the website and in social media. The level of audience activity can be considered average, as the media exist at the expense of subscribers. In addition, the level of censorship and comment moderation in social media is low, which allows the audience of alternative media to openly express their opinions, argue and discuss.

Comparing the Nordic countries, it can be seen that on a political-economic level the media systems have similar tendencies. Nevertheless, each media system has its own specifics. In Sweden, there is competition for audience trust between mainstream and alternative media. In Norway, *Document* is an ideological threat to the system because of its highly engaged audience. In Denmark, alternative projects cannot compete with mainstream media due to the significant hegemony of the latter.

Table 4. Comparison of Danish mainstream and alternative media

	DR Nyheder	TV 2 Nyheder	Den Korte Avis	24NYT
Ownership	Public-service broadcaster	Danish Ministry of Culture	Private	Private
Financial sources	State funding	State funding, paid subscriptions	Advertisement, paid subscriptions, sponsored content	Advertisement, user donations, sponsored content
Audience trust level, %	84	81	< 35	< 35
Audience activity level	Low	Low	Medium	Medium
Content distribution	TV, radio, online media	TV, online media	Website, social media	Website, social media

Conclusion

The role of right-wing alternative media in contemporary Scandinavian media systems is larger than one might assume. The traditional understanding of alternative media in academia is directly linked to left-wing theories such as Jürgen Habermas's public sphere and Antonio Gramsci's cultural hegemony. The first studies focused on the democratic function and emancipatory potential of alternative media. However, a series of social, cultural and political events in the 21st century led to a turn in the scholarly field when right-wing alternative media came under scrutiny. At first, they were hastily labeled as "deviant" and "marginal" projects, but later it became clear that right-wing alternative media is a heterogeneous group with positions ranging from radical and extremist to moderate, conservative and populist.

The growth of right-wing alternative media in the Nordic countries can be explained by several factors: the popularity of right-wing political parties, the relevance of the anti-migration agenda and the high level of media freedom from state control and interference. However, despite the similarity of the alt-right projects, each of them has its own specificity due to the configuration of the public sphere and media system.

The Danish public sphere is inherently tolerant of radical positions. Consequently, the potential for creating a counter-public, alternative sphere is not so high. The Danish alt-right must offer exceptional solutions in order to become visible in the media system. *Den Korte Avis* follows a commercial path, while *24NYT* uses eccentric and aggressive political rhetoric. In Sweden, the right-wing alternative media perform more impressively. The Swedish alt-right choose the path of right-wing populist rhetoric, which helps them to integrate into the media system and gain more public support. The fact that public support for left-wing parties and mainstream media has decreased against the background of the migration crisis and COVID-19 also played an important role. In recent years, the right-wing populist SD party has been drawing attention to the migration issue and unofficially in the case of *Nyheter Idag* and officially in the case of *Samsnytt* has been helping alternative media. The alt-right media do not cooperate with other parties, whose public trust is declining. Norway is contextually in the middle, in the sense that the issue of migration is relevant, but not as much as in Sweden, and the public sphere is stricter than in Denmark. The Norwegian right-wing alternative media show different tendencies against this background. In the case of *HRS*, it is a populist and moderate position, balancing on the edge of legitimacy (Figenschou & Ihlebæk, 2019). In the case of *Document*, it is a radicalization of the agenda, providing ideological resistance to the established media.

In Denmark alt-right projects are journalistic "outsiders" because they do not enjoy much trust and demand from the audience. Private ownership and funding from either advertisers or the audience further complicate the position of Danish alt-right media in the media system, forcing them to survive and be minor actors. Although the form of ownership and economic sources are almost identical to the Danish media, the Swedish alt-right

media are in a better position. They can compete with mainstream media due to their high level of audience trust. The Swedish projects belong to the polarizing alternative media, which means that they are able to bring point changes to the media system by adjusting some established journalistic practices. Although Norwegian alt-right media do not differ from the projects of neighbouring countries in terms of ownership, sources of funding or distribution, the key factor is the high audience activity level. A prime example is *Document*, which can not only compete with mainstream media, but also pose a destructive ideological threat to the media system.

In conclusion, not all alternative media can pose a threat to the democratic foundations of society, but only anti-system media. However, in order to become really threatening, the media must have a high level of trust and activity of the audience. A common trend in the Nordic media systems is the polarization and radicalization of the media. I see this radicalization as a negative consequence that may lead to the growth of anti-system alternative media, which will gain support both from the audience and from right-wing political forces. Future research should examine this polarization and radicalization of alternative media in more detail. In addition, this paper has shown that the boundaries between mainstream and alternative are increasingly blurred. This means that the categories of alternative and mainstream media should not be opposed, but rather considered in a dialectical way. One of the most important tasks for future research is to determine whether alternative media are already part of the mainstream. Finally, my research sheds light on Scandinavian media systems, but it is significant to study the role of right-wing alternative media in other regions. The new political economy framework I have applied, comparing mainstream and alternative media, can contribute to this. The challenge of right-wing alternative media is universal, but it manifests itself differently in each particular media system.

REFERENCES

- 24NYT. *Om 24NYT* (<https://denkorteavis.dk/om-os/>, accessed on 10.01.2025).
Aftonbladet (<https://www.aftonbladet.se/>, accessed on 10.01.2025).
 Atkinson J. (2008) "Towards a Model of Interactivity in Alternative Media: A Multilevel Analysis of Audiences and Producers in a New Social Movement Network", *Mass Communication and Society*, vol. 11, no. 3, pp. 227–247.
 Atton C. (2002) *Alternative Media*, L.: Sage.
 Bailey O., Cammaerts B., Carpentier N. (2008) *Understanding Alternative Media*, Berkshire: McGraw-Hill Education (UK).
 Bakir V., McStay A. (2018) "Fake News and the Economy of Emotions", *Digital Journalism*, vol. 6, no. 2, pp. 154–175.
 Chomsky N. (1997) "What Makes Mainstream Media Mainstream", *Z magazine*, vol. 10, no. 10, pp. 17–23.
 Couldry N. (2007) "Comparative Media Research as If We Really Meant It", *Global Media and Communication*, vol. 3, no. 3, pp. 247–271.
Den Korte Avis. Om os (<https://denkorteavis.dk/om-os/>, accessed on 10.01.2025).
Document. Om oss (<https://www.document.no/om-oss/>, accessed on 10.01.2025).
DR Nyheder (<https://www.dr.dk/nyheder>, accessed on 10.01.2025).

- Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis*, L.: Longman.
- Figenschou T., Ihlebæk K. (2019) "Challenging Journalistic Authority", *Journalism Studies*, vol. 20, no. 9, pp. 1221–1237.
- Fraser N. (1990) "Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy", *Social Text*, vol. 25/26, pp. 56–80.
- Freedman D. (2008) *The Politics of Media Policy*, Cambridge: Polity Press.
- Fuchs C. (2010) "Alternative Media as Critical Media", *European Journal of Social Theory*, vol. 13, no. 2, pp. 173–192.
- Fuchs C. (2014) *Social Media: A Critical Introduction*, SAGE.
- Gramsci A. (1992) *Prison Notebooks*, vol. 2, N. Y.: Columbia Univ. Press.
- Habermas J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Studies in Contemporary German Social Thought*, Cambridge: MIT Press.
- Hallin D., Mancini P. (2004) *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*, Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hardy J. (2012) "Comparing Media Systems", *The Handbook of Comparative Communication Research* (ed. by F. Esser, T. Hanitzsch), N. Y.; L.: Routledge, pp. 185–206.
- Heft A. et al. (2020) "Beyond Breitbart: Comparing Right-Wing Digital News Infrastructures in Six Western Democracies", *Policy and Internet*, vol. 12, no. 1, pp. 20–45.
- Herkman J., Jungar A.-C. (2021) "Populism and Media and Communication Studies in the Nordic Countries", *Power, Communication, and Politics in the Nordic Countries* (ed. by E. Skogerbø, Ø. Ihlen, N. Nørgaard Kristensen, L. Nord), Gothenburg: Nordicom, pp. 241–261.
- Herman E., Chomsky N. (1988) *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*, Pantheon Books.
- Holt K. (2018) "Alternative Media and the Notion of Anti-Systemness: Towards an Analytical Framework", *Media and Communication*, vol. 6, no. 4, pp. 49–57.
- Holt K. (2019) *Right-Wing Alternative Media*, N. Y.: Routledge.
- Holt K., Figenschou T., Frischlich L. (2019) "Key Dimensions of Alternative News Media", *Digital Journalism*, vol. 7, no. 7, pp. 860–869.
- HRS. Om HRS (<https://www.rights.no/om-hrs/>, accessed on 10.01.2025).
- Ihlebak K., Nygaard S. (2021) "Right-Wing Alternative Media in the Scandinavian Political Communication Landscape", *Power, Communication, and Politics in the Nordic Countries* (ed. by E. Skogerbø, Ø. Ihlen, N. Nørgaard Kristensen, L. Nord), Gothenburg: Nordicom, pp. 263–282.
- Leung D., Lee F. (2014) "Cultivating an Active Online Counterpublic: Examining Usage and Political Impact of Internet Alternative Media", *The International Journal of Press/Politics*, vol. 19, no. 3, pp. 340–359.
- Lievrouw L. (2011) *Alternative and Activist New Media*, Malden (MA): Polity.
- Mancini P. (2013) "Media Fragmentation, Party System, and Democracy", *International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no. 1, pp. 43–60.
- Mayerhöffer E. (2021) "How do Danish Right-Wing Alternative Media Position Themselves against the Mainstream? Advancing the Study of Alternative Media Structure and Content", *Journalism Studies*, vol. 22, no. 2, pp. 119–136.
- McChesney R. (2015) *Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times*, N. Y.: The New Press.
- Negt O., Kluge A. (1972) *Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*, Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.
- Newman N. et al. (2019) *Reuters Institute Digital News Report*, Oxford: Reuters Inst. for the Study of Journalism, Univ. of Oxford.

Newman N. et al. (2022) *Reuters Institute Digital News Report*, Oxford: Reuters Inst. for the Study of Journalism, Univ. of Oxford.

Newman N. et al. (2024) *Reuters Institute Digital News Report*, Oxford: Reuters Inst. for the Study of Journalism, Univ. of Oxford.

Nielsen J., Lindvall J. (2021) "Trust in Government in Sweden and Denmark during the COVID-19 Epidemic", *West European Politics*, vol. 44, no. 5–6, pp. 1180–1204.

NRK Nyheter (<https://www.nrk.no/>, accessed on 10.01.2025).

Nygaard S. (2019) "The Appearance of Objectivity: How Immigration-Critical Alternative Media Report the News", *Journalism Practice*, vol. 13, no. 10, pp. 1147–1163.

Nyheter Idag. Om oss / Kontakt (<https://nyheteridag.se/om-oss-kontakt/>, accessed on 10.01.2025).

Padovani C. (2016) "The Media of the Ultra-Right: Discourse and Audience Activism Online", *Journal of Language and Politics*, vol. 15, no. 4, pp. 399–421.

Pettersen S., Østby L. (2013) "Scandinavian Comparative Perspectives on Immigration. Immigrants in Norway, Sweden and Denmark", *Samfunnsspeilet*, vol. 5, pp. 76–83.

"Reporters without Borders" (2024), *2024 World Press Freedom Index* (<https://rsf.org/en/index>, accessed on 10.01.2025).

Ricknell E. (2024) "Where the Fringe and Mainstream Meet", *Vaccine Hesitancy in the Nordic Countries: Trust and Distrust during the COVID-19 Pandemic* (ed. by L. Borin, M.-M. Hammarlin, D. Kokkinakis, F. Miegel), Routledge, pp. 140–154.

Samnytt. Om oss (<https://konto.samnytt.se/om-oss>, accessed on 10.01.2025).

SVT Nyheter (<https://www.svt.se/>, accessed on 10.01.2025).

Syvertsen T. et al. (2014) *The Media Welfare State: Nordic Media in the Digital Age*, Ann Arbor (MI): The Univ. of Michigan Press.

TV 2 Nyheder (<https://nyheder.tv2.dk/>, accessed on 10.01.2025).

VG Nett (<https://www.vg.no/>, accessed on 10.01.2025).

Wolf M. et al. (2022) *2022 Environmental Performance Index*, New Haven (CT): Yale Center for Environmental Law & Policy.

Доступность, прозрачность, инклюзивность? Ценности Open Science и парадокс демократизации

Наталья Синеокая

Венский университет (Австрия)

E-mail: natadsineokaia@gmail.com

Аннотация. В данной статье анализируется парадокс демократизации Open Science: с одной стороны, открытая наука способствует доступности и прозрачности научного процесса, а с другой — усиливает существующие академические неравенства. Рассматриваются ключевые вызовы Open Science, в том числе финансовые барьеры для ученых из стран Глобального Юга, доминирование количественных методов над качественными, языковые и цифровые барьеры, а также угрозы, связанные с открытыми данными и рецензированием. Особое внимание уделяется проблеме геймификации академической среды, в результате которой Open Science становится инструментом не демократизации, а капитализации науки.

Ключевые слова: открытая наука, демократизация науки, доступность, прозрачность, инклюзивность.

Для цитирования: Синеокая Н. (2025). Доступность, прозрачность, инклюзивность? Ценности Open Science и парадокс демократизации // *Patria*. Т. 2. № 3. С. 64–81.

doi: 10.17323/patria.2025.27621

Accessibility, Transparency, Inclusivity? The Values of Open Science and the Paradox of Democratization

Natalia Sineokaia

University of Vienna (Austria)

E-mail: natadsineokaia@gmail.com

Abstract. This article examines the paradox of democratization in Open Science: on the one hand, open science promotes accessibility and transparency in the scientific process; on the other hand, it reinforces existing academic inequalities. The key challenges of Open Science are analyzed, including financial barriers for researchers from the Global South, the dominance of quantitative methods over qualitative ones, language and digital barriers, as well as risks associated with open data and peer review. Special attention is given to the issue of the gamification of the academic environment, which turns Open Science into a tool not for democratization but for the capitalization of science.

Keywords: Open Science, democratization of science, accessibility, transparency, inclusivity.

For citation: Sineokaia N. (2025) "Accessibility, Transparency, Inclusivity? The Values of Open Science and the Paradox of Democratization", *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 64–81.

doi: 10.17323/patria.2025.27621

Введение

Open Science (открытая наука) — это глобальная концепция, направленная на решение накопившихся проблем современной науки. Ее цель — обеспечить свободный доступ к научным знаниям, данным и публикациям, повысить прозрачность и инклюзивность научного процесса (International Science Council, 2020). Open Science стремится устранить барьеры, ограничивающие распространение знаний, включая дорогостоящие подписки на научные журналы, закрытые базы данных и ограничения на доступ к результатам исследований. Концепция предполагает использование цифровых технологий и международного сотрудничества для создания экосистемы, в которой каждый ученый может свободно делиться своими открытиями и использовать наработки других исследователей. Основные элементы этой экосистемы включают в себя открытые репозитории данных (Zenodo, Figshare), научные журналы открытого доступа (PLOS ONE, Open Research Europe), платформы для препринтов (arXiv, bioRxiv) (International Science Council, 2020), цифровые инструменты для совместной работы (GitHub, Jupyter Notebooks), механизмы финансирования Open Science (гранты и инициативы, например, Plan S), государственные и международные правила и рекомендации для открытой науки (UNESCO Open Science Recommendation), а также открытые стандарты и лицензии (Creative Commons, FAIR data principles) (UNESCO, 2021).

В XXI веке, когда наука становится одним из самых важных инструментов для преодоления таких глобальных вызовов, как изменение климата, пандемии и эпидемии, а также для решения проблемы социального неравенства и для достижения устойчивого развития, Open Science оказывается особенно важной инициативой. Облегчая доступ к знаниям и стимулируя сотрудничество между учеными, представителями бизнеса и общественностью, она способствует ускорению развития в разных областях от естественных до социальных наук (OECD, 2021). Прозрачность научного процесса не только делает знания доступными, но и повышает доверие общества к науке. Это особенно важно в условиях растущего скептицизма к научным данным и распространения фейковых новостей и иных видов дезинформации (International Science Council, 2025).

Своеобразной проверкой эффективности принципов Open Science стала пандемия COVID-19. Международное научное сообщество смогло оперативно обмениваться данными о вирусе, что позволило ускорить разработку вакцин. По данным ВОЗ, благодаря научному сотрудничеству некоторые этапы разработки вакцин против COVID-19 проводились параллельно, что значительно ускорило процесс. Ранее такие этапы выполнялись последовательно и могли занимать многие годы.

Одним из первых и самых ярких примеров успешных проектов, основанных на принципах Open Science, стала международная научная инициатива The Human Genome Project (HGP), запущенная в 1990 году и завершенная в 2003 году. В рамках инициативы исследователи смогли провести полное секвенирование человеческого генома. В отличие от

многих традиционных научных проектов, HGP сразу принял политику немедленного выкладывания данных в открытый доступ. Это означало, что результаты секвенирования публиковались онлайн в течение 24 часов после их получения. Этот принцип был закреплен так называемым Bermuda Agreement (1996), которое обязало исследователей делиться новыми последовательностями ДНК с широкой научной аудиторией. Данные HGP не были привязаны к определенным учреждениям или организациям. Это означало, что любые ученые по всему миру могли анализировать геном человека и использовать его в своих исследованиях. Проект стал одной из крупнейших открытых научных инициатив в истории, заложив основу для распространения принципов Open Science в биомедицинских исследованиях.

Открытые базы данных в генетике и биоинформатике продолжают позитивно влиять на исследования в области персонализированной медицины, помогая ученым разрабатывать более точные методы диагностики и лечения различных заболеваний. Примеры успешного применения принципов Open Science можно найти во многих научных областях: климатологии и экологии (Copernicus Climate Change Service), астрономии (Sloan Digital Sky Survey), социальных и гуманитарных наук (European Social Survey), урбанистике (OpenStreetMap Foundation), машинном обучении и исследованиях искусственного интеллекта (Common Crawl Foundation).

Несмотря на первоначальную опору на демократизацию науки, Open Science несет в себе некоторые риски и может способствовать усилению неравенства в академии. В этой статье мы углубимся в три основных «столпа» Open Science — доступность, прозрачность и инклюзивность — и сосредоточимся на рассмотрении того факта, что на практике инициатива зачастую оказывается ограничивающей и даже дискриминирующей. В статье обсуждаются такие преграды, связанные с открытой наукой, как ограничение публикационной активности ученых без достаточного финансирования, превалирование количественных методов над качественными, а также языковые и цифровые барьеры. Более того, затронуты недостатки и потенциальные опасности, обусловленные открытостью данных и рецензирования; также мы поговорим о вреде геймификации академической среды.

Open Science и доступность науки

Истоки Open Science восходят к движению за открытый доступ (Open Access), возникшему в 1990-е годы, когда стоимость подписки на ведущие научные журналы стремительно росла. Это делало доступ к научной информации все более затруднительным даже для крупных академических учреждений, ограничивая доступ к источникам и университетам с хорошим финансированием. Ученые и библиотекари в Европе, США и других странах начали выступать против ограниченного распространения научных знаний, поскольку такая ситуация не только препятствовала разви-

тию науки, но и способствовала неравномерному распределению доступа к знаниям между странами и социальными слоями (Laakso et al., 2011).

Этот феномен получил название «кризис серийных изданий» (*serials crisis*) (Suber, 2012). Для преодоления этого кризиса были разработаны инициативы по свободному доступу к научным публикациям, включая Будапештскую инициативу открытого доступа (2002), которая закрепила принципы свободного обмена научными знаниями, призывая к открытому доступу к рецензируемым исследованиям (Budapest Open Access Initiative, 2002), и Берлинскую декларацию (Berlin Declaration..., 2003), ставшую важным международным соглашением, поддерживающим развитие цифровых репозиторий и открытых научных журналов. В последующие годы к этим инициативам присоединились другие важные проекты, такие как Plan S (2018), инициатива Европейской комиссии, требующая, чтобы все научные исследования, финансируемые государством, публиковались в открытом доступе (European Commission, 2018). Значимую роль также сыграла Сан-Францисская декларация об оценке научных исследований (DORA, 2012), направленная на реформирование способов оценки научной продуктивности (Сан-Францисская декларация об оценке научных исследований, 2020). Со временем концепция Open Science расширилась, включив не только открытые статьи, но и доступ к исследовательским данным, программному коду, образовательным ресурсам и стандартам воспроизводимости научных экспериментов.

В настоящее время Open Science продолжает активно развиваться, охватывая не только академические круги, но и государственные структуры, индустрию и гражданское общество. Многие крупные фонды и организации, такие как Европейский союз (European Commission, 2021) и Национальные институты здравоохранения США (National Institutes of Health, 2024), делают открытый доступ обязательным условием финансирования научных исследований. Чаще всего подобные условия подразумевают, что научные статьи и данные, созданные на основе государственного финансирования, должны быть доступны для всех, а не скрываться за платными подписками и пейволлами. Таким образом, Open Science вносит свой вклад в демократизацию науки, делая последнюю доступной не только для профессиональных ученых, но и для гражданского общества, независимых исследователей, студентов и просто любителей науки.

Open Science и прозрачность науки

Одним из ключевых вызовов современной науки, который также решает Open Science, является проблема воспроизводимости исследований. Многие научные результаты и эксперименты оказываются трудно воспроизводимыми, что подрывает доверие к опубликованным данным и снижает эффективность науки в целом (Camerer et al., 2018). Вопрос воспроизводимости результатов оказался особенно актуален в психологических исследованиях. Проведенная репликация 100 экспериментальных и корреляционных исследований, опубликованных в трех ведущих психологических журналах, показала, что лишь 36% репликаций достигли ста-

статистически значимых результатов — по сравнению с 97% в оригинальных исследованиях. Кроме того, средний размер эффекта в репликациях был примерно в 2 раза меньше, чем в оригинальных работах (Open Science Collaboration, 2015).

Одна из причин низкой воспроизводимости исследований — распространенность сомнительных исследовательских практик (Questionable Research Practices, QRPs), которые формально не являются научным мошенничеством, но могут искажать результаты исследований (John, Loewenstein, Prelec, 2012). К числу таких практик относят:

1) HARKing (Hypothesizing after Results Are Known) — формулирование гипотез уже после получения результатов. Это делает исследования менее объективными, поскольку ученые подстраивают свои выводы под уже имеющиеся данные, а не проверяют заранее сформулированные гипотезы (Kerr, 1998);

2) P-hacking — манипулирование статистическими методами для получения значимых результатов. Ученые могут изменять критерии включения данных, выбирать определенные методы анализа или повторно анализировать данные до тех пор, пока не будет достигнут статистически значимый результат.

Оба этих явления вытекают из так называемой проблемы предвзятости публикаций (publication bias). Ее суть заключается в том, что исследования с положительными или значимыми результатами публикуются чаще, чем те, которые содержат нулевые или отрицательные выводы (Franco, Malhotra, Simonovits, 2014). Это не только способствует кризису воспроизводимости исследований, но и искажает научное знание, стимулируя исследователей манипулировать данными ради публикации (Simmons, Nelson, Simonsohn, 2011).

Open Science предлагает системный подход к устранению вышеописанных проблем. Этот подход включает публикацию материалов, данных и кода, что обеспечивает прозрачность через доступ к исходным данным и методологиям и облегчает проверку результатов (Wicherts, Bakker, Molenaar, 2011). Пререгистрация исследований позволяет фиксировать гипотезы, дизайн и методы анализа до начала исследования для исключения предвзятости (Nosek et al., 2018). Репликация исследований помогает проверять уже опубликованные выводы для подтверждения их достоверности. Сотрудничество между учеными способствует созданию междисциплинарных и международных исследовательских команд для повышения качества данных и увеличения выборок. Обучение исследователей принципам прозрачности и открытости в науке также играет важную роль. Внедрение стандартов прозрачности и открытости (Transparency and Openness Promotion, TOP Guidelines) включает восемь ключевых принципов, направленных на повышение прозрачности научных публикаций. Такие стандарты включают в себя: 1) обязательное раскрытие данных и методологий; 2) регистрацию гипотез и планов исследования до его начала; 3) использование открытых материалов и кода; 4) внедрение стандартов репликации; 5) прозрачное рецензирование научных работ; 6) публикацию отрицательных результатов; 7) разработку

системы поощрения исследователей за соблюдение принципов открытой науки; 8) создание стимулов для открытой науки, таких как предоставление грантов, наград и карьерных возможностей для ученых, активно использующих принципы Open Science.

С помощью внедрения стандартов прозрачности и контроля за воспроизводимостью исследований Open Science повышает прозрачность науки — что, как и доступность, является одним из обязательных условий ее демократизации.

Open Science и (не)инклюзивность науки

Развитие цифровых технологий, международное сотрудничество и доступ к большим массивам данных действительно способствуют ускоренному научному прогрессу. Но несмотря на очевидные преимущества и тот факт, что Open Science повышает прозрачность и доступность науки, зачастую следование принципам открытой науки негативно влияет на инклюзивность академической среды, а иногда и представляет опасность для объектов исследования (Dienlin et al., 2021). На практике концепция сталкивается с рядом структурных, институциональных и этических вызовов, которые ставят под угрозу саму ее демократическую природу и могут усилить неравенство и маргинализацию отдельных групп исследователей.

Одним из главных вызовов является ограничение публикации активности ученых без достаточного финансирования. Принцип работы журналов «золотой» модели открытого доступа (Gold Open Access Journals), в которых все статьи доступны бесплатно для читателей сразу после публикации, без подписки или платного доступа, подразумевает, что расходы на издательские услуги и публикацию материала покрывают авторы или их учреждения, оплачивая Article Processing Charges (APC, издержки на обработку и публикацию статьи). Этой схемы финансирования придерживаются, например, такие ведущие научные издательства, как Wiley (более 1600 научных журналов, включая *Nature Portfolio*, *Journal of Computational Chemistry*, *Advanced Materials*), IEEE (более 200 научных журналов и сборников конференций, включая IEEE Transactions, IEEE Spectrum, IEEE Access) и SpringerOpen (более 200 журналов, включая *SpringerPlus*, *Journal of Big Data*, *Environmental Sciences Europe*). В среднем для журналов «золотой» модели открытого доступа издержки на обработку и публикацию статьи составляют около 2 тыс. долл. США, тогда как в гибридных журналах эта сумма может достигать 3–5 тыс. долл. США. Размер APC варьируется в зависимости от научной дисциплины и репутации журнала. Например, журналы в области медицины и естественных наук часто имеют более высокие APC по сравнению с гуманитарными науками (Соломон, Бьорк, 2017). Высокие APC могут стать значительным препятствием для ученых или учреждений с ограниченным финансированием, сдерживая возможность публикации их статей в престижных журналах. Кроме того, этот барьер ведет к региональному неравенству: ученые из стран с высоким ВВП имеют больше возможностей для публи-

кации, тогда как ученые из стран Глобального Юга оказываются менее заметными в международной научной среде.

Модель финансирования открытой науки часто способствует тому, что исследователи оказываются в зависимости от грантов и рыночных механизмов. Согласно исследованию Соломон и Бьорк, основными источниками финансирования публикаций являются: гранты (59%), средства учреждений (24%), личные средства авторов (12%), другие источники (5%) (Соломон, Бьорк, 2017). Грантодатели (государственные фонды, частные организации, бизнес) устанавливают научные приоритеты, направляя финансирование на определенные исследования. В свою очередь, ученые, ориентированные на Open Science, вынуждены подстраивать свои проекты под интересы грантодателей. Это может привести к искажению научной повестки в пользу тех исследований, которые легче финансировать, а не тех, которые объективно важны. При этом число грантов конечно — и ограниченные ресурсы фондов заставляют исследователей конкурировать не за научную истину, а за финансирование. Это усиливает капитализацию науки, где важны цитируемость, индекс Хирша и медийность исследований. В Open Science гранты часто привязаны к показателям публикационной активности, что вынуждает ученых ориентироваться не на глубину исследований, а на количество публикаций. Во многом это способствует формированию капиталистической по своей сути академической культуры «публикуй или умри» («Publish or Perish» culture), губительной для многих фундаментальных дисциплин, требующих от ученых более основательного и «медленного» подхода к исследованиям (Fanelli, 2020).

Из-за модели финансирования, основанной на взимании платы за публикацию, некоторые журналы снижают требования к рецензированию, что приводит к появлению так называемых хищнических журналов (predatory journals). Такие издания принимают статьи без должной научной экспертизы, требуют плату за публикацию, но не проводят полноценного рецензирования и не соблюдают научные стандарты (Moher et al., 2017), тем самым подрывая доверие к Open Science. Иногда эти издания имитируют процесс рецензирования, но на самом деле принимают статьи в течение нескольких дней. Зачастую журналы выглядят как легитимные научные издания, используют названия, похожие на названия уважаемых журналов (например, *Journal of Medicine Research* вместо *Journal of Medical Research*), могут указывать поддельные импакт-факторы и несуществующих редакторов (Grudniewicz et al., 2019). Несмотря на то что подобные издания не учитываются в уважаемых научных базах типа Scopus и Web of Science, их могут цитировать начинающие или недобросовестные исследователи, что приводит к распространению дезинформации. Более того, сам факт существования журналов, где за взнос можно опубликовать практически любую статью без рецензирования и проверки, способствует снижению прозрачности, демократизации и инклюзивности академического сообщества.

Связанной с подобными изданиями и с грантовой структурой Open Science проблемой является так называемая инфляция публикаций.

Этим термином называют рост числа научных статей без соответствующего увеличения их качества и научной ценности. Open Science делает науку более доступной, но способствует увеличению потока публикаций, что размывает научный ландшафт. Из-за политики открытого доступа количество статей в журналах растет быстрее, чем количество исследований, что ведет к переполнению информационного пространства (Fox et al., 2021). С увеличением объема научных исследований ученые сталкиваются с трудностями при фильтрации релевантной информации. По данным исследований, в период с 2016 по 2022 год количество публикаций выросло практически в 1,5 раза (на 47%), что создает информационную перегрузку даже для крупных исследовательских групп. В результате качество исследований может снижаться, а репликация и проверка предыдущих исследований становятся менее приоритетными задачами. Ученые тратят больше времени и сил на поиск релевантных и достоверных источников, при этом количество повторяющих друг друга работ повышается, поскольку излишек информации ведет к невозможности точно установить неисследованные аспекты исследовательского поля (так называемый эффект перепроизводства) (Fox et al., 2021). Вместе с тем количество недостоверных статей также растет: исследование Фанелли показало, что число таких статей в биомедицине выросло в 3 раза за последние 20 лет (Fanelli, 2020). В 2013 году журналист Джон Боханнон провел исследование, в рамках которого отправил фиктивные научные статьи с явными ошибками в 304 открытых журнала. Из них 157 журналов приняли статьи к публикации без должного рецензирования и дополнительной проверки информации (Bohannon, 2013). Исследователи, особенно начинающие, оказываются просто поглощены публикационным шумом и волной дезинформации — чтобы решить эту проблему, многие университеты вынуждены вводить в программу отдельные курсы, посвященные гигиене научных публикаций и корректному поиску релевантных и вызывающих доверие научных источников.

Другим важным аспектом является методологическое смещение: в рамках Open Science количественные методы превалируют над качественными, что вредит отдельным областям науки. Открытая наука предполагает, что научные данные должны быть легко проверяемыми и реплицируемыми. При этом в качественных методах исследования, таких как интервью, этнографический метод или наблюдение, результаты не всегда можно просто повторить ввиду контекстуальности и субъективности данных, полученных таким способом (Schmitz et al., 2023). Более того, анализ качественных данных не может быть полностью объективным, так как зависит от позиции исследователя: один и тот же набор качественных данных с большей вероятностью приведет к разной интерпретации у разных исследователей, нежели идентичный набор количественных данных. Отдельным риском открытой науки является открытый обмен качественными данными. Качественные данные сложнее анонимизировать, чем количественные: в интервью, дневниках, записях наблюдений участники часто раскрывают уникальные детали о себе (место работы, события из жизни, опыт дискриминации), которые могут привести к идентификации респондента

даже с учетом скрытого имени и фамилии. При этом первоначально декларации Open Science не содержали этических руководств, учитывающих специфику качественных данных.

В зоне особого риска находятся дисциплины, исследующие маргинализированные группы и сложные социальные явления, где качественные методы (интервью, этнографический метод, наблюдение) имеют ключевое значение и позволяют получить глубокое понимание социальных явлений (Коньшева, Струк, 2014). Это приводит к тому, что темы, требующие углубленного анализа и контекстуального понимания, оказываются менее заметными и менее финансируемыми. При этом даже количественные исследования, связанные с маргинализированными группами, могут представлять опасность для респондентов. Многие исследователи ошибочно считают, что если удалить имена участников, данные становятся анонимными. Однако даже при удалении явных идентификаторов, таких как места жительства или номера социального страхования, комбинация нескольких демографических характеристик может быть достаточной для точной идентификации большинства людей. Согласно исследованию Роше и Хендрикса, 99,98% американцев могут быть корректно идентифицированы в любом наборе данных, содержащем около 15 демографических атрибутов (Rocher, Hendrickx, Montjoye, de, 2019), что представляет особенный риск в случае исследований маргинализированных групп, поскольку объем выборки в этих исследованиях часто меньше обычного, а идентификация — еще проще. Таким образом, открытые базы могут применяться для слежки, дискриминации и репрессий в отношении маргинализированных сообществ. Харассменту и дискриминации могут также подвергаться ученые, работающие с подобными чувствительными темами (Клименко, Ган, 2020). Наконец, представители маргинализированных групп могут отказываться от участия в исследованиях, если не уверены в конфиденциальности, или подвергать ответы на вопросы или свое поведение в рамках исследования самоцензуре, что приведет к искажению репрезентативности выборки, неточным данным и искажению результатов исследования, а иногда и к слабому представлению определенных вопросов и социальных явлений в академическом поле.

Однако концепция Open Science может ставить в уязвимое положение не только респондентов из маргинализированных групп, но и самих исследователей. Открытое рецензирование (open peer review), которое считается одним из преимуществ Open Science, создает риск харассмента и дискриминации в отношении авторов научных статей. Исследователи из маргинализированных групп (женщины, уязвимые этнические группы, молодые ученые и другие категории) часто сталкиваются с предвзятым отношением со стороны рецензентов, что может влиять на качество обратной связи и публикационные решения (Fox et al., 2021). Кроме того, открытое рецензирование может усиливать академическую иерархию, когда ведущие ученые имеют больше влияния на принятие статей. Рецензенты могут испытывать давление, особенно если они менее опытные или находятся в подчиненном положении по отношению к авторам. Это

может привести к смягчению критики или отказу от рецензирования во избежание возможных негативных последствий для карьеры рецензента.

Отдельно стоит отметить, что ученые из стран с низким уровнем дохода сталкиваются с двумя дополнительными барьерами, мешающими их полноценному участию в глобальном академическом сообществе: языковым и цифровым. Большинство научных материалов, соответствующих принципам Open Science, публикуются на английском языке, что затрудняет доступ к знаниям для ученых из неанглоязычных стран (González-Alcaide, Valderrama-Zurián, Aleixandre-Benavent, 2012). Это создает структурное неравенство, при котором англоязычные исследователи имеют преимущество не только в публикациях, но и в цитируемости их работ. Исследователи, чьим родным языком не является английский, вынуждены тратить дополнительные ресурсы на перевод, редактуру и корректуру статей, а журналы часто требуют профессиональной научной редакторской правки со стороны носителя языка, что увеличивает стоимость подготовки статьи к публикации. Исследования, опубликованные на испанском, французском, китайском или русском языках, реже цитируются и почти не учитываются в глобальных базах данных, таких как Scopus или Web of Science, а доля научных документов на неанглийских языках в этих базах данных неизменно сокращается, что может привести к недооценке важной научной информации, опубликованной на других языках (Konno, Amano, 2022). В результате научные работы на неанглийских языках получают меньше цитирований на международной арене, а ученые из стран, где английский не является основным, сталкиваются с тем, что их работы игнорируются в международных дискуссиях. Это подтверждает существование языкового смещения в научной коммуникации, где английский язык доминирует, а работы на других языках получают меньше внимания и признания (Amano, González-Varo, Sutherland, 2016).

Проблема цифрового барьера оказывается особенно важной в дискуссии об Open Science, поскольку большая часть практик открытой науки подразумевает высокую степень цифровизации академической среды. Этим термином называют неравномерный доступ к цифровым технологиям и интернет-ресурсам, который ограничивает возможности людей, организаций или целых стран участвовать в глобальной научной и образовательной среде. Цифровой барьер представляет собой многоуровневую структуру, состоящую из множества факторов: начиная с того, что сама скорость Интернета может быть значительно ниже в странах с низким уровнем дохода (например, в регионах Западной и Центральной Африки), и заканчивая общим низким уровнем развитости интернет-инфраструктуры и цифровой грамотности среди населения (Canessa et al., 2003). Подписка на журналы и базы данных, такие как Nature, Science, Elsevier, Springer, Wiley, стоит десятки тысяч долларов в год, поэтому многие университеты из стран с низким уровнем дохода не могут оплачивать подписку на научные базы и журналы. Более того, многие университеты в этих странах не имеют доступа к мощным вычислительным ресурсам и сервисам, что делает анализ больших данных и сложные симуляции практически невозможными (Shearer, 2024). Кроме того, высокая стоимость по-

ездок на международные конференции делает участие недоступным для исследователей из стран с низким уровнем дохода. Таким образом, концепция открытой науки во многих регионах задает заведомо недостижимые стандарты. Для многих исследователей из стран с низким уровнем дохода Open Science создает скорее барьеры, чем возможности — что еще раз подчеркивает ее неинклюзивную и, вероятно, западноцентричную природу.

Наконец, немаловажным фактором, ограничивающим демократизацию академии, является тот факт, что на практике концепция Open Science геймифицирует науку и использует игровые элементы и механики для повышения мотивации исследователей к участию в открытых научных практиках.

В 2013 году с инициативы Центра открытой науки началось внедрение системы бейджей, которыми награждаются ученые и журналы за соблюдение определенных практик: предварительная регистрация (preregistration), открытые материалы (open materials), открытые данные (open data). Эти значки отображаются непосредственно в опубликованных статьях, обычно на первой странице или в разделе с информацией об авторе. Они служат визуальным индикатором приверженности автора принципам открытой науки и помогают читателям быстро определить степень открытости исследования. Многие научные журналы приняли практику использования значков Open Science — включая такие издания, как *Psychological Science* и *PLOS ONE* (Center for Open Science, 2024a, 2024b). Кроме того, платформы для препринтов и репозитории данных также могут отображать эти значки, поощряя исследователей к прозрачности и открытости в своих работах, но и вместе с тем формируя иерархическую структуру соревнований между исследователями.

Другим геймифицированным элементом Open Science являются платформы с рейтингами и метриками, которые публично оценивают то, насколько ученые привержены принципам Open Science. Одной из примеров таких платформ является сайт *Curate Science* (LeBel, 2024), где исследователи ранжируются по уровню прозрачности, что может влиять на их карьерные перспективы, доступ к грантам и возможность публиковаться в престижных журналах. Такая система, как и система бейджей, может дискриминировать ученых, не имеющих достаточных ресурсов для выполнения всех требований Open Science, и, наоборот, усилить дискриминацию в академии (Fox et al., 2021).

Геймификация науки через систему рейтингов и значков может подстегивать конкуренцию между исследователями, создавая не только стимулы, но и давление. Это делает науку более подверженной влиянию рыночных механизмов, когда успех определяется не глубиной исследований, а соответствием определенным стандартам — пусть эти стандарты и предполагают открытость, которая зачастую (но не всегда) коррелирует с качеством публикации. Геймификация принципов Open Science еще больше усиливает хорошо знакомую в академии иерархическую структуру и стимулирует конкуренцию и соревнования между исследователями. Использование систем бейджей и рейтингов, как и применение мет-

рик цитируемости (h-index, impact factor), создает давление на ученых, вынуждая их гнаться за показателями, а не за качеством исследований. Такая система поощряет количественное производство знаний, но обесценивает критическое и медленное размышление, необходимое в фундаментальных науках.

Выводы и перспективы

Парадоксально, но благодаря принципам Open Science наука не только становится более открытой, но и капитализируется — и теряет инклюзивность. Вместо полной демократизации научного процесса она может усиливать существующие неравенства, создавая новые барьеры для ученых из развивающихся стран, независимых исследователей и представителей маргинализированных групп. В науке остается все меньше места для групп исследователей с ограниченными ресурсами или маргинализированным статусом, а некоторые исследовательские темы или даже целые методологии и вовсе оказываются забыты. Наконец, многие практики Open Science создают искусственные иерархии и, наоборот, вредят открытой дискуссии и академической свободе.

Вместо обещанной горизонтальной структуры Open Science нередко оказывается встроенной в существующую академическую систему с ее жесткими критериями успешности, конкурентной средой и зависимостью от финансирования. Показатели прозрачности и открытости, призванные гарантировать качество исследований, в ряде случаев становятся лишь дополнительными барьерами, затрудняя научную работу тем, кто не имеет доступа к международным грантам, дорогостоящему программному обеспечению или глобальным исследовательским сетям. В этом смысле Open Science — не универсальное решение, а механизм, который требует критического осмысления и адаптации к реалиям разных научных сообществ.

Чтобы открытая наука действительно стала инструментом демократизации, необходимо учитывать не только вопросы прозрачности и доступности, но и структурные условия, в которых работают ученые. Это включает реформирование системы финансирования, разработку этических стандартов для работы с чувствительными данными (что уже было сделано в некоторых областях, например в Communication Science (Fox et al., 2021)), поддержку альтернативных форм научной коммуникации и признание ценности разнообразных методологий. Без этих шагов Open Science рискует остаться привилегией тех, кто уже находится в выгодном положении, а не средством, открывающим новые возможности для всех участников научного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Клименко И. М., Ган О. И. (2020). Амбивалентное влияние фактора цифровизации на проблему харассмента в образовании // Электронный архив УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/95222/1/978-5-7996-3110-9_2020-15.pdf (дата доступа: 02.02.2025).

Коньшьева К. В., Струк Н. М. (2014). Теоретические подходы к анализу новых маргинальных групп // *iPolytech Journal*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-analizu-novyh-marginalnyh-grupp> (дата доступа: 02.02.2025).

Сан-Францисская декларация об оценке научных исследований (2020) // Научный редактор и издатель. Т. 5. № 1. С. 51–53.

Соловьева Т. О., Соловьев Д. Н. (2017). К вопросу о реализации принципа академической свободы в современном университетском образовании // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. Т. 1. № 2. С. 281–304.

Соломон Д., Бьорк Б. (2017). Размер платы за подготовку статьи к публикации (APC) в открытом доступе: опыт научно-исследовательских университетов США и Канады // *Научный редактор и издатель*. Т. 2. № 2–4. С. 89–106.

Amano T., González-Varo J. P., Sutherland W. J. (2016). Languages Are Still a Major Barrier to Global Science // *PLOS Biology*. Vol. 14. № 12. Art. e2000933.

Berlin Declaration on Open Access to Knowledge in the Sciences and Humanities (2003) // Max Planck Society. URL: <https://openaccess.mpg.de/Berlin-Declaration> (дата доступа: 14.01.2025).

Bohannon J. (2013). Who's Afraid of Peer Review? // *Science*. Vol. 342. № 6154. P. 60–65.

Budapest Open Access Initiative (2002) // Open Society Institute. URL: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read> (дата доступа: 14.01.2025).

Camerer C. F. et al. (2018). Evaluating the Replicability of Social Science Experiments in Nature and Science between 2010 and 2015 // *Nature Human Behaviour*. Vol. 2. № 9. P. 637–644.

Canessa E. et al. (2003). Monitoring the Digital Divide // *arXiv prepr*. URL: <https://arxiv.org/abs/physics/0305016> (дата доступа: 02.02.2025).

Center for Open Science (2024a). Brief History of COS (2013–2017) // Center for Open Science. URL: <https://www.cos.io/about/brief-history-cos-2013-2017> (дата доступа: 02.02.2025).

Center for Open Science (2024b). Anniversary Timeline of Open Science Initiatives // Center for Open Science. URL: <https://www.cos.io/timeline> (дата доступа: 02.02.2025).

Common Crawl Foundation (2024) // Common Crawl. URL: <https://commoncrawl.org> (дата доступа: 30.01.2025).

Contreras J. L. (2011). Bermuda's Legacy: Policy, Patents and the Design of the Genome Commons // *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*. Vol. 12. P. 61.

Copernicus Climate Change Service (C3S) (2024). Climate Data Store // European Centre for Medium-Range Weather Forecasts (ECMWF). URL: <https://climate.copernicus.eu> (дата доступа: 30.01.2025).

Dienlin T. et al. (2021). An Agenda for Open Science in Communication // *Journal of Communication*. Vol. 71. Iss. 1. P. 1–26.

European Commission (2021) // Horizon Europe: The EU Research & Innovation Programme (2021–2027). European Union. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (дата доступа: 01.02.2025).

European Commission (2018) // Open Science Policy Platform Recommendations. European Commission Report. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024/our-digital-future/open-science/open-science-policy-platform_en (дата доступа: 14.01.2025).

European Social Survey (ESS) (2024) // European Research Infrastructure. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата доступа: 30.01.2025).

Fanelli D. (2020). Pressures to Publish: What Effects Do We See? // *Gaming the Metrics: Misconduct and Manipulation in Academic Research* / ed. by M. Biagioli, A. Lippman. Cambridge (MA): MIT Press. P. 191–208.

Fecher B., Friesike S. (2014). Open Science: One Term, Five Schools of Thought // *Opening Science*. Springer Intern. Publ. P. 17–47.

Fox J. et al. (2021). Open Science, Closed Doors? Countering Marginalization through an Agenda for Ethical, Inclusive Research in Communication // *Journal of Communication*. Vol. 71. № 5. P. 764–784.

Franco A., Malhotra N., Simonovits G. (2014). Publication Bias in the Social Sciences: Unlocking the File Drawer // *Science*. Vol. 345. № 6203. P. 1502–1505.

González-Alcaide G., Valderrama-Zurián J. C., Aleixandre-Benavent R. (2012). The Impact Factor in Non-English-Speaking Countries // *Scientometrics*. Vol. 92. P. 297–311.

Grudniewicz A. et al. (2019). Predatory Journals: No Definition, No Defence // *Nature*. Vol. 576. P. 210–212.

Hanson M. A. et al. (2023). The Strain on Scientific Publishing // *arXiv Prepr.* // *arXiv:2309.15884*. URL: <https://arxiv.org/abs/2309.15884> (дата доступа: 16.02.2025).

Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE) (2024) // *Article Processing Charges*. IEEE Open. URL: <https://open.ieee.org/for-authors/article-processing-charges/> (дата доступа: 01.02.2025).

International Science Council (2020) // *Open Science: Making Science Global*. International Science Council Report. URL: <https://council.science/publications/open-science-making-science-global/> (дата доступа: 14.01.2025).

International Science Council (2025) // *Freedom and Responsibilities in Science*. International Science Council. URL: <https://council.science/our-work/freedom-and-responsibility-in-science/> (дата доступа: 14.01.2025).

John L. K., Loewenstein G., Prelec D. (2012). Measuring the Prevalence of Questionable Research Practices with Incentives for Truth Telling // *Psychological Science*. Vol. 23. № 5. P. 524–532.

Kerr N. L. (1998). HARKing: Hypothesizing after the Results Are Known // *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 2. № 3. P. 196–217.

Konno S., Amano T. (2022). The Loss of non-English-Language Science: Patterns of Growth and Decline in non-English Documents Indexed in Scopus and Web of Science // *Scientometrics*. Vol. 127. № 3. P. 1383–1405.

Laakso M. et al. (2011). The Development of Open Access Journal Publishing from 1993 to 2009 // *PLOS ONE*. Vol. 6. № 6.

Languages Still a Major Barrier to Global Science, New Research Finds (2016) // *University of Cambridge*. URL: <https://www.cam.ac.uk/research/news/languages-still-a-major-barrier-to-global-science> (дата доступа: 14.01.2025).

LeBel E. P. (2024). Transparency Leaderboard // *Curate Science*. URL: <https://etiennellebel.com/cs/t-leaderboard/t-leaderboard.html> (дата доступа: 02.02.2025).

Moher D. et al. (2017). Predatory Journals: What Can We Do to Protect Their Prey? // *JAMA Network*. Vol. 317. № 5. P. 567–568.

National Institutes of Health (NIH) (2024) // *Public Access Policy Overview*. NIH. URL: <https://sharing.nih.gov/public-access-policy/public-access-policy-overview> (дата доступа: 01.02.2025).

Nosek B. A. et al. (2018). The Preregistration Revolution // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 115. № 11. P. 2600–2606.

OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) (2021) // *Open Science: Enabling Discovery in the Digital Age*. OECD Publ. URL: https://www.oecd.org/en/publications/open-science-enabling-discovery-in-the-digitalage_81a9dcf0-en.html (дата доступа: 30.01.2025).

Open Science Collaboration (2015). Estimating the Reproducibility of Psychological Science // *Science*. Vol. 349. № 6251. Art. aac4716.

OpenStreetMap Foundation (2024) // OpenStreetMap. OSM. URL: <https://www.openstreetmap.org> (дата доступа: 30.01.2025).

Rocher L., Hendrickx J. M., Montjoye Y. -A., de (2019). Estimating the Success of re-Identifications in Incomplete Datasets Using Generative Models // *Nature Communications*. Vol. 10. № 1. Art. 3069.

Schmitz K. M. et al. (2023). Open-Science Guidance for Qualitative Research: An Empirically Based, Stakeholder-Driven Framework for Qualitative Data Sharing // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. Vol. 6. № 3. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/25152459231205832> (дата доступа: 02.02.2025).

Shearer K. (2024). Bridging the Digital Divide: How Repository Networks Are Shaping the Future of Open Science // *Scientia*. URL: <https://www.scientia.global/wp-content/uploads/Kathleen-Shearer-COAR.pdf> (дата доступа: 02.02.2025).

Simmons J. P., Nelson L. D., Simonsohn U. (2011). False-Positive Psychology: Undisclosed Flexibility in Data Collection and Analysis Allows Presenting Anything as Significant // *Psychological Science*. Vol. 22. № 11. P. 1359–1366.

Sloan Digital Sky Survey (SDSS) (2024) // The SDSS Collaboration. URL: <https://www.sdss.org> (дата доступа: 30.01.2025).

SpringerOpen (2024) Article Processing Charges (APCs) and Open Access Publishing // Springer Nature. URL: <https://www.springeropen.com/get-published/article-processing-charges> (дата доступа: 01.02.2025).

Suber P. (2012). Open Access. MIT Press.

Tennant J. et al. (2016). The Academic, Economic and Societal Impacts of Open Access: An Evidence-Based Review // *F1000Research*. Vol. 5. № 632. URL: <https://f1000research.com/articles/5-632/v3> (дата доступа: 18.02.2025).

UNESCO (2021). Recommendation on Open Science // UNESCO General Conference. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379949> (дата доступа: 14.01.2025).

Wicherts J. M., Bakker M., Molenaar D. (2011). Willingness to Share Research Data Is Related to the Strength of the Evidence and the Quality of Reporting of Statistical Results // *PLOS ONE*. Vol. 6. № 11. Art. e26828.

Wiley (2024). Article Publication Charges (APCs) for Open Access Journals // Wiley Author Services. URL: <https://authorservices.wiley.com/author-resources/Journal-Authors/open-access/article-publication-charges/index.html> (дата доступа: 01.02.2025).

REFERENCES

Amano T., González-Varo J. P., Sutherland W. J. (2016) “Languages Are Still a Major Barrier to Global Science”, *PLOS Biology*, vol. 14, no. 12, art. e2000933.

“Berlin Declaration on Open Access to Knowledge in the Sciences and Humanities” (2003), *Max Planck Society* (<https://openaccess.mpg.de/Berlin-Declaration>, accessed on 14.01.2025).

Bohannon J. (2013) “Who’s Afraid of Peer Review?”, *Science*, vol. 342, no. 6154, pp. 60–65.

“Budapest Open Access Initiative” (2002), *Open Society Institute* (<https://www.budapestopenaccessinitiative.org/read>, accessed on 14.01.2025).

Camerer C. F. et al. (2018) “Evaluating the Replicability of Social Science Experiments in Nature and Science between 2010 and 2015”, *Nature Human Behaviour*, vol. 2, no. 9, pp. 637–644.

Canessa E. et al. (2003) “Monitoring the Digital Divide” (*arXiv preprint*) (<https://arxiv.org/abs/physics/0305016>, accessed on 02.02.2025).

Center for Open Science (2024a) “Brief History of COS (2013–2017)”, *Center for Open Science* (<https://www.cos.io/about/brief-history-cos-2013-2017>, accessed on 02.02.2025).

Center for Open Science (2024b) “Anniversary Timeline of Open Science Initiatives”, *Center for Open Science* (<https://www.cos.io/timeline>, accessed on 02.02.2025).

“Common Crawl Foundation” (2024), *Common Crawl* (<https://commoncrawl.org>, accessed on 30.01.2025).

Contreras J. L. (2011) “Bermuda’s Legacy: Policy, Patents and the Design of the Genome Commons”, *Minnesota Journal of Law, Science & Technology*, vol. 12, p. 61.

Copernicus Climate Change Service (C3S) (2024) “Climate Data Store”, *European Centre for Medium-Range Weather Forecasts (ECMWF)* (<https://climate.copernicus.eu>, accessed on 30.01.2025).

Dienlin T. et al. (2021) “An Agenda for Open Science in Communication”, *Journal of Communication*, vol. 71, iss. 1, pp. 1–26.

European Commission (2018) “Open Science Policy Platform Recommendations”, *European Commission Report* (https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024/our-digital-future/open-science/open-science-policy-platform_en, accessed on 14.01.2025).

European Commission (2021) “Horizon Europe: The EU Research & Innovation Programme (2021–2027)”, *European Union* (https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en, accessed on 01.02.2025).

“European Social Survey (ESS)” (2024), *European Research Infrastructure* (<https://www.europeansocialsurvey.org>, accessed on 30.01.2025).

Fanelli D. (2020) “Pressures to Publish: What Effects Do We See?”, *Gaming the Metrics: Misconduct and Manipulation in Academic Research* (ed by M. Biagioli, A. Lippman), Cambridge (MA): MIT Press, pp. 191–208.

Fecher B., Friesike S. (2014) “Open Science: One Term, Five Schools of Thought”, *Opening Science*, Springer Intern. Publ., pp. 17–47.

Fox J. et al. (2021) “Open Science, Closed Doors? Countering Marginalization through an Agenda for Ethical, Inclusive Research in Communication”, *Journal of Communication*, vol. 71, no. 5, pp. 764–784.

Franco A., Malhotra N., Simonovits G. (2014) “Publication Bias in the Social Sciences: Unlocking the File Drawer”, *Science*, vol. 345, no. 6203, pp. 1502–1505.

González-Alcaide G., Valderrama-Zurián J. C., Aleixandre-Benavent R. (2012) “The Impact Factor in Non-English-Speaking Countries”, *Scientometrics*, vol. 92, pp. 297–311.

Grudniewicz A. et al. (2019) “Predatory Journals: No Definition, No Defence”, *Nature*, vol. 576, pp. 210–212.

Hanson M. A. et al. (2023) “The Strain on Scientific Publishing” (*arXiv Preprint*), *arXiv: 2309.15884* (<https://arxiv.org/abs/2309.15884>, accessed on 16.02.2025).

Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE) (2024) “Article Processing Charges”, *IEEE Open* (<https://open.ieee.org/for-authors/article-processing-charges/>, accessed on 01.02.2025).

International Science Council (2020) “Open Science: Making Science Global”, *International Science Council Report* (<https://council.science/publications/open-science-making-science-global/>, accessed on 14.01.2025).

International Science Council (2025) “Freedom and Responsibilities in Science”, *International Science Council* (<https://council.science/our-work/freedom-and-responsibility-in-science/>, accessed on 14.01.2025).

John L. K., Loewenstein G., Prelec D. (2012) "Measuring the Prevalence of Questionable Research Practices with Incentives for Truth Telling", *Psychological Science*, vol. 23, no. 5, pp. 524–532.

Kerr N. L. (1998) "HARKing: Hypothesizing after the Results Are Known", *Personality and Social Psychology Review*, vol. 2, no. 3, pp. 196–217.

Klimenko I. M., Gan O. I. (2024) "The Ambivalent Influence of Digitalization Factor on the Problem of Harassment in Education", *Electronic Archive of UrFU* (https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/95222/1/978-5-7996-3110-9_2020-15.pdf, accessed on 02.02.2025).

Konno S., Amano T. (2022) "The Loss of Non-English-Language Science: Patterns of Growth and Decline in Non-English Documents Indexed in Scopus and Web of Science", *Scientometrics*, vol. 127, no. 3, pp. 1383–1405.

Konyisheva K. V., Struk N. M. (2014) "Theoretical Approaches to the Analysis of New Marginal Groups", *iPolytech Journal* (<https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-analizu-novyh-marginalnyh-grupp>, accessed on 02.02.2025).

Laakso M. et al. (2011) "The Development of Open Access Journal Publishing from 1993 to 2009", *PLOS ONE*, vol. 6, no. 6.

"Languages Still a Major Barrier to Global Science, New Research Finds" (2016), *University of Cambridge* (<https://www.cam.ac.uk/research/news/languages-still-a-major-barrier-to-global-science>, accessed on 14.01.2025).

LeBel E. P. (2024) "Transparency Leaderboard", *Curate Science* (<https://etiennelebel.com/cs/t-leaderboard/t-leaderboard.html>, accessed on 02.02.2025).

Moher D. et al. (2017) "Predatory Journals: What Can We Do to Protect Their Prey?", *JAMA Network*, vol. 317, no. 5, pp. 567–568.

National Institutes of Health (NIH) (2024) "Public Access Policy Overview", *NIH* (<https://sharing.nih.gov/public-access-policy/public-access-policy-overview>, accessed on 01.02.2025).

Nosek B. A. et al. (2018) "The Preregistration Revolution", *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 115, no. 11, pp. 2600–2606.

OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) (2021) "Open Science: Enabling Discovery in the Digital Age", *OECD Publishing* (https://www.oecd.org/en/publications/open-science-enabling-discovery-in-the-digital-age_81a9dcf0-en.html, accessed on 30.01.2025).

Open Science Collaboration (2015) "Estimating the Reproducibility of Psychological Science", *Science*, vol. 349, no. 6251, art. aac4716.

OpenStreetMap Foundation (2024) "OpenStreetMap", *OSM* (<https://www.openstreetmap.org>, accessed on 30.01.2025).

Rocher L., Hendrickx J. M., Montjoye Y.-A., de (2019) "Estimating the Success of Re-Identifications in Incomplete Datasets Using Generative Models", *Nature Communications*, vol. 10, no. 1, art. 3069.

"San Francisco Declaration on Research Assessment" (2020), *Scientific Editor and Publisher*, vol. 5, no. 1, pp. 51–53.

Schmitz K. M. et al. (2023) "Open-Science Guidance for Qualitative Research: An Empirically Based, Stakeholder-Driven Framework for Qualitative Data Sharing", *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*, vol. 6, no. 3 (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/25152459231205832>, accessed on 02.02.2025).

Shearer K. (2024) "Bridging the Digital Divide: How Repository Networks Are Shaping the Future of Open Science", *Scientia* (<https://www.scientia.global/wp-content/uploads/Kathleen-Shearer-COAR.pdf>, accessed on 02.02.2025).

Simmons J. P., Nelson L. D., Simonsohn U. (2011) "False-Positive Psychology: Undisclosed Flexibility in Data Collection and Analysis Allows Presenting Anything as Significant", *Psychological Science*, vol. 22, no. 11, pp. 1359–1366.

“Sloan Digital Sky Survey (SDSS)” (2024), *The SDSS Collaboration* (<https://www.sdss.org>, accessed on 30.01.2025).

Solomon D., Björk B. (2017) “The Cost of Article Processing Charges (APC) for Open Access: Experience of Research Universities in the USA and Canada”, *Scientific Editor and Publisher*, vol. 2, no. 2–4, pp. 89–106.

Solovyova T. O., Solovyov D. N. (2017) “On the Implementation of the Principle of Academic Freedom in Modern University Education”, *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 281–304.

SpringerOpen (2024) “Article Processing Charges (APCs) and Open Access Publishing”, *Springer Nature* (<https://www.springeropen.com/get-published/article-processing-charges>, accessed on 01.02.2025).

Suber P. (2012) *Open Access*, MIT Press.

Tennant J. et al. (2016) “The Academic, Economic, and Societal Impacts of Open Access: An Evidence-Based Review”, *F1000Research*, vol. 5, no. 632 (<https://f1000research.com/articles/5-632/v3>, accessed on 18.02.2025).

UNESCO (2021) “Recommendation on Open Science”, UNESCO General Conference (<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379949>, accessed on 14.01.2025).

Wicherts J. M., Bakker M., Molenaar D. (2011) “Willingness to Share Research Data Is Related to the Strength of the Evidence and the Quality of Reporting of Statistical Results”, *PLOS ONE*, vol. 6, no. 11, art. e26828.

Wiley (2024) “Article Publication Charges (APCs) for Open Access Journals”, *Wiley Author Services* (<https://authorservices.wiley.com/author-resources/Journal-Authors/open-access/article-publication-charges/index.html>, accessed on 01.02.2025).

От естественного к искусственному конструированию живых систем

Валентина Редникина

Самарский университет (Самара)

E-mail: valentina-8107@mail.ru

Аннотация. Вопрос о конструировании живого обуславливает трансформацию онтологии, возникающую вследствие глубокого проникновения технологий в живые системы. Речь идет о переоценке основополагающих категорий — таких как жизнь, искусственное и естественное, человеческая идентичность, — вызывающей сложнейшие этические, философские и правовые вопросы. Данное исследование фокусируется на науках о жизни, анализирует их специфику и классификацию. Прорыв в экспериментальных методах, особенно в молекулярной биологии и геномике, вывел бионауки на передовые позиции. Мы можем «читать» и «писать» геномы, моделировать жизнь на разных уровнях. Граница между органическим и неорганическим размывается. Это порождает новую онтологию, где молекулы рассматриваются не только как строительные блоки жизни, но и как носители информации, элементы сложных информационных систем. Живые организмы предстают как сложные саморегулирующиеся машины, поддающиеся инженерному вмешательству. Этот сдвиг превратил биологию в нечто большее, чем просто науку; она становится «технобиологическим искусством», сочетающим глубокое понимание жизни с возможностью ее целенаправленного конструирования и изменения. Классическое разделение на субъект и объект размывается. Биологические исследования все больше становятся интегрированными с цифровыми технологиями, создавая сложные компьютерные модели живых систем.

Ключевые слова: кибернетика, ДНК, синтетическая биология, генетика, живые системы, искусственный интеллект, цифровые технологии, CRISPR-Cas.

Для цитирования: Редникина В. (2025). От естественного к искусственному конструированию живых систем // Patria. Т. 2. № 3. С. 82–91.

doi: 10.17323/patria.2025.27622

From Natural to Artificial Design of Living Systems

Valentina Rednikina

Samara University (Samara)

E-mail: valentina-8107@mail.ru

Abstract. The question of constructing the living determines the transformation of ontology that arises as a result of the deep penetration of technologies into living systems. This is a reassessment of fundamental categories such as life, artificial and natural, human identity, which raises complex ethical, philosophical and legal questions. The study focuses on the life sciences, analyzing their specificity and classification. Breakthroughs in experimental methods, especially in molecular biology and genomics, have brought biosciences to the forefront. We can “read” and “write” genomes, model life at different levels. The boundary between the organic and the inorganic is blurred. This gives rise to a new ontology, where molecules are considered not only as building blocks of life, but also as information carriers, elements of complex information systems. Living organisms appear as complex self-regulating machines that can be engineered. This shift has turned biology into something more than just a science; it becomes a “technobiological art” that combines a deep understanding of life with the ability to purposefully construct and change it. The classical division between subject and object is blurred. Biological research is increasingly integrated with digital technologies, creating complex computer models of living systems.

Keywords: cybernetics, DNA, synthetic biology, genetics, living systems, artificial intelligence, digital technologies, CRISPR-Cas.

For citation: Rednikina V. (2025) "From Natural to Artificial Design of Living Systems", *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 82–91.

doi: 10.17323/patria.2025.27622

Применение к биологическим системам понятий информации и кодирования, управления и обратной связи, а также кибернетической методологии в целом обогатило трактовку многих традиционных биологических проблем и — что представляется более важным — содействовало постановке и разработке новых вопросов (например, о расшифровке генетического кода). Более того, эксперименты и научные исследования переживают революцию, связанную с широким внедрением компьютерного моделирования. По аналогии с экспериментами *in vivo* (на живом организме) и *in vitro* (в пробирке) эксперименты, проводимые с помощью цифровых технологий, получили название *in silico*. Это позволяет исследователям проводить виртуальные эксперименты, моделируя сложные биологические процессы, которые трудно или невозможно воспроизвести в лабораторных условиях. Метод «*in silico*» особенно ценен при изучении систем, состоящих из множества взаимодействующих компонентов, таких как метаболические сети, сигнальные пути или экосистемы.

Кибернетические идеи стали важным компонентом исследовательских программ и методик современной биологии, особенно в таких областях, как системная биология, синтетическая биология, биоинформатика и так далее:

Кибернетика изучает наиболее общие формы процессов управления сложными динамическими системами, передачи и переработки в них информации. Сложными динамическими системами называют системы, состоящие из множества взаимосвязанных структурных элементов, выполняющих определенные функции и способных к различным изменениям своего состояния в меняющейся среде (Шахнович, 1966: 7–8).

Например, системная биология — это междисциплинарная область науки, использует интегративный подход, объединяя данные из различных источников и применяя математическое моделирование для изучения взаимодействий между компонентами системы и прогнозирования ее поведения. Ключевым аспектом данного подхода является интеграция данных из различных высокопроизводительных методов, таких как секвенирование нового поколения (NGS, или Next-generation sequencing); данные ChIP-seq¹ позволяют определить места связывания транскрипционных факторов на геноме. Эти данные, в свою очередь, могут быть интегрированы с данными об экспрессии генов, полученными методами RNA-seq² или ДНК-микрочипов. Сравнение профилей экспрессии генов в диком типе и мутантных линиях по интересующему нас транскрипционному фактору позволяет выявить гены, прямо или косвенно регулируемые этим фактором. Более того, интеграция данных может включать информацию о взаимодействиях белок-белок (например, эксперименты по коиммунопреципитации в сочетании с масс-спектрометрией — Co-IP/MS)³, метаболических путях (полученных из геномных баз данных и экс-

периментальных данных о ферментативной активности), а также данные о взаимодействиях с окружающей средой. Транскриптомика, протеомика, метаболомика и прочие «омические» исследования, объединяющие данные о геноме, позволяют создать более полную и точную картину работы биологической системы:

Компьютерные модели транскрипции необходимы как для успешного предсказания особенностей экспрессии генов, так и для выполнения прикладных исследований, например, реконструкции регуляторных сетей, создания генетических конструкций с заданными свойствами, исследования механизмов заболеваний, канцерогенеза, поиска мишеней для лекарств, токсикологических исследований, выявления ключевых биомаркеров (Орлов и др., 2014: 85; также см.: Tucker, Marra, 2009).

Важность отрицательных обратных связей в поддержании гомеостаза живых систем, впервые предложенная Норбертом Винером и его коллегами, остается ключевым понятием. Они обеспечивают стабильность системы, компенсируя флуктуации и отклонения от оптимального состояния. Это иллюстрирует принцип «целое больше, чем сумма его частей», сформулированный Аристотелем, — принцип, который лежит в основе системной биологии. Взаимодействия между компонентами системы приводят к появлению новых свойств и функций, которые невозможно предсказать, просто суммируя свойства отдельных компонентов. Например, взаимодействие между белками в сигнальном пути может привести к нелинейным эффектам, таким как переключение системы между двумя различными состояниями.

Современные науки о жизни немыслимы без мощных вычислительных ресурсов, «волны новых технологий, рожденной четвертой промышленной революцией» (Шваб, 2016). Развитие методов машинного обучения и искусственного интеллекта дополнительно усиливает возможности бионауки в обработке и интерпретации больших данных:

Технологии четвертой промышленной революции — это не просто инструменты, а то, что может радикально изменить социальные системы и процессы, нормы, правила, ожидания, цели, организации и стимулы. В связи с этим они уже перестали быть просто технологиями и могут рассматриваться как системы, в которых при помощи этих технологий решаются проблемы человека и общества (Ястреб, 2020: 81).

Генная инженерия — это тоже набор «инструментов» по созданию искусственных генетических структур, в конечном счете — создание организмов с новыми наследственными свойствами. Еще в Средние века люди мечтали создать гомункулуса — маленького искусственного человека. Но тогда рассчитывали на магические силы. Теперь мы можем надеяться на возможности экспериментальной биологии. Однако несомненно, что скоро генетики окажутся в положении химиков-синтетиков, давно отошедших от образцов, заготовленных природой, и создавших огромный мир органических соединений, которые можно считать исключительным творением человека.

Успехи генной инженерии продемонстрировали, что содержание современной биологии уже не исчерпывается познавательной задачей — отражением окружающего живого мира и человека как его части, а показывает, что биология стала практически средством изменения этого мира

для удовлетворения нужд людей, сплетенных в сложный клубок социальных процессов:

Расширение возможностей геной инженерии, как, например, в случае с клонированием, делает даже наследственность технически модифицируемой. Все такого рода разработки в своей совокупности делают до сих пор недоступное, т. е. то, что ранее неизбежно рассматривалось как данное «самой природой», доступным для человеческого воздействия с помощью научной техники (Горохов, Грунвальд, 2011: 136).

Анализируя ход событий,

приведших к возникновению генетической инженерии, следует прежде всего отметить, что она не возникла подобно Афродите из морской пены и не принесла с собой нового видения биологических явлений, новых познавательных идей и необходимости ломки сложившихся представлений (при этом имеются в виду представления современные, а не 50-х годов). Понимание природы наследственности, ее проблематика остались прежними, но коренным образом изменились возможности проникновения в глубь явлений (Фролов, 1988).

Вопрос, который обычно задают в связи с генетической инженерией, таков: можно ли с ее помощью создавать новые организмы? Ответ на этот вопрос утвердительный. Однако необходимо сделать некоторые оговорки. Количество генетической информации, которой оперирует современный исследователь, невелико. Даже если бы оно было значительно увеличено, в искусственно созданных структурах информация не может быть организована так, как это необходимо для создания полностью нового организма.

Наши представления о структурной основе генетической регуляции еще очень несовершенны. В бактериальную клетку может быть введено только ограниченное число генов, и они способны изменить ее генетический статус лишь в некоторой мере. Но возможность вводить в клетку чужеродную информацию, относящуюся не только к другому биологическому виду, но даже типу, меняет положение. Кишечная палочка, содержащая функционирующие гены человека, — безусловно, новый организм. К примеру, Крейг Вентер синтезировал живую клетку, контролируемую химически синтезированным геномом. Только благодаря энтузиазму журналистов достижение приравнивали к созданию искусственной жизни⁴.

Генетическая инженерия представляет собой одну из самых революционных областей в науках о жизни, которая позволяет исследовать генетический материал и манипулировать им на молекулярном уровне. Основная особенность этой дисциплины заключается в том, что она предоставляет возможность воспроизводить и изменять ключевые генетические процессы, которые в природе происходят в рамках целого организма. В лабораторных условиях ученые могут изолировать, модифицировать и внедрять гены, что открывает новые горизонты в биологии и медицине. В отличие от естественного процесса, где гены функционируют в сложной системе взаимодействий внутри организма, в генетической инженерии исследователь становится своего рода архитектором. Он обращается с генами как с инструментами, которые можно адаптировать под конкретные нужды. Это может включать в себя как выделение фрагментов ДНК из природных источников, так и синтезирование новых последовательностей с нуля:

По мере развития научных исследований и техники был разработан метод CRISPR-Cas — на сегодня один из наиболее востребованных инструментов генной терапии. «Генетические ножницы» могут воздействовать на геном клеток *ex vivo* и *in vivo*. Хотя может показаться, что вырезание безопаснее вставления, так как ничего нового не добавляется, на самом деле это не так. Риск развития осложнений после применения генотерапии и CRISPR-Cas примерно одинаковый: всегда существует вероятность, что генетические ножницы вырежут что-то не там и уберут «ненужное» (Редникина, Ястреб, 2023: 36).

Важно отметить, что такие исследования требуют строгого контроля и соблюдения этических норм, чтобы минимизировать риски и обеспечить безопасность как людей, так и окружающей среды. Таким образом, генетическая инженерия представляет собой мощный инструмент, который при правильном использовании может значительно улучшить качество жизни и решить многие проблемы современности. Однако с этим инструментом приходит и ответственность, что требует от ученых и общества в целом осознания возможных последствий и этических аспектов использования таких технологий.

В фундаментальной концепции эволюции научной рациональности, предложенной В. С. Стёпиным, выделяется три исторических типа: классический, неклассический и постнеклассический. При этом последний

связан с серьезным принятием во внимание роли субъекта научной деятельности в производстве знания: используемых им средств исследования (система отсчета, приборы), его ценностей — не только внутринаучных, но и вненаучных, в частности и прежде всего этических. Это связано, как считал Вячеслав Семенович, с тем, что на этой стадии наука все больше начинает иметь дело с изучением самого человека, становится все более «человекоразмерной» и поэтому не может не считаться с человеческими нуждами и потребностями. Иными словами, наука становится в некотором смысле все более «человеченной» и «гуманизированной» (Наука и феномен человека..., 2023: 19–20).

Конструирование «живого» с помощью ИИ ставит перед нами множество этических и философских вопросов: что такое жизнь, что значит быть «живым» и каковы моральные обязательства, связанные с созданием новых форм жизни? Традиционно жизнь определяется через биологические признаки: метаболизм, рост, размножение и реакция на раздражение. Однако ИИ способен имитировать эти признаки, ставит под сомнение наши представления о том, что значит быть «живым»: «На наших глазах происходит становление искусственной природы третьего порядка, этот процесс связан с появлением интеллектуальных артефактов, искусственных понятий, или нечеловеческих форм рефлексии» (Нестеров, 2024: 91). Так, в 2024 году

компания Profluent предоставила OpenCRISPR-1⁵ — первый в мире генный редактор, созданный с помощью искусственного интеллекта. Для создания OpenCRISPR-1 был собран набор данных из более чем миллиона CRISPR-последовательностей. Это удалось благодаря систематическому анализу 26 терабайт собранных геномов и метаженомов. С помощью AI появилась возможность генерировать в 4,8 раза больше белковых кластеров, чем существует в природе (ИИ-революция..., 2024).

Подобные инновации требуют философского осмысления:

Цифровые трансформации и их влияние на субъектность. Это антропологическая революция или катастрофа? Обращаясь к аналогичной дилемме о влиянии цифро-

визации на человечество, В. А. Лекторский напоминает о поставленных в свое время Кантом вопросах, на которые должна ответить философия: что я могу знать, что я должен делать, на что я могу надеяться? Спрашивается: каков должен быть ответ на эти вопросы в контексте влияния ЦТ на субъектность? Известно, что сейчас большее внимание уделяется позитивным аспектам этого процесса, фактически в начале XXI века имеет место фетишизация ЦТ и ИИ (Дубровский и др., 2022).

Отчуждение от собственного тела — философская проблема, приобретающая особую остроту в условиях стремительного научно-технического прогресса. Мы наблюдаем не просто изменение восприятия, а коренной сдвиг в самом понимании того, что значит быть человеком. Тело перестает быть исключительно биологическим субстратом, оно становится объектом манипуляции, подвергается модификациям, дополняется технологиями, превращаясь в своего рода кибернетический артефакт (искусственные органы, импланты, микрочипы и так далее): «Уже введено в обиход понятие “постчеловек”, хотя и не всегда четко определяемое, но включающее в качестве составных смыслов идею изменения биологической основы человека» (Дубровский, 2013: 19). В информационную эпоху, когда данные и информация приобретают первостепенное значение, концепция материальности тела отступает на второй план. Наша сущность все больше определяется не просто физическими характеристиками, а сложными структурами, закодированными в нашем генетическом коде. Наше «я» размывается между биологическим телом и цифровым пространством.

Мы все чаще рассматриваем себя не только как биологический организм, но и как совокупность генетической информации, как носителей определенного кода, как набор больших данных, которые можно анализировать, изменять и даже воспроизводить. Наш генетический профиль становится неотъемлемой частью самоидентификации, определяющим фактором нашего самовосприятия. Мы начинаем мыслить в категориях генетической информации, генетической предрасположенности, генетической совместимости. Это приводит к тому, что человек уже воспринимается не как целостный субъект, а скорее как набор данных, как сложный алгоритм, считываемый и модифицируемый. Дефиниция «человек» в качестве *Homo sapiens* постепенно заменяется на *Homo digitalis*. Этот новый человек — не просто трансформация биологического организма, а существо, тесно связанное со своим цифровым следом, с потоками информации, с виртуальным пространством. Это заставляет нас переосмысливать понятия жизни, идентичности, индивидуальности, свободы воли, ответственности и так далее:

Жизнь, определяемая как процесс, который обладает способностью к самовоспроизводству при сохранении сложности, может проходить в своем развитии через три этапа: биологическая эволюция (Жизнь 1.0), культурная эволюция (Жизнь 2.0) и технологическая (Жизнь 3.0). Искусственный интеллект может позволить нам сделать Жизнь 3.0 реальностью уже в этом веке, а значит, нам пора начинать всерьез задумываться о том, к какому будущему мы должны стремиться и каким образом оно может быть достигнуто (Тегмарк, 2019: 27).

Мы стоим на пороге эпохи, которая «с характерным для нее интенсивным развитием биотехнологий проблематизировала возможность демаркации границы между технологическими артефактами и естественными

объектами» (Попова, 2017: 4). Это не просто вопрос технологического прогресса, а вопрос о нашем будущем, о нашем понимании самих себя, где биологическое и цифровое неразрывно переплетаются:

В наше время терминологическое обозначение этого планетарного события, введенное Э.Ласло, — Макросдвиг (у иных авторов это Большой антропологический переход) — вызывает пристальное внимание философов и ученых разных дисциплинарных направлений к попыткам разобраться в его причинах, движущих силах, перспективах дальнейшего развития сложившихся тенденций, свидетелями которых мы являемся, и прогнозированию будущего... В этой ситуации актуализируется гуманитарная составляющая трансформационных сил, ответственных за ценностно-конструктивный потенциал присутствия неизбывных во все времена представлений о Добре, Благе, Красоте, Истине, которые в явном и неявном виде сегодня вкладываются в обучающие множества нейросетей ИИ, закрепляя большие смыслы человеческого существования (Наука и феномен человека..., 2023: 7–8).

С возникновением генетической инженерии «экспериментальная биология вступила в новую фазу развития, которую можно назвать творческой. Ведь человек здесь выступает скорее в роли созидателя, а не робкого наблюдателя природы» (Баев, 2020). Значение генетической инженерии по мере усовершенствования ее методических приемов, несомненно, будет возрастать, и думается, что уже в ближайшие годы возможны крупные неожиданные прорывы в познании строения и функционирования генетического аппарата.

Генетическая инженерия, как и совокупность биологических направлений, обычно объединяемых названием «физико-химическая биология», нацелена на завтрашний день. Мир искусственных генетических структур станет таким же закономерным результатом достижений науки и техники, каким является сегодня мир искусственных соединений, синтезированных органической химией. И безусловно, воля людей может предупредить антигуманное использование возможностей генетической инженерии.

Будущее физико-химической биологии неразрывно связано с отношением человечества к окружающей среде. Прогнозировать ее развитие — значит предсказывать судьбу планеты. Два сценария развития событий кардинально меняют роль этой науки. Первый сценарий предполагает продолжающуюся деградацию природной среды под воздействием антропогенных факторов. Масштабная индустриализация, неконтролируемое потребление ресурсов, изменение климата и утрата биоразнообразия ведут к формированию искусственной среды обитания, радикально отличающейся от естественной. В этом случае физико-химическая биология превращается не просто в науку, а в ключевую технологическую дисциплину, обеспечивающую перестройку и адаптацию окружающего мира к нуждам человека.

Задачи технобиологии будут включать разработку и внедрение технологий — создание искусственных организмов, разработку новых материалов, имитирующих природные структуры, генетическое модифицирование организмов для выживания в экстремальных условиях и создание систем мониторинга и прогнозирования состояния окружающей среды на основе сложных математических моделей, учитывающих взаимодействие

биологических, химических и физических факторов. Например, разработка биосенсоров для оперативного обнаружения токсичных веществ станет критически важной, так же как и создание устойчивых к загрязнителям сельскохозяйственных культур с помощью генной инженерии.

Второй сценарий — это сценарий сохранения, когда человечество осознает необходимость бережного отношения к природе и станет принимать меры по ее сохранению. В этом случае физико-химическая биология будет играть не менее важную, хотя и другую роль. Усилия будут направлены на разработку методов защиты биологического разнообразия, на создание инструментов для мониторинга и прогнозирования изменений в экосистемах, на разработку методов устойчивого использования природных ресурсов. Важнейшим направлением станет разработка методов восстановления поврежденных экосистем (например биоремедиация), изучение влияния климатических изменений на биоразнообразие и разработка стратегий адаптации к этим изменениям. Например, исследования в области биогеохимии позволят более точно предсказывать изменения в круговороте веществ и энергии в экосистемах, а разработка новых методов биомониторинга поможет оценить состояние природных ресурсов и эффективность мер по их охране.

В обоих сценариях физико-химическая биология занимает центральное место, играя решающую роль в определении будущего нашей планеты. Выбор между этими сценариями определяется нами — нашим отношением к природе и нашей способности к холистическому видению через трансдисциплинарный подход к проблематике:

Как пишет философ концептуального искусства Б. Гройс, «на протяжении долгого времени человеку онтологически отводилась средняя позиция между Богом и животным. При этом казалось более престижным стоять ближе к Богу и дальше от животного. Но в Новое время мы обычно располагаем человека между животным и машиной. В этом новом контексте кажется, что лучше быть животным, чем машиной». Привычный комментарий, что у AI будет только то, чему мы его обучим, — несостоятелен: у эволюции свои законы, и сложные системы любого генеза могут развиваться сами по себе, с мало предсказуемым результатом (Лекторский, 2022: 163).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иммунопреципитация хроматина с последующим секвенированием (ChIP-seq). Это метод, в котором используются антитела для избирательного обогащения ДНК-связывающих белков и их соответствующих мишеней в геномике.

² РНК-секвенирование — это метод для выявления наличия и количества молекул РНК в биологическом образце.

³ Это мощный аналитический метод, играющий ключевую роль в исследованиях взаимодействия белок-белок для идентификации белковых комплексов, кофакторов и сигнальных молекул.

⁴ В мире генетики был сделан очередной значительный шаг — синтезирование генома бактерии. Эта работа, безусловно, впечатляет своей технической сложностью и элегантностью, но заслуживает ли она столь масштабного общественного резонанса? Раздутая шумиха вокруг события, по всей видимости, преувеличивает его значение. Важно понимать, что речь не идет о создании искусственной жизни с заранее заданными, произвольно выбранными свойствами. Эксперимент не приближает нас к созданию чего-то принципиально нового, а скорее представляет собой усовершенствование уже существующих технологий. Следует отметить, что создание искусственного генома не означает понимания всех тонкостей его функционирования. Даже после успешной «перезагрузки» генома в клетку-реципиент нель-

зя гарантировать, что новый организм будет функционировать так же, как его природный аналог. Множество взаимодействий между генами и белками остаются пока неясными и требуют дальнейших исследований. Эксперимент К. Вентера — это скорее демонстрация возможностей, чем прорыв, готовый к практическому применению.

⁵ OperCRISPR-1 способен: оптимизировать сразу несколько свойств, что может быть полезно при создании коммерческих проектов, ведь делает генную модификацию более быстрой и дешевой; предоставить доступ к еще большему разнообразию — с помощью AI появилась возможность экстраполировать на новые белковые пространства, которые еще не были освоены, тем самым выходя за рамки природных белков; активировать новые функции, ранее не доступные ученым.

ЛИТЕРАТУРА

Баев А. А. (2020). Различать действительность и фантастику // Мифология века НТР: Утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки: от Франкенштейна и эликсира бессмертия до «биокиборгов» и «постчеловека». М.: Ленанд. С. 27–29.

Горохов В. Г., Грунвальд А. (2011). Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высшее образование в России. № 5. С. 135–145.

Дубровский Д. И., Ефимов А. Р., Лепский В. Е., Славин Б. Б. (2022). Фетиш искусственного интеллекта // Философские науки. Т. 65. № 1. С. 44–71.

Дубровский Д. И. (2013). Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА.

ИИ-революция в генной инженерии: OpenCRISPR-1 открывает новую эру в редактировании ДНК (2024). URL: <https://habr.com/ru/companies/bothub/news/810813/> (дата доступа: 20.02.2025).

Лекторский В. А. (2022). Человек и системы искусственного интеллекта. СПб.: Юрид. центр.

Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига (2023) / ред. В. Г. Буданов. М.: Ин-т общегуманитар. исследований.

Нестеров А. Ю. (2024). Истина и польза в техническом мировоззрении // Философия науки и техники. Т. 29. № 1. С. 84–97.

Орлов Ю. Л., Васильев Г. В., Кулакова Е. В., Колчанов Н. А. (2014). Chip-seq данные и их анализ // Молекулярная и прикладная генетика. Т. 18. С. 84–97.

Попова О. В. (2017). Человек как артефакт биотехнологий. М.: Канон+.

Редникина В. Е., Ястреб Н. А. (2023). Типология и специфика философских проблем биологии // Семиотические исследования = Semiotic studies. Т. 3. № 4. С. 30–39.

Тегмарк М. (2019). Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: Corpus (АСТ).

Фролов И. Т. (1988). Философия и история генетики: поиски и дискуссии. М.: Наука.

Шахнович М. И. (1966). Кибернетика и атеизм (Что дает кибернетика для критики религии?). Л.: Знание.

Шваб К. (2016). Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.

Ястреб Н. А. (2020). Этические и социальные последствия технологий четвертой промышленной революции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. № 6. С. 79–81.

Tucker T. M., Marra J. M. (2009). Friedman Massively Parallel Sequencing: The Next Big Thing in Genetic Medicine // Am J Hum Genet. Vol. 85. № 2. P. 142–154.

REFERENCES

- AI Revolution in Genetic Engineering: OpenCRISPR-1 Opens a New Era in DNA Editing (2024), *Habr.com* (<https://habr.com/ru/companies/bothub/news/810813/>, accessed on 20.02.2025).
- Baev A. A. (2020) “Distinguish between Reality and Fiction”, *The Mythology of the NTR Century: Utopias, Myths, Hopes and Reality of the Latest Trends in Science: From Frankenstein and the Elixir of Immortality to “Bio-Cyborgs” and “Posthuman”*, Moscow: Lenand, pp. 27–29.
- Dubrovskij D. I. (2013) *Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution*, Moscow: Izdatel'stvo MBA.
- Dubrovskij D. I. et al. (2022) “Fetish of Artificial Intelligence”, *Filosofskie Nauki*, vol. 65, no. 1, pp. 44–71.
- Frolov I. T. (1988) *Philosophy and History of Genetics: Searches and Discussions*, Moscow: Nauka.
- Gorohov V. G., Grunval'd A. (2011) “Every Innovation Has a Social Character (Social Assessment of Technology as an Applied Philosophy of Technology)”, *Vyssee Obrazovanie v Rossii*, no. 5, pp. 135–145.
- Lektorskiy V. A. (2022) *Human and Artificial Intelligence Systems*, Saint Petersburg: Yuridicheskij centr.
- Nesterov A. Yu. (2024) “Truth and Usefulness in the Technical Worldview”, *Filosofiya Nauki i Tekhniki*, vol. 29, no. 1, pp. 84–97.
- Orlov Yu. L. et al. (2014) “Chip-seq Data and Its Analysis”, *Molekulyarnaya i Prikladnaya Genetika*, vol. 18, pp. 84–97.
- Popova O. V. (2017) *Human as an Artifact of Biotechnology*, Moscow: Kanon+.
- Rednikina V. E., Yastreb N. A. (2023) “Typology and Specificity of Philosophical Problems of Biology”, *Semioticheskie Issledovaniya. Semiotic Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 30–39.
- Schwab K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*, Moscow: Ehksmo.
- Science and Human Phenomenon in the Era of the Civilizational Macroshift* (2023) (Budanov V. G. (ed.)), Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanij, p. 17–74.
- Shakhnovich M. I. (1966) *Cybernetics and Atheism (What Does Cybernetics Give to the Criticism of Religion?)*, Leningrad: Znanie.
- Tegmark M. (2019). *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*, Moscow: Corpus (AST).
- Tucker T. M., Marra J. M. (2009) “Friedman Massively Parallel Sequencing: The Next Big Thing in Genetic Medicine”, *Am J Hum Genet*, vol. 85, no. 2, pp. 142–154.
- Yastreb N. A. (2020) “Ethical and Social Implications of Fourth Industrial Revolution Technologies”, *Sovremennaya Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Seriya: Poznanie*, no. 6, pp. 79–81.

Вопрос о морали: осмысление традиционных ценностей на примере медицинских практик

Регина Пеннер

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск);

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации традиционных ценностей в контексте современных медицинских практик. Основой для исследования служит неконвенциональная концепция ценностей, где ценности рассматриваются как трансцендентальные ориентиры, существующие вне рамок социальных соглашений. В статье уточняется, что эти ориентиры подвергаются постоянному пересмотру под воздействием технологических и социальных изменений. Подробно рассматриваются ключевые медицинские кейсы, такие как редактирование генома методом CRISPR, фармацевтические эксперименты, а также внедрение искусственного интеллекта в медицину. Пример эксперимента Хэ Цзянькуя с генетически модифицированными эмбрионами иллюстрирует этические и философские дилеммы, связанные с границами научного прогресса. Особое внимание уделяется биополитическому контексту вакцинации, где медицинская практика становится символом солидарности и контроля. Анализируется роль фармацевтических компаний в формировании дискурсов о ценностях через призму рыночной логики и социальной справедливости. Автор показывает, что традиционные ценности, такие как свобода, милосердие и ответственность, продолжают оставаться значимыми, но их интерпретация меняется в зависимости от контекста. Отдельно акцентируется внимание на дилемме взаимодействия между рыночной рациональностью и гуманистическими идеалами, что ярко проявляется в проблемах доступности медицинских технологий и препаратов. В статье фиксируется необходимость философской рефлексии для осмысления ценностей в новых технологических реалиях, предлагается интегративный подход, который учитывает как универсальный, так и локальный характер ценностных ориентаций. В Заключении выдвигается идея о том, что современные технологии требуют нового морального императива, направленного на поддержку наиболее уязвимых социальных единиц.

Ключевые слова: ценности, традиционные ценности, мораль, медицина, генно-модифицированные единицы, искусственный интеллект, милость, равенство.

Для цитирования: Пеннер Р. (2025). Вопрос о морали: осмысление традиционных ценностей на примере медицинских практик // Patria. Т. 2. № 3. С. 92–105.

doi: 10.17323/patria.2025.27623

The Question of Morality: Understanding Traditional Values in Medical Practices

Regina Penner

South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk);

Yaroslav Mudry Novgorod State University (Veliky Novgorod)

E-mail: penner.r.v@gmail.com

Abstract. The article analyzes the transformation of traditional values in the context of modern medical practices. The basis for the study is the unconventional concept of values, where values are considered as transcendental guidelines that exist outside the framework of social agreements. The article specifies that these guidelines are subject to constant revision under

the influence of technological and social changes. The article examines in detail key medical cases, such as genome editing using the CRISPR method, pharmaceutical experiments, and the introduction of artificial intelligence in medicine. The example of He Jiankui's experiment with genetically modified embryos illustrates the ethical and philosophical dilemmas associated with the boundaries of scientific progress. Particular attention is paid to the biopolitical context of vaccination, where medical practice becomes a symbol of solidarity and control. The role of pharmaceutical companies in shaping discourses on values is analyzed through the prism of market logic and social justice. The author shows that traditional values such as freedom, mercy, and responsibility continue to be significant, but their interpretation changes depending on the context. Special attention is paid to the dilemma of the interaction between market rationality and humanistic ideals, which is clearly manifested in the problems of accessibility of medical technologies and drugs. The article notes the need for philosophical reflection to understand values in new technological realities, offering an integrative approach that takes into account both the universal and local nature of value orientations. In conclusion, the idea is put forward that modern technologies require a new moral imperative aimed at supporting the most vulnerable social units.

Keywords: values, traditional values, morality, medicine, genetically modified units, artificial intelligence, mercy, equality.

For citation: Penner R. (2025) "The Question of Morality: Understanding Traditional Values in Medical Practices", *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 92–105.

doi: 10.17323/patria.2025.27623

Введение

Исследование природы ценностей подобно археологии смыслов раскрывает их как феномены, одновременно существующие в рамках и выходящие за рамки социальной утилитарности. Первый номер журнала «Patria» открыла статья Т.А. Вархотова, в которой обосновывалась неконвенциональная природа ценностей; ценности предшествуют любым формам социального договора и служат основанием актов, процессов (Вархотов, 2024). Подобный взгляд рассматривает ценности как трансцендентальные ориентиры. Тем не менее ценности невозможны в отрыве от человека, общества. Они обретают начало в конкретном антроподействии; они конструктивны в соответствии со становящейся природой действия и конвенциональны в коммуникациях человека.

В позитивистском подходе, в частности в работах Р. Инглхарта, ценности трактуются как продукты культурного контекста, как результат социальных практик. По Т.А. Вархотову, такой подход сужает диапазон анализа, превращая ценности в своего рода конвенции, которые поддаются изменениям и преобразованиям с течением времени. В этом он обнаруживает опасность: подменяя сущность ценностей их социальными интерпретациями, мы нивелируем их основополагающее значение; все это лишает ценности их фундаментального характера, сводя их к случайным социальным соглашениям. Но не в этих ли случайных соглашениях мы обретаем аксиологические ориентиры и нормативные практики?

Чтобы понять роль ценностей в контемпоральном мире, возможно рассмотреть их сквозь призму технологических трансформаций. Сегодня мы сталкиваемся с пулом проблем, когда традиционные ценности не всегда отвечают на новые вызовы. Показательным в этом плане выступает медицинский дискурс. Кейс с редактированием генома человека, как и пар-

тикулярные фармацевтические исследования, демонстрирует, как новые технологии ставят перед обществом вопросы, которые невозможно решить без пересмотра существующих моральных ориентиров.

Возьмем, к примеру, эксперимент китайского ученого Хэ Цзянькуя (贺建奎), который в 2018 году использовал метод редактирования генома для создания генетически модифицированных людей (Хэ Цзянькуй..., 2018). Это событие сразу привлекло внимание всего мира, поставив вопросы о моральных границах науки. Само право на вмешательство в геном человека и его этические последствия заставляют нас пересмотреть представление о ценностях (Zhang et al., 2019). Является ли вторжение в природу человека нарушением фундаментальных ценностей или, наоборот, этическим долгом, направленным на спасение жизней? Стимулом в экспериментах Хэ Цзянькуя стал вопрос, насколько эффективно будет редактирование генома человека в стадии его эмбрионального развития, если один из родителей — носитель ВИЧ-инфекции. И вновь обостряется вопрос, что важнее — моральные ориентиры или жизненные практики, направленные на улучшение здоровья человечества.

Конвенция о защите прав человека в контексте генетических исследований, подписанная в Овьедо в 1997 г., ограничивает возможности таких вмешательств, утверждая, что генетические модификации должны быть строго регламентированы (Lander et al., 2019). Однако с развитием технологий эти ограничения становятся все более размытыми. Вопрос о правомерности таких экспериментов не сводится к простому согласию или несогласию с технологическим прогрессом; он заставляет нас пересмотреть ценность человеческой жизни как таковую.

Другая важная проблема заключается в социальном контексте медицинских исследований, что в особенности затрагивает фармацевтические компании. Рандомизированные выборки и плацебо-контролируемые исследования стали стандартом для разработки новых препаратов, однако они влекут за собой аксиологические вопросы. Эти вопросы выходят на поверхность с неожиданной стороны. Тестируемые препараты предлагают определенной выборке из пациентов и врачей; вместе с препаратами в эксперимент включают плацебо. Проблемы возникают, когда пациенты, получившие плацебо, начинают демонстрировать положительную динамику; это утверждает чистоту эксперимента, но увеличивает срок вывода препарата в продажу. Подобные исследования подчеркивают ценность научного подхода — и одновременно с этим они демонстрируют социальное неравенство. В случаях, когда доступны лишь ограниченные ресурсы, доступ к новым препаратам становится предметом социальной борьбы. Таким образом, возникают вопросы, как нам примирить научный прогресс с социальными реалиями, как ценности справедливости и равенства могут быть интегрированы в медицинскую практику?

Ценности, будучи основополагающим ориентиром для индивидов и обществ, требуют постоянного осмысления и пересмотра в условиях глобальных изменений. Когда традиционные ценности начинают сталкиваться с новыми вызовами — от биотехнологий до социальной несправедливости, — важно понимать, что ценности не существуют в вакууме. Они на-

ходятся в постоянной динамике, и это изменение должно быть осмыслено не только с точки зрения науки, но и через призму философии, которая учитывает их универсальный характер.

In sum, ценности не могут быть сведены к эмпирическим наблюдениям или социальным соглашениям — и тем не менее трансформируются в реализации конкретных социальных кейсов. Их нужно рассматривать как динамичные ориентиры, которые могут быть локализованы, не утрачивая своей универсальности и фундаментальности. Речь идет об интегративном подходе, который требует философской рефлексии и внимательного анализа, позволяющего понять не только что такие ценности собой представляют, но и как они могут формировать будущее человечества.

Биополитика и ценности: медицина между этикой и властью

Контемпоральная медицина становится зоной, где размываются привычные границы между спасением и управлением, свободой и принуждением, индивидуальной автономией и коллективной ответственностью. На этой биополитической арене медицина больше не просто инструмент исцеления, но сложный дискурс, через который власть артикулирует себя, конструируя новые значения жизни, здоровья и тела (Фуко, 2010).

Случай Хэ Цзянькуя и его эксперименты с редактированием генома эмбрионов ярко иллюстрируют, как медицина переписывает саму ткань реальности. Геном становится текстом, доступным для редактирования, где каждый ген — знак, обещающий освобождение от страдания, но одновременно вводящий в новую систему кодирования. Рождение генетически модифицированных близнецов Лулу и Нана есть не просто научный прорыв, но символическая граница, где «естественное» уступает место «сконструированному» (Корнфельт, 2022). Однако эта граница зыбкая: как и любой текст, геном подвержен множественным интерпретациям. Медицина выступает в роли автора, но кто редактор? Государство, корпорации, сами субъекты? В этом смысле CRISPR не просто инструмент, а метафора власти, вмешивающейся в естественный порядок вещей.

CRISPR, или Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats, — это революционная технология редактирования генов, разработанная на основе бактериальной иммунной системы (Гринкевич, 2021). Она позволяет вносить точные изменения в последовательности ДНК, что дает ученым возможность эффективно и экономически выгодно модифицировать гены. Обычно в этом процессе задействован белок Cas9, который, будучи управляем РНК, находит и разрезает определенные нити ДНК, облегчая редактирование или регуляцию генов (CRISPR, 2025). С момента своего появления в 2012 г. CRISPR нашел широкое применение в сельском хозяйстве, медицине, исследованиях с потенциалом лечения генетических заболеваний и улучшения производства продуктов питания (Stanford Explainer..., 2024).

Согласно научному журналисту М. Прилламан, CRISPR-Cas9 выделяется среди инструментов редактирования генов по нескольким причинам:

1) эффективность и настройка: в отличие от традиционных методов (к примеру, активаторов транскрипции TALEN), CRISPR-Cas9 можно легко запрограммировать с помощью направляющей РНК, что значительно упрощает процесс проектирования;

2) нацеливание на несколько генов: CRISPR-Cas9 позволяет одновременно таргетировать несколько генов, что повышает его универсальность по сравнению с другими инструментами;

3) пониженная сложность: механизм CRISPR требует только один белок (Cas9) и направляющую РНК, что делает его более доступным для исследователей (Stanford Explainer, 2024).

В целом простота использования, эффективность и способность к мультиплексированию CRISPR-Cas9 делают его предпочтительным выбором в современной генной инженерии. Тем не менее этические проблемы, связанные с технологией CRISPR, достаточно широки. Среди них: а) редактирование генома человека: изменения эмбрионов могут передаваться по наследству, вызывая опасения медицинских специалистов по поводу непреднамеренных последствий для будущих поколений и потенциального социального неравенства (Souza, Mathew, Surapaneni, 2023); б) влияние на окружающую среду: изменение экосистем посредством редактирования генов создает риски для биоразнообразия и поднимает вопросы о праве человечества изменять природу (CRISPR Ethical Concerns, 2015); в) создание поколения Designer Babies: возможность выбора признаков по эстетическим или немедицинским причинам может привести к евгенике и этическим дилеммам относительно родительского выбора (Shinwari, Tanveer, Khalil, 2018); г) опасность генетического регулирования: существуют опасения по поводу побочных эффектов, необходимости строгих правил и потенциального нецелевого использования CRISPR в угрожающих человечеству целях (Shinwari, Tanveer, Khalil, 2018). Все эти проблемы подчеркивают необходимость постоянного общественного диалога и установления этических рамок для выработки руководства по дальнейшему применению CRISPR.

Роль медицинских институтов в трансформации традиционных ценностей

Медицинские институты не просто заботятся о здоровье, но активно участвуют в формировании и перераспределении ценностей. В прошлом они часто транслировали религиозные и этические нормы, поддерживая идеалы «естественности». Однако сегодня, в соответствии с обозначенным выше кейсом, медицинские технологии все чаще вступают в конфликт с этими традициями, переосмысливая их под влиянием новых социальных и культурных реалий.

Так, предимплантационная диагностика и выбор эмбриона на основании генетических данных изменяют представления о родительстве. Здоровье больше не воспринимается как «дар» природы, а становится продуктом технологической селекции. Это создает дилемму: медицина одновременно сохраняет старые ценности и подчиняет их логике управления. Рассмотрим поставленную дилемму в последовательном развитии

трех сюжетов — о вакцинации, об искусственном интеллекте и о выражающих так называемый конфликт ценностей партикулярных случаях фармацевтических компаний.

Вакцинация как ритуал биополитической солидарности

Вакцинация — это одновременно медицинская практика и социальный феномен, который отражает сложные взаимодействия между личностью, обществом и властью. Феномен вакцинации иллюстрирует, как медицинские институты формируют и трансформируют ценности, переосмысливая их в новых исторических и культурных условиях.

В XX веке массовая иммунизация олицетворяла идеал коллективной заботы и солидарности. Программы вакцинации воспринимались как инструмент защиты здоровья каждого отдельного человека и общества в целом. Существовала идея, что вакцинация — это акт альтруизма, который обеспечивает безопасность не только вакцинированным, но и уязвимым группам, неспособным защитить себя самостоятельно. Эти представления укоренились в эпоху борьбы с эпидемиями, когда здоровье общества зависело от коллективных действий (Meloni, Vatter, 2023).

Однако в условиях пандемии COVID-19 вакцинация приобрела новые значения, став не только медицинским, но и социальным, а иногда даже политическим актом. Получение прививки стало формой идентификации человека с «ответственным обществом», в котором забота о других рассматривается как моральный долг (Ajana, 2021). Вакцинация стала способом демонстрации солидарности с сообществом и уважения к нормам, установленным государственными институтами и международными организациями. Сертификат о вакцинации перестал быть исключительно медицинским документом, фиксирующим статус здоровья человека. Он превратился в символ социальной принадлежности, который открывает доступ к различным общественным благам: работе, путешествиям, культурным мероприятиям. Возникла своеобразная иерархия, где вакцинированные воспринимаются как «ответственные» и «лояльные» граждане, в то время как невакцинированные оказываются за пределами этого сообщества, подвергаясь моральному осуждению и административным ограничениям. Одновременно отказ от вакцинации стал актом сопротивления, который бросает вызов не только власти медицинских институтов, но и их ценностным рамкам. Для одних отказ — это выражение сомнений в эффективности вакцин, для других — протест против навязывания единых стандартов поведения, а для третьих — способ утвердить свою индивидуальность в мире, где коллективная идентичность играет доминирующую роль (Yetiskin, 2022). Такие действия отражают более широкий кризис доверия к институтам, который характерен для современного общества. Отказ от вакцинации может восприниматься как борьба за автономию, за право самому определять, что является ценным и правильным. Это делает вопрос вакцинации не только медицинской, но и этической проблемой, требующей анализа с позиций биополитики.

Биополитика в дискурсе М. Фуко подразумевает управление жизнью и телами через различные социальные и политические механизмы (Фуко, 2010). В этом контексте вакцинация становится инструментом биополитического контроля, с помощью которого государство не только заботится о здоровье граждан, но и устанавливает новые формы дисциплины и подчинения. Введение цифровых паспортов вакцинации, ограничений для невакцинированных и кампаний по продвижению прививок создает новые способы регулирования поведения, которые вызывают как поддержку, так и сопротивление. Таким образом, вакцинация не просто медицинская процедура, но и ритуал, через который общество переосмысливает свои ценности и нормы. Она объединяет людей, одновременно разделяя их, устанавливая новые линии солидарности и конфликта. Вакцинация становится символом эпохи, где индивидуальное и коллективное, личная свобода и общественная ответственность переплетаются в сложных, порой противоречивых формах.

Концепция имунитаризма, к примеру, отражает то, как общества балансируют между индивидуальными правами и коллективной ответственностью, часто ссылаясь на понятия жертвенности и защиты от вируса (Esposito, Campbell, 2006). Инициативы сообщества продемонстрировали формы солидарности, подчеркнув, что низовой активизм необходим для борьбы с кризисами в области здравоохранения, когда государственная поддержка ослабевает (Peters, Besley, 2022). Эта динамика иллюстрирует двойственную природу иммунитета, охватывающую как защитные меры, так и потенциал для системного неравенства, указывающего на определенный кризис гражданских ценностей.

Искусственный интеллект: медицина без субъекта?

Интеграция алгоритмов искусственного интеллекта в медицинскую практику коренным образом меняет не только способы диагностики и лечения, но и само понимание медицины. Современные технологии вытесняют традиционные ценности, такие как сострадание, эмпатия и автономия пациента, которые веками формировали основу медицинской этики.

Искусственный интеллект воспринимает пациента прежде всего как набор данных — совокупность показателей, биомаркеров, симптомов и медицинских историй. Эта информация становится основой для анализа и принятия решений, что, с одной стороны, повышает точность диагностики и эффективность лечения, а с другой — разрушает традиционное представление о медицине как пространстве человеческого взаимодействия. Пациент больше не воспринимается как уникальная личность с индивидуальным жизненным опытом и потребностями. Вместо этого тело становится объектом управления, а здоровье — задачей оптимизации.

Согласно позиции В. Х. Буха и коллег из «Cera Care» (Великобритания), такой подход ставит под вопрос саму суть медицинской практики (Buch, Ahmed, Maruthappu, 2018). Если раньше врач был не только специалистом, но и моральным авторитетом, чье участие в процессе лече-

ния базировалось на принципах заботы и уважения к личности пациента, то теперь алгоритмы ИИ начинают заменять эти функции. Они предлагают диагнозы, прогнозируют развитие заболеваний и даже разрабатывают планы лечения, часто исключая врача как посредника между пациентом и медицинской системой.

Еще в начале XXI века подобный подход понимался как дегуманизация медицины, где акцент смещается с человеческого взаимодействия на эффективность и технологичность (Liesen, Walsh, 2012). С одной стороны, ИИ действительно способен улучшить качество медицинской помощи, минимизируя ошибки, вызванные человеческим фактором. Алгоритмы обучаются на огромных массивах данных, что позволяет им обнаруживать паттерны, недоступные человеческому восприятию. Но с другой стороны, в этой системе теряется индивидуальный подход, а вместе с ним — важные элементы доверия и сочувствия, которые играют ключевую роль в выздоровлении пациента. Кроме того, использование ИИ в медицине порождает вопросы о субъекте ответственности. Если диагноз или решение о лечении оказывается ошибочным, кто должен нести ответственность — врач, полагавшийся на рекомендации алгоритма, или разработчики технологии? Этот вопрос становится особенно острым в условиях, когда алгоритмы являются неким черным ящиком, то есть их внутренние процессы непонятны даже тем, кто их создавал.

Более того, ИИ меняет отношения пациента с собственным телом. Когда здоровье становится объектом анализа технологий, человек начинает воспринимать свое тело сквозь призму данных. Показатели на экране — уровень сахара в крови, частота сердечных сокращений, уровень холестерина — становятся центральными элементами заботы о себе. Это формирует новую форму биополитического контроля, где субъективный опыт болезни и здоровья вытесняется объективными данными (Means, 2022).

Тем не менее сторонники ИИ утверждают, что технологии не обязательно противостоят человеческим ценностям. Напротив, они могут стать инструментом, дополняющим врача, а не заменяющим его (Lee, Bubeck, Petro, 2023). Врач, освобожденный от рутинной аналитической работы, сможет уделять больше времени пациенту, сосредоточиваясь на аспектах общения и психологической поддержки. Вопрос о том, остается ли медицина «без субъекта» с внедрением ИИ, открыт. Алгоритмы могут преобразовать медицину, но от общества зависит, будет ли это преобразование сопровождаться утратой ее гуманистических основ или, напротив, новым их пониманием. В конечном счете в актуальном медицинском дискурсе превалирует тезис, согласно которому ИИ — это лишь инструмент, и то, как и в каких ценностных границах он будет использоваться, зависит от тех, кто стоит за его внедрением.

Фармацевтические компании и доверие общества

Фармацевтическая индустрия, будучи одной из наиболее влиятельных в мире, активно участвует в формировании дискурсов о здоровье и ценностях. Она задает стандарты «нормальности», определяет приоритеты ле-

чения и даже конструирует новые болезни, лечение которых становится не только медицинским, но и социальным императивом. Однако именно в этой сфере наиболее заметны конфликты между гуманистическими ценностями и рыночной логикой.

Деятельность фармацевтических корпораций часто становится поводом для обвинений в этической некомпетентности и злоупотреблении властью. Скандалы вокруг завышения цен на жизненно важные лекарства, сокрытия побочных эффектов от лечения и агрессивного маркетинга подрывают доверие к медицине, создавая благодатную почву для развития альтернативных подходов. Например, дело с препаратом «Дараприм», цена на который значительно выросла, вызвало массовое возмущение и поставило вопрос о моральной ответственности фармацевтического бизнеса. В 2015 году Turing Pharmaceuticals подняла цену на «Дараприм», противопротоzoйное средство, более чем на 5000% после его приобретения, с 13,5 до 750 долл. за таблетку (Halpenny, 2016). Генеральный директор Мартин Шкрели защищал повышение, заявляя, что оно было необходимо для финансирования исследований новых методов лечения и обеспечения прибыльности компании, поскольку предыдущие владельцы продали ее с убытком (Drug Goes from \$13.50 a Tablet to \$750, Overnight, 2015). Резкий скачок вызвал широкое возмущение, акселерируя призывы к этическим соображениям в практике ценообразования в фармацевтической отрасли (Smith, 2016).

Еще одним резонансным случаем стало продвижение опиоидных препаратов в США в 1990-е годы. Purdue Pharma, основанная в 1892 году и принадлежащая семье Саклер, известна разработкой «Оксиконтин», мощного опиоидного обезболивающего, выпущенного в 1996 году. Компания агрессивно продвигала «Оксиконтин» как препарат с низким риском развития зависимости, что внесло значительный вклад в опиоидный кризис в США, в результате которого с 1999 по 2020 год погибло более 500 тыс. человек, ставших жертвами опиоидной зависимости (Van Zee, 2009). В 2007 году компания признала свою вину в неправильном брендировании «Оксиконтин», вводящем в заблуждение принимавших препарат утверждениями о его аддиктивном потенциале. Этот случай стал символом того, как коммерческие интересы могут превалировать над ценностью человеческой жизни.

Иной иллюстрацией ценностного конфликта в фармацевтике стал скандал с «Эпишеном». Его суть, так же как в кейсе «Дараприма», заключается в резком повышении цены корпорации Mylan на дозатор с синтетическим адреналином, которая выросла с примерно 100 долл. в 2007 году до более чем 600 долл. к 2016 году несмотря на минимальные изменения в технологии производства. Разногласия подогревались обвинениями в антиконкурентной практике, включая монополию, созданную посредством сделок с Pfizer, и из-за маркетинговых стратегий, которые вынуждали клиентов покупать две ручки одновременно (Durkin, 2016). Скандал высветил существенные проблемы в фармацевтической отрасли, касающиеся ценообразования и доступа к основным лекарствам, а также вызвал широкое обсуждение в обществе — затрагивался вопрос, является ли

право на жизнь товаром (Greene, 2017). Mylan оправдывала повышение цен затратами на разработку и маркетинг, но общество восприняло это как попытку монетизировать уязвимость пациентов. Конфликты вокруг «Дарাপрима» и «Эпипена» демонстрируют, что фармацевтические компании могут не только разрабатывать средства для спасения жизней, но и становиться источником этических дилемм. Опиоидный кризис, в свою очередь, поставил под сомнение ценности самой медицинской системы: как далеко можно зайти в стремлении облегчить боль; должны ли пациенты быть объектами коммерческих стратегий, подчиненных рыночной логике. Скандалы вокруг Purdue Pharma показали, что ценности сострадания и заботы могут быть искажены в условиях корпоративной медицины.

Наконец, пандемия COVID-19 выявила глобальный дисбаланс в доступе к медицинским ресурсам. Вакцины, разработанные такими компаниями, как Pfizer и Moderna, стали символами спасения, но их распределение обострило вопросы глобальной справедливости (Light, Lexchin, 2021). Страны с низким доходом получили доступ к вакцинам значительно позднее, чем богатые государства, что вызвало критику со стороны ООН и Всемирной организации здравоохранения (Martonosi, Behzad, Cummings, 2021). Этот случай стал не только медицинским, но и моральным вызовом: чья жизнь ценнее; может ли рынок определять, кто получит шанс на выживание, а кто нет. Здесь фармацевтические компании оказались посредниками между гуманистическими и рыночными ценностями, демонстрируя, как сложен этот баланс.

Фармацевтическая индустрия как одна из самых мощных и влиятельных отраслей контемпорального мира оказывает значительное влияние на формирование общественных ценностей и норм. Скандалы, связанные с деятельностью фармацевтических компаний, показывают, что медицина и ее институты не являются нейтральными: они активно участвуют в политике, экономике и культуре. Вместо того чтобы просто служить инструментом лечения болезней, фармацевтика становится полем, где пересекаются и конкурируют рыночная логика, этические нормы и интересы власти.

Этика фармацевтики включает в себя несколько ключевых принципов, которыми руководствуются специалисты в области фармацевтики.

По Т. Моррису и его коллегам из Royal College of Physicians (Великобритания), к этическим принципам фармацевтики относятся:

- 1) автономия: уважение прав пациентов на принятие обоснованных решений относительно своего здоровья;
- 2) благотворительность: содействие благополучию пациентов посредством сострадательного ухода;
- 3) непричинение вреда: избежание причинения вреда пациентам, особенно при назначении лекарственных средств;
- 4) справедливость: обеспечение справедливого распределения ресурсов здравоохранения и равноправного лечения;
- 5) честность и добросовестность: поддержание правдивости в профессиональных отношениях и избегание дискриминационных практик (Morris et al., 2020).

Эти принципы формируют основу этического принятия решений в фармацевтической сфере, подчеркивая превалирование ценности жизни пациента над остальным.

Тем не менее этика фармацевтики остается сложной и противоречивой областью. С одной стороны, индустрия играет ключевую роль в спасении жизней и борьбе с болезнями. С другой стороны, ее деятельность часто подчинена рыночной рациональности, что порождает неравенство, скандалы и кризисы доверия.

Будущее фармацевтической индустрии будет зависеть от того, сможет ли она найти баланс между интересами бизнеса и общественным благом. Это требует не только реформ внутри самой индустрии, но и активного участия государства и общества. В этом направлении открываются возможности сделать медицину справедливой, доступной и ориентированной на ценности, которые выходят за рамки рыночной логики.

Заключение

Исходной задачей статьи было осмысление традиционных ценностей сквозь призму медицинских практик. Теоретической платформой выступила статья Т. А. Вархотова о неконвенциональной природе ценностей, согласно которой сама ценность предшествует любым социальным соглашениям. Вместе с тем заявленная позиция вступает в диссонанс с теми практиками, которые не имеют прецедентов, будь то генная инженерия или искусственный интеллект. Подобные практики будто ставят вопрос: если нет практического ценностного ориентира, то что дозволено и выполняется ли максима, что дозволено все.

Для разрешения этого вопроса обратимся не к идеалистам от философии, не к моральным реалистам, а к отечественному поэту. Из известного стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» мы, как правило, вспоминаем лишь первое четверостишие. Между тем в четвертом четверостишии мы по сути обнаруживаем моральный императив: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я Свободу / И милость к падшим призывал». Этот императив имеет три основания: пробуждение добрых чувств, восславление свободы и милость к падшим. Причем под «падшими» мы можем подразумевать и слабых, маргинальных, то есть всех тех, кто в этой социальной иерархии оказывается ниже нас. Отсюда абстрактное постулирование ценности обретает плоть, которая всякий раз наращивается с появлением новых беспрецедентных кейсов. Имеют ли социальное место в системе традиционных ценностей генномодифицированные дети и чат-боты — или их следует вывести за пределы социального, следуя антропоцентристским идеалам? В направлении «милости к падшим» в границах социального вместе с человеком, уместяющего в своем логическом объеме россиянина, европейца, азиата и африканца, встают природа, техника и новые генномодифицированные единицы. В этом мы обнаруживаем новое измерение традиционных ценностей, когда «сильный» может и должен протянуть руку «падшему».

ЛИТЕРАТУРА

- Вархотов Т. А.* (2024). Неконвенциональная природа ценности // *Patria*. Т. 1. № 1. С. 9–29.
- Гринкевич Л. Н.* (2021). Редактирование генома и регуляция экспрессии генов с помощью технологий CRISPR/Cas в нейробиологии // *Успехи физиологических наук*. Т. 52. № 3. С. 4–23.
- Корнфельт Т.* (2022). Вмешательство в изменение генома. Неестественный отбор. Генная инженерия и человек будущего. М.: Альпина Паблишер.
- Фуко М.* (2010). Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука.
- Хэ Цзянькуй появился в Гонконге, чтобы объявить о результатах своего исследования и ответить на вопросы всех сторон [贺建奎现身香港 宣布其研究成果并回答各方提问] (2018). URL: <https://news.sina.cn/2018-11-28/detail-ihmutuec4407821.d.html> (дата доступа: 05.01.2025).
- Ajana B.* (2021). Immunitarianism: Defence and Sacrifice in the Politics of Covid-19 // *History and Philosophy of Science*. Vol. 43. № 1. P. 25.
- Buch V. H., Ahmed I., Maruthappu M.* (2018). Artificial Intelligence in Medicine: Current Trends and Future Possibilities // *British Journal of General Practice*. Vol. 68. № 668. P. 143–144.
- CRISPR Ethical Concerns (2015) // Future Work Institute. URL: <https://futureworkinstitute.com/crispr-ethical-concerns/> (дата доступа: 05.01.2025).
- CRISPR (2025) // National Human Genome Research Institute. URL: <https://www.genome.gov/genetics-glossary/CRISPR> (дата доступа: 05.01.2025).
- Drug Goes from \$13.50 a Tablet to \$750, Overnight (2015) // *New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/21/business/a-huge-overnight-increase-in-a-drugs-price-raises-protests.html> (дата доступа: 05.01.2025).
- Durkin E.* (2016). Citing EpiPen Price Hike, Clinton Touts Value-Based Pricing Plan // *InsideHealthPolicy.com's FDA Week*. Vol. 22. № 34. P. 1–7.
- Esposito R., Campbell T.* (2006). The Immunization Paradigm // *Diacritics*. Vol. 36. № 2. P. 23–48.
- Greene J.* (2017). EpiPen Controversy Reveals Complexity behind Drug Price Tags // *Annals of Emergency Medicine*. Vol. 69. № 1. P. A16–A19.
- Halpenny G. M.* (2016). High Drug Prices Hurt Everyone // *ACS Medicinal Chemistry Letters*. Vol. 7. № 6. P. 544–546.
- Lander E. et al.* (2019). Adopt a Moratorium on Heritable Genome Editing // *Nature*. № 567. P. 165–168.
- Lee P., Bubeck S., Petro J.* (2023). Benefits, Limits, and Risks of GPT-4 as an AI Chatbot for Medicine // *The New England Journal of Medicine*. Vol. 388. № 13. P. 1233–1239.
- Liesen L. T., Walsh M. B.* (2012). The Competing Meanings of “Biopolitics” in Political Science: Biological and Postmodern Approaches to Politics // *Politics and the Life Sciences*. Vol. 31. № 1/2. P. 2–15.
- Light D. W., Lexchin J.* (2021). The Costs of Coronavirus Vaccines and Their Pricing // *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 114. № 11. P. 502–504.
- Martonosi S. E., Behzad B., Cummings K.* (2021). Pricing the COVID-19 Vaccine: A Mathematical Approach // *Omega*. № 103. Art. 102451.
- Means A. J.* (2022). Foucault, Biopolitics, and the Critique of State Reason // *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 54. № 12. P. 1968–1969.
- Meloni M., Vatter M.* (2023). Biopolitics after COVID: Notes from the Crisis // *Theory & Event*. Vol. 26. № 2. P. 368–392.

Morris T. et al. (2020). Evolution of Ethical Principles in the Practice of Pharmaceutical Medicine from a UK Perspective // *Front Pharmacol*. Vol. 15. № 10. P. 1525.

Peters M. A., Besley T. (2022). Biopolitics, Conspiracy and the Immuno-State: An Evolving Global Politico-Genetic Complex // *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 54. № 2. P. 111–120.

Shinwari Z. K., Tanveer F., Khalil A. T. (2018). Ethical Issues Regarding CRISPR Mediated Genome Editing // *Current Issues in Molecular Biology*. № 26. P. 103–110.

Smith N. C. (2016) The Drug Price Dilemma. Insead Knowledge. URL: <https://knowledge.insead.edu/responsibility/drug-price-dilemma> (дата доступа: 05.01.2025).

Souza R. F., Mathew M., Surapaneni K. M. (2023). A Scoping Review on the Ethical Issues in the Use of CRISPR-Cas9 in the Creation of Human Disease Models // *Journal of Clinical and Diagnostic Research: JCDR*. Vol. 17. № 12. P. JE01–JE08.

Stanford Explainer: CRISPR, Gene Editing, and beyond (2024) // Stanford University. URL: <https://news.stanford.edu/stories/2024/06/stanford-explainer-crispr-gene-editing-and-beyond> (дата доступа: 05.01.2025).

Van Zee A. (2009). The Promotion and Marketing of Oxycontin: Commercial Triumph, Public Health Tragedy // *American Journal of Public Health*. Vol. 99. № 2. P. 221–227.

Yetiskin E. (2022). Biopolitics of “Acquired Immunity”: The War Discourse and Feminist Response-Abilities in Art, Science, and Technology during COVID-19 // *Omics: A Journal of Integrative Biology*. Vol. 26. № 10. P. 552–566.

Zhang B. et al. (2019). Chinese Academy of Engineering Calls for Actions on the Birth of Gene-Edited Infants // *Lancet*. Vol. 393. Iss. 10166. P. 25.

REFERENCES

Ajana B. (2021) “Immunitarianism: Defence and Sacrifice in the Politics of Covid-19”, *History and Philosophy of Science*, vol. 43, no. 1, p. 25.

Buch V. H., Ahmed I., Maruthappu M. (2018) “Artificial Intelligence in Medicine: Current Trends and Future Possibilities”, *British Journal of General Practice*, vol. 68, no. 668, pp. 143–144.

CRISPR Ethical Concerns (2015) *Future Work Institute* (<https://futureworkinstitute.com/crispr-ethical-concerns/>, accessed on 05.01.2025).

“CRISPR” (2025). *National Human Genome Research Institute* (<https://www.genome.gov/genetics-glossary/CRISPR>, accessed on 05.01.2025).

“Drug Goes from \$13.50 a Tablet to \$750, Overnight” (2015) *New York Times* (<https://www.nytimes.com/2015/09/21/business/a-huge-overnight-increase-in-a-drugs-price-raises-protests.html>, accessed on 05.01.2025).

Durkin E. (2016) “Citing EpiPen Price Hike, Clinton Touts Value-Based Pricing Plan”, *InsideHealthPolicy.com's FDA Week*, vol. 22, no. 34, pp. 1–7.

Esposito R., Campbell T. (2006) “The Immunization Paradigm”, *Diacritics*, vol. 36, no. 2, pp. 23–48.

Foucault M. (2010) *Naissance de La Biopolitique: Cours au College de France, 1978–1979*, Saint Petersburg: Nauka.

Greene J. (2017) “EpiPen Controversy Reveals Complexity behind Drug Price Tags”, *Annals of Emergency Medicine*, vol. 69, no. 1, pp. A16–A19.

Grinkevich L. N. (2021) “Genome Editing and Regulation of Gene Expression Using CRISPR/Cas Technologies in Neurobiology”, *Advances in Physiological Sciences*, vol. 52, no. 3, pp. 4–23.

Halpenny G. M. (2016) “High Drug Prices Hurt Everyone”, *ACS Medicinal Chemistry Letters*, vol. 7, no. 6, pp. 544–546.

He Jiankui Appeared in Hong Kong to Announce the Results of His Research and Answer Questions from All Sides (2018) (<https://news.sina.cn/2018-11-28/detail-ihmutuec4407821.d.html>, accessed on 05.01.2025).

Kornfeldt T. (2022) *The Unnatural Selection of Our Species: At the Frontier of Gene Editing*, Moscow: Alpina Publisher.

Lander E. et al. (2019) "Adopt a Moratorium on Heritable Genome Editing", *Nature*, no. 567, pp. 165–168.

Lee P., Bubeck S., Petro J. (2023) "Benefits, Limits, and Risks of GPT-4 as an AI Chatbot for Medicine", *The New England Journal of Medicine*, vol. 388, no. 13, pp. 1233–1239.

Liesen L. T., Walsh M. B. (2012) "The Competing Meanings of 'Biopolitics' in Political Science: Biological and Postmodern Approaches to Politics", *Politics and the Life Sciences*, vol. 31, no. 1/2, pp. 2–15.

Light D. W., Lexchin J. (2021) "The Costs of Coronavirus Vaccines and Their Pricing", *Journal of the Royal Society of Medicine*, vol. 114, no. 11, pp. 502–504.

Martonosi S. E., Behzad B., Cummings K. (2021) "Pricing the COVID-19 Vaccine: A Mathematical Approach", *Omega*, no. 103, art. 102451.

Means A. J. (2022) "Foucault, Biopolitics, and the Critique of State Reason", *Educational Philosophy and Theory*, vol. 54, no. 12, pp. 1968–1969.

Meloni M., Vatter M. (2023) "Biopolitics after COVID: Notes from the Crisis", *Theory & Event*, vol. 26, no. 2, pp. 368–392.

Morris T. et al. (2020) "Evolution of Ethical Principles in the Practice of Pharmaceutical Medicine from a UK Perspective", *Front Pharmacol*, vol. 15, no. 10, p. 1525.

Peters M. A., Besley T. (2022) "Biopolitics, Conspiracy and the Immuno-State: An Evolving Global Politico-Genetic Complex", *Educational Philosophy and Theory*, vol. 54, no. 2, pp. 111–120.

Shinwari Z. K., Tanveer F., Khalil A. T. (2018) "Ethical Issues Regarding CRISPR Mediated Genome Editing", *Current Issues in Molecular Biology*, no. 26, pp. 103–110.

Smith N. C. (2016) *The Drug Price Dilemma. Insead Knowledge* (<https://knowledge.insead.edu/responsibility/drug-price-dilemma>, accessed on 05.01.2025).

Souza R. F., Mathew M., Surapaneni K. M. (2023) "A Scoping Review on the Ethical Issues in the Use of CRISPR-Cas9 in the Creation of Human Disease Models", *Journal of Clinical and Diagnostic Research: JCDR*, vol. 17, no. 12, pp. JE01–JE08.

"Stanford Explainer: CRISPR, Gene Editing, and beyond" (2024), *Stanford University* (<https://news.stanford.edu/stories/2024/06/stanford-explainer-crispr-gene-editing-and-beyond>, accessed on 05.01.2025).

Van Zee A. (2009) "The Promotion and Marketing of Oxycontin: Commercial Triumph, Public Health Tragedy", *American Journal of Public Health*, vol. 99, no. 2, pp. 221–227.

Varkhotov T. A. (2024) "Unconventional Nature of Value", *Patria*, vol. 1, no. 1, pp. 9–29.

Yetiskin E. (2022) "Biopolitics of 'Acquired Immunity': The War Discourse and Feminist Response-Abilities in Art, Science, and Technology during COVID-19", *Omicron: A Journal of Integrative Biology*, vol. 26, no. 10, pp. 552–566.

Zhang B. et al. (2019) "Chinese Academy of Engineering Calls for Actions on the Birth of Gene-Edited Infants", *Lancet*, vol. 393, iss. 10166, p. 25.

Религия — нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества

Рецензия на монографию: «Культура и смерть Бога» (Eagleton T. Culture and the Death of God. New Haven: Yale Univ. Press, 2014)

Султанбек Андиев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: sandiev@hse.ru

Для цитирования: Андиев С. (2025). Религия — нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества. Рецензия на монографию: «Культура и смерть Бога» (Eagleton T. Culture and the Death of God. New Haven: Yale Univ. Press, 2014) // Patria. Т. 2. № 3. С. 106–109.

doi: 10.17323/patria.2025.27624

Religion Is More Than a Tool to Stabilize The Structure of Society

Review of the Monograph: Eagleton T. “Culture and the Death of God”. New Haven: Yale Univ. Press, 2014

Sultanbek Andiev

HSE University (Moscow)

E-mail: sandiev@hse.ru

For citation: Andiev S. (2025) “Religion Is More Than a Tool to Stabilize the Structure of Society. Review of the Monograph: Eagleton T. Culture and the Death of God. New Haven: Yale Univ. Press, 2014”, *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 106–109.

doi: 10.17323/patria.2025.27624

Британский марксистский теоретик культуры Терри Иглтон уже значительное время занимается вопросами религии, и поэтому книгу «Культура и смерть Бога», представляющую собой запись лекций Иглтона, во многом можно рассматривать как расширение его предыдущих интервенций в эту сферу, но под другим углом. Так, если его книга «Разум, вера и революция» (Eagleton, 2009) носила открыто полемический характер, будучи направлена против публичных интеллектуалов из движения «новых атеистов», и во многом раскрывала определенную интерпретацию христианства, формулируемую Иглтоном непосредственно в процессе критики «новых атеистов», то «Культура и смерть Бога» представляет собой в большей мере некоторый историко-философский нарратив о секуляризации с эпохи Просвещения и до наших дней, затрагивая практически все важнейшие фигуры Просвещения, романтизма, немецкого идеализма и другие важные для повествования философские и политические движения. Книга состоит из шести глав: первая глава посвящена месту религии и ее критики в теориях мыслителей эпохи Просвещения; вторая и третья главы раскрывают последствия проекта Просвещения (главным

образом через идею культуры) в наследии немецких идеалистов и романтиков соответственно; четвертая глава уже рассматривает не отдельное философское направление, а целый ряд более поздних авторов (от Мэтью Арнолда до Луи Альтюссера) с их представлениями о роли культуры и религии в обществе; пятая глава посвящена Марксу, Ницше и Фрейду как самым известным атеистическим фигурам в истории философии Нового времени; наконец, в шестой главе Иглтон обсуждает непосредственно состояние культуры в постмодерную эпоху. Таким образом, это скорее книга о социальной стороне религии, чем о теологии или непосредственно философии самой религии. Марксизм Иглтона всегда присутствует на фоне повествования через указание на то, что дискуссия о культуре не была чистым продуктом ума или нейтральной темой, а носила на себе отпечаток политических и классовых вопросов своего времени, выступая во многом как продолжение политики другими средствами и как идеология.

Основной тезис Иглтона состоит в том, что попытка рационализации веры и секуляризации общества если и не провалилась полностью, то определенно представляла собой поиск замены фигуры Бога — и этот поиск сложно назвать удачным. Эта замена должна была обеспечивать все те социальные и индивидуальные функции, что ранее брали на себя Бог и религия, вроде социальной сплоченности или поиска смысла. Дело в том, что просвещенческая реформа религии, хотя и сделала религию более рационально приемлемой для посетителей философских и политических клубов, одновременно с этим превратила ее в настолько «умозрительную» (“cerebral”) сферу, что для основной массы населения такая вера теряла всякую притягательность и не могла выполнять те функции религии, которые большинство просветителей находили полезными по крайней мере социально.

За некоторыми исключениями, вроде Спинозы или Томаса Пейна, просветители не стремились к коренному слому существующей в обществе иерархии и в целом относились к идее просвещения низших слоев общества скептически, что привело их к тезису о двух истинах: одна истина и понимание религии — для высших и средних слоев, другая — для низших. Тем не менее сама идея Бога в процессе рационализации потеряла свою «полнотелость», либо став сводом некоторых моральных предписаний, постижимых рационально, либо же выйдя за пределы разума в область чувств. Оба этих итога, по мнению Иглтона, поставили идею Бога в трудное положение относительно ее влияния на социальную сферу: рационалистический Бог оказался слишком абстрактным, а Бог внутреннего чувства — слишком индивидуальным, чтобы выполнять роль скрепляющей общество силы. Необходимо было найти нечто способное заменить собой эту функцию религии. Немецкий идеализм и романтизм пытались выйти из этой ловушки Просвещения, предложив идею культуры (или, по-другому, эстетики) и новой мифологии, где рациональное объединяется с чувственным, становясь постижимым для всех граждан государства. Эта сфера должна позволить людям отбросить свои частные интересы, предрассудки и разницу в положении, стать хоть на время субъектами, которые выносят всеобщие беспристрастные суждения.

Таким образом, идея культуры, отмечает Иглтон, представляет собой в какой-то мере антиполитику — или, по крайней мере, альтернативу политики. Тем не менее и эта попытка не вышла за пределы интеллектуальных кругов, хотя как обеспечила основу для такого революционного и массового (и на какое-то время довольно успешного в качестве замены религии) движения, как национализм, так и дала ресурсы для критики индустриального капитализма.

Иглтон отмечает, что идея Бога и религии остается настолько глубоко укорененной, что все претенденты на замену несут ее в себе в скрытой форме. Этого диагноза удостаиваются даже такие классические примеры современного атеизма, как Маркс и Ницше. И если в случае Маркса Иглтон видит скорее продуктивное обогащение теории религиозным наследием, которого не следует чураться, то случай Ницше представляется ему гораздо более атеистичным в его борьбе с идеей Человека. Ницше, в противовес целому ряду гуманистов до него, правильно уловил непосредственную связь и производность этой идеи от идеи Бога и видит в Человеке последнее прибежище для Бога. Расправа с идеей Человека, появление на мировой сцене Сверхчеловека и будет означать окончательную смерть Бога. Но даже в таком проекте Иглтон все еще находит отголоски теологии непосредственно в фигуре Сверхчеловека. Ницше, таким образом, не смог совершить полный разрыв с Богом, хотя и был в этом стремлении гораздо более откровенным, чем многие другие мыслители.

При всем при этом концепт культуры как замены и религии, и политики еще долго остается центральным для последующих поколений мыслителей; он действительно приблизился к закату (но не достиг его) только к концу XX века, во время позднего капитализма и постмодернизма — первого действительно атеистического времени в истории человечества, согласно Иглтону. Этот атеизм куплен дорогой ценой, так как скорее представляет собой просто отсутствие веры во что-либо за пределами логики рынка. Но и этот упадок идеи культуры длился недолго, и подъем религиозного фундаментализма — как в странах Глобального Юга, так и в части западных стран — вновь вернул фигуру Бога в центр политических и философских дискуссий. Это в свою очередь заставило сторонников секуляризма вновь обратиться к культуре, признав при этом ее неразрывную связь как с политикой, так и с религией.

Иглтон завершает книгу формулировкой предположения, идущего вразрез с общим социально-инструментальным рассмотрением функций религии, которое являлось предметом интереса для большинства упомянутых в книге мыслителей. Иглтон указывает, что религия — это нечто большее, чем инструмент стабилизации структуры общества, и те, кто сводит религию к этой роли, упускают весь ее критический потенциал. Новый Завет — это не пособие о том, как быть ответственным гражданином, а призыв к коренной трансформации жизни. Возможно, пишет Иглтон, именно такая позиция будет способна вдохнуть новую жизнь в наше понимание веры и ее взаимосвязей с политикой и культурой. В этом смысле Иглтон в своем отношении к религии скорее ближе к таким фигурам, как Эрнст Блох или Славой Жижек, чем к большинству героев своего пове-

ствования. Такой вывод вне связи с другими работами Иглтона (или же вне общего знакомства с (пост)марксистскими исследованиями религии) скорее приглашает читателя к дальнейшему изучению вопроса — хотя надо заметить, что в нескольких местах книги Иглтон все же указывает на работы, которые посвящены данной теме (например «Вера неверующих» Саймона Кричли (Critchley, 2014)), или же упоминает общие религиозные концепты других философов вроде Жижека или Бадью. В целом эта книга Иглтона может рассматриваться как некоторое историческое введение к проблеме (пост)секуляризма, а также к другим работам Иглтона, которые больше затрагивают уже саму природу веры и историю религии.

Как уже было отмечено в начале, это не первая книга Иглтона по тематике религии, и читатель его предыдущих работ может столкнуться с целым рядом тезисов или представлений, которые уже были произведены в предыдущих работах, иногда без каких-либо заметных дополнений или пояснений. Иглтона можно также упрекнуть в довольно сумбурном распределении акцентов в некоторых местах повествования: хотя немецкому идеализму и романтизму посвящены отдельные главы, в действительности в каждой из двух глав идеалисты и романтики присутствуют примерно в равном количестве. При этом смена фокуса с одного мыслителя на другого из этих традиций может происходить по несколько раз на странице. Это сильно контрастирует, например, с изложением идей британского поэта и культуролога Мэтью Арнолда, которому беспрерывно посвящена практически половина четвертой главы. В пятой главе, которая отведена классической троице «философии подозрения» (Маркс, Ницше, Фрейд), тоже на самом деле уделяется внимание только первым двум, в то время как Фрейд удостоивается только двух страниц. Как видится, все это можно оправдать тем, что книга представляет собой серию лекций.

В целом из рецензируемой книги читатель может получить общие представления об истории идеи культуры и идеи Бога. Но даже если не выходить за пределы довольно широкого выбора книг самого Иглтона, то можно найти работы (как вышеупомянутая «Разум, вера и революция»), которые исследуют каждую из этих тем по отдельности, но более глубоко. Тем не менее знакомство с рассматриваемой книгой может выступать как первый шаг для дальнейшего погружения в эти столь важные для Иглтона идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Critchley S. (2014). *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology*. L.; N. Y.: Verso.

Eagleton T. (2009). *Reason, Faith, & Revolution: Reflections on the God Debate*. New Haven: Yale Univ. Press.

REFERENCES

Critchley S. (2014) *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology*, L.; N. Y.: Verso.

Eagleton T. (2009) *Reason, Faith, & Revolution: Reflections on the God Debate*, New Haven: Yale University Press.

Борьба добра и зла в эпоху стриминга

Рецензия на сборник статей: «Католический хоррор на телевидении: призрачная вера» (Beliveau R., Bolf-Beliveau L., DeFoster R., Engstrom E. Catholic Horror on Television: Haunting Faith. L.: Lexington Books, 2024)

Анна Христюк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

E-mail: ahristyuk@hse.ru

Для цитирования: Христюк А. (2025). Борьба добра и зла в эпоху стриминга. Рецензия на сборник статей: «Католический хоррор на телевидении: призрачная вера» (Beliveau R., Bolf-Beliveau L., DeFoster R., Engstrom E. Catholic Horror on Television: Haunting Faith. L.: Lexington Books, 2024) // Patria. Т. 2. № 3. С. 110–114.

doi: 10.17323/patria.2025.27625

The Struggle of Good and Evil in the Age of Streaming

Review of the Collected Articles: Beliveau R., Bolf-Beliveau L., DeFoster R., Engstrom E. Catholic Horror on Television: Haunting Faith. L.: Lexington Books, 2024

Anna Hristyuk

HSE University (Moscow)

E-mail: ahristyuk@hse.ru

For citation: Hristyuk A. (2025) “The Struggle of Good and Evil in the Age of Streaming. Review of the Collected Articles: Beliveau R., Bolf-Beliveau L., DeFoster R., Engstrom E. Catholic Horror on Television: Haunting Faith. L.: Lexington Books, 2024”, *Patria*, vol. 2, no. 3, pp. 110–114.

doi: 10.17323/patria.2025.27625

Издательство Rowman & Littlefield, которое недавно перешло в структуру Bloomsbury Publishing, славилось серией «Лексингтонские книги об исследованиях хоррора» («Lexington Books Horror Studies»). Среди прочего в серии в 2024 году вышел сборник статей «Католический хоррор на телевидении: призрачная вера», предлагающий комплексный взгляд на репрезентацию католицизма в телевизионных хоррор-сериалах последнего десятилетия. Объединяя исследования медиа и религиоведение, авторский коллектив анализирует, как традиционные религиозные образы становятся объектом трансформации и критики в условиях современной медиасреды.

Во введении авторы очерчивают основные направления своей работы. Прежде всего они отмечают, что религиозная символика, в частности католическая, заняла устойчивое место в истории хоррора как жанра. Это проявляется как в визуальной эстетике (образы священников, монасты-

рей, ритуалов), так и в сюжетах, где борьба между добром и злом часто приобретает богословское измерение. Особое внимание уделяется тому, как именно католицизм становится культурным маркером «иного» — таинственного, угрожающего или, наоборот, спасительного.

Авторы прослеживают также эволюцию изображения католицизма от раннего голливудского кинематографа с элементами готики до сериалов XXI века. Поворотным моментом в истории католического хоррора стало возрождение поджанра в популярных голливудских картинах конца 1960-х — начала 1970-х годов. Окончательно это произошло с выходом фильма «Изгоняющий дьявола» (*The Exorcist*, реж. У. Фридкин, 1973), в котором католические ритуалы и священные предметы изображены с точки зрения их силы в борьбе с осязаемым злом. Этот фильм, как указывают исследователи, задал тон целой традиции будущих картин, где Церковь изображается как прямое противопоставление чему-то демоническому.

Кроме того, во Введении авторы обращают внимание на двойственный характер таких репрезентаций. С одной стороны, Церковь изображается как защитник и посредник между человеком и метафизическим злом. С другой, все чаще появляются картины, где католическая институция сама становится объектом критики и зачастую ассоциируется с силами подавления или насилия. Особенно это характерно для современных сериалов. Именно здесь и происходит второй важный поворот в истории католического хоррора. Развитие стриминговых платформ и выход за пределы телевизионного формата открыли поджанру католического хоррора возможность для проговаривания ранее табуированных тем: от духовного выгорания до институционального предательства. Стриминговые сервисы, в отличие от традиционного эфирного телевидения, предоставляют создателям контента большую свободу в выборе тем и средств их выражения. Это ведет к росту интереса к жанрам, ранее считавшимся нишевыми. Пример тому — хоррор. Эта динамика позволила детальнее и глубже разрабатывать новые религиозные сюжеты с непривычной оптикой. Именно благодаря этому католический хоррор, по мнению авторов книги, получил вторую жизнь в таких сериалах, как «Изгоняющий дьявола» (*The Exorcist*, 2016), «Полуночная месса» (*Midnight Mass*, 2021), «Зло» (*Evil*, 2019–2024) и «30 сребреников» (*30 monedas*, 2020–2023), о которых подробнее говорится в последующих главах.

Важным является замечание авторов о позиционировании данных сериалов. Исследовательский интерес к теме вызван собственным католическим прошлым — все четыре автора так или иначе были тесно связаны с Церковью и ее традициями. Это во многом определяет их подход к материалу: вместо внешней критики делается попытка дополнительной рефлексии над собственной культурной принадлежностью. Однако это совсем не умаляет научной ценности исследования.

Таким образом, Введение не только закладывает комплексную исследовательскую рамку, но и формирует общий тезис книги: католический хоррор сегодня — это не маргиналия жанра и не узкий жанровый фе-

номен, а симптом более широких культурных процессов: трансформации религиозности, кризиса авторитетов и медиатизации духовной веры.

Первая глава книги посвящена телесериалу «Изгоняющий дьявола», снятому на основе одноименного фильма 1973 года. Автор главы, Лаура Болф-Беливо, использует при анализе сериала концепцию Барбары Крид о монструозно-феминном (*monstrous-feminine*) в контексте католического экзорцизма. Основным примером в сериале служит образ Риган — взрослой женщины, которая скрывает свою прошлую одержимость, а также ее дочери, которая становится новой жертвой демонического воздействия. Через эти параллели Болф-Беливо отмечает, что женщины в католическом хорроре традиционно были объектами изгнания зла и жертвами одержимости, в то время как католические священники часто изображаются в героическом и позитивном свете. Однако в случае этого сериала репрезентация женщин выходит за пределы устоявшегося канона, и они предстают в качестве агентов духовной трансформации героев. В этом заключается критический поворот в деконструкции классического нарратива экзорцизма. В сериале женщины становятся теми, кто способен поставить под сомнение власть священника и одновременно предоставить альтернативный путь духовного исцеления — через эмпатию и совместное страдание. Таким образом, женщины становятся медиаторами между сложившейся иерархией и тем, что можно назвать этикой заботы.

Затрагивается также другая важная тема — кризис веры у самих священников. В сериале переосмысливаются образы современных отцов-экзорцистов Кина и Ортеги. Их прежняя вера подвергается сомнению, а готовность нарушать правила говорит о желании искать более гуманный способ взаимодействия с одержимыми. Так, Болф-Беливо демонстрирует, что сериал не просто воспроизводит уже знакомые жанровые тропы, но и проблематизирует понятие религиозного авторитета.

Вторая глава, написанная Рут ДеФостер, анализирует сериал «Полуночная месса» и сосредоточена на теме вампиризма, харизмы и зла. Главный герой сериала, харизматичный — на этом делается акцент — отец Пол Хилл, возвращается на родной остров с миссией возрождения общины, но оказывается носителем буквального зла: он заражен вампиризмом, который подается как форма «новой жизни» и якобы божественного всеобщего исцеления населения.

ДеФостер раскрывает, каким образом «Полуночная месса» использует религиозную риторику для ритуализации насилия. Вера жителей острова, их готовность к слепому самопожертвованию, процесс исповеди — все это постепенно становится частью одного большого ритуала, в котором вампиризм и католицизм становятся неотличимы друг от друга. Авторы сериала, по мнению ДеФостер, демонстрируют, что харизма может служить инструментом манипуляции, если она лишена осмысления и основана лишь на безусловном доверии к духовной власти.

Особое внимание вновь уделяется женским персонажам — в частности героиням Эрин и Саре, которые выступают носительницами сомнения, рациональности и этического суждения. Противостояние между ними

и отцом Полом задает моральный вектор всего повествования сериала: вера без критического взгляда превращается в слепоту, а истинное страдание состоит в сопротивлении ритуализированному злу.

В третьей главе монографии, написанной Эрикой Энгстром и посвященной сериалу «Зло», исследуется мотив двойственности. Согласно основной идее главы, католический хоррор в этом сериале представлен как поле напряжения между рациональным и сверхъестественным, наукой и верой. Энгстром рассматривает структуру сериала как постоянную игру с неопределенностью: каждый эпизод предлагает расследование паранормального события, однако ответ на вопрос «Что это было?» всегда остается открытым.

Как считает Энгстром, создатели сериала сознательно эксплуатируют амбивалентность: психология и теология находятся в диалоге, но и одновременно в конфликте. Три главных героя — психолог-скептик, технический эксперт и католик-семинарист — представляют три линии интерпретации происходящего, и сериал отказывается утвердить приоритет какой-либо из них. В этом смысле, как подчеркивает исследовательница, «Зло» не столько подтверждает религиозный дискурс, сколько проблематизирует его, помещая в широкую систему интерпретаций, где вера рассматривается наряду с рациональным и техническим знанием.

При этом ключевым моментом сериала становится образ зла как части неуловимого, но повседневного. Это зло, которое не воплощается в демоне или ритуале, но которое способно проникать повсеместно — в семью, воспитание или интернет-культуру. Оно не подвластно изгнанию, так как не связано напрямую с религией. Напротив, оно маскируется под нормы и укореняется в привычных практиках. Именно поэтому «Зло» сохраняет жанровую принадлежность католического хоррора, но выводит сакральное на уровень тревожной повседневности.

Наконец, четвертая глава, написанная Ральфом Беливо, посвящена испанскому сериалу «30 сребреников» и представляет собой, пожалуй, наиболее любопытную, но в то же время дискуссионную часть книги. Беливо утверждает, что этот сериал следует рассматривать не только как католический хоррор, но и как часть другого субжанра — фолк-хоррора. Именно это жанровое определение требует уточнения.

Аргументация автора строится на ряде узнаваемых признаков фолк-хоррора: действие разворачивается в изолированной, глубоко укорененной в традиции деревне, жители которой становятся свидетелями сверхъестественных событий. Все это, по мнению Беливо, роднит «30 сребреников» с каноническими образцами фолк-хоррора. Автор также отмечает отсылки к ключевым картинам субжанра — «Плетеный человек» (*The Wicker Man*, реж. Р. Харди, 1973) и «Ведьма» (*The Witches: A New-England Folktale*, реж. Р. Эггерс, 2015), но подчеркивает, что в сериале эти мотивы переработаны в католическом контексте.

Однако при более пристальном рассмотрении становится ясно, что основная структура «30 сребреников» гораздо ближе к канонам католического хоррора. Центральным персонажем остается священник — экзорцист, в прошлом работавший в Ватикане, а источником зла выступает рацио-

нально организованная секта внутри Церкви. Ключевое различие между фолк-хоррором и католическим хоррором заключается в происхождении и характере ужаса. В фолк-хорроре страх рождается из конфронтации с архаичным, дохристианским, часто языческим или забытым знанием, которое возвращается, чтобы нарушить современные устои. В сериале же источник страха исходит не извне, а из скрытых структур властной религиозной системы. Это не возвращение вытесненного прошлого, а внутренний конфликт системы.

Иными словами, причисление «30 сребреников» к фолк-хоррору скорее отражает современную тенденцию жанровой гибридизации и академической моды на это понятие. Тем не менее глава Беливо крайне ценна как попытка расширить жанровую категорию католического хоррора и вписать ее в более широкие эстетические тренды. В ней подчеркивается, что современный телевизионный хоррор активно комбинирует различные подходы, а границы между ними становятся все менее четкими.

В Послесловии авторы возвращаются к ключевым вопросам книги, подчеркивая педагогический потенциал описываемого феномена. Подобные сериалы не учат вере напрямую, но побуждают к ее переосмыслению как личного и социального опыта. Авторы сознательно удерживаются от морализаторства, предлагая читать католический хоррор как зеркало процессов, происходящих с религией прямо сейчас. Католический хоррор на телевидении — это не просто жанровая форма, а способ вести разговор о вере в условиях постсекулярности и пошатнувшегося доверия к институтам в западных обществах, не превращая религию ни в карикатуру, ни в догму.

Правила подачи статей и подписки
можно найти на сайте журнала:
<https://patria.hse.ru>

Rules for submitting articles and subscriptions
can be found on the journal's website:
<https://patria.hse.ru>

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЯ:
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Издательский дом
Высшей школы экономики
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15298
E-mail: id@hse.ru

PUBLISHER AND DISTRIBUTOR ADDRESS:
Myasnitskaya Str. 20, 101000, Moscow, Russia
HSE Publishing House
Tel.: +7 495 772-95-90 ext. 15298
E-mail: id@hse.ru

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ: В. П. Коршунов
ВЕРСТКА: Т. Г. Шейнов
КОРРЕКТОР: О. А. Шестопалова

COVER: Valery P. Korshunov
LAYOUT: Tikhon G. Sheynov
PROOFREADER: Olga A. Shestopalova

Подписано в печать 08.07.2025. Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 9,4. Тираж 200 экз.

Отпечатано ООО «Б2-Принт»
109548, Москва, Шоссейная ул., д. 1, кор. 1
Тел./факс: +7 916 716-07-60
E-mail: anny30@mail.ru

patria.hse.ru

ТОМ 2
3
2025

Денис Артамонов

Софья Тихонова

Вера Потапова

Дмитрий Моисеев

Кирилл Стуканов

Наталья Синеокая

Валентина Редникина

Регина Пеннер

Султанбек Андиев

Анна Христюк

Объединенный каталог
«Пресса России»
Подписной индекс 28043

